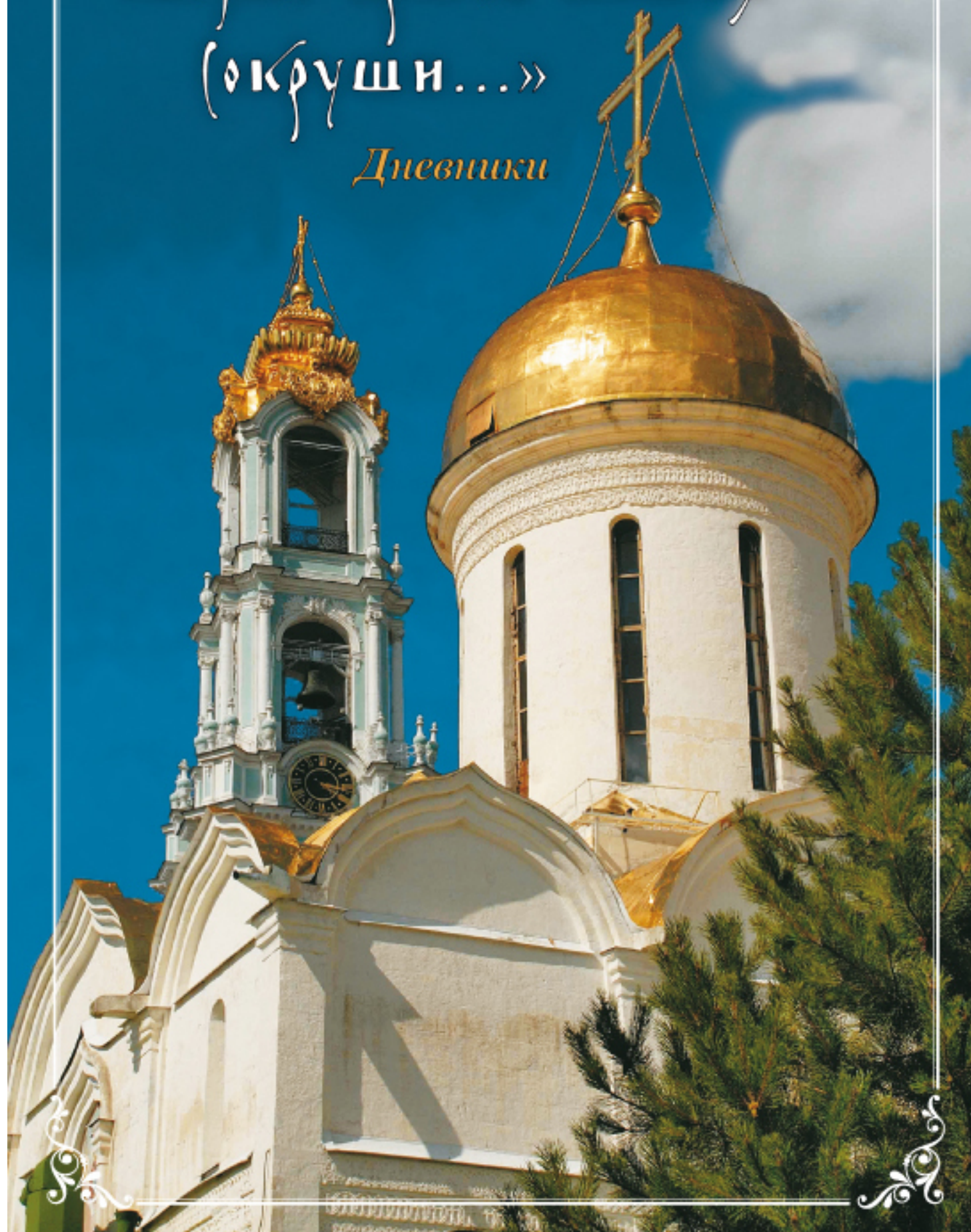

Архиепископ Никон

«КОЗНИ ВРАГОВ НАШИХ
СОКРУШИ...»

Дневники

Никон Рождественский
**«Козни врагов наших
сокруши...»: Дневники**

«Сибирская Благовонница»

1910-1917

Рождественский Н.

«Козни врагов наших сокруши...»: Дневники /
Н. Рождественский — «Сибирская Благовонница», 1910-1917

ISBN 978-5-91362-089-7

Дневники выдающегося подвижника благочестия и церковного деятеля нач. XX столетия, автора лучшего труда о жизни и подвигах прп. Сергия Радонежского, после долгого забвения возвращаются к благочестивому русскому читателю. Записки охватывают трагический для России период – с 1910 по 1917 год, годы Первой Мировой войны и революцию. Владыка Никон дает духовную оценку происходящим событиям.

ISBN 978-5-91362-089-7

© Рождественский Н., 1910-1917

© Сибирская
Благовонница, 1910-1917

Содержание

Никон (Рождественский) – великий святитель XX века	7
Мои дневники	14
№ 1	14
№ 2	16
№ 3	18
№ 4	20
№ 5	23
№ 6–7	25
№ 8	29
№ 9	32
№ 10	35
№ 11	39
№ 12	42
№ 13	44
№ 14	47
№ 15	49
№ 16	51
№ 17	53
№ 18–19	56
№ 20	62
№ 21	64
№ 22–23	67
№ 24–29	72
№ 30	86
№ 31	90
№ 32	92
№ 33	94
№ 34	96
№ 35	99
№ 39	108
№ 40	111
№ 41	114
№ 42	118
№ 43	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Архиепископ Никон (Рождественский) «Козни врагов наших сокруши...». Дневники

*По благословению Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и
Ладозжского*

«...Ваши Дневники писаны кровью Вашего сердца и вызывают скорбь и боль, когда читаешь их, они точно анатомическим ножом вскрывают язвы, которыми страдает наше бедное Отечество. Весьма желательно, чтобы они изданы были отдельной книгой и получили широкое распространение.

Польза будет великая...»

июнь 1911

*Из письма святителя Николая Японского к архиепископу Никону
(Рождественскому)*

Печатается по изданию : Архиепископъ Никонъ (Рождественскій).

*Мои дневники. Выпуски I–VIII. 1910–1917 годы. Сергиевъ Посадъ. Типографія Св. –
Тр. Сергеевой лавры.*

Никон (Рождественский) – великий святитель XX века

Александр Стрижев

Имя архиепископа Никона (Рождественского) постепенно в его творениях возвращается к русским людям, снова прочно входит в наш читательский обиход.

Естественно, о человеке такого масштаба, как владыка Никон, можно было бы рассказывать много и все равно всего не пересказать, потому как жизнь его была поистине подвижнической, насыщенной событиями ярчайшими. Начну с его детства.

В Подмосковье есть село Чашниково – совсем, можно сказать, неизвестное село. Оно памятно разве тем, что в нем 4 апреля 1851 года родился будущий архиепископ Никон.

В миру архиепископ Никон был Николаем Ивановичем Рождественским. Его отец, Иван Андреевич, скромный сельский дьячок; мать, Ольга Ивановна, была, как говорил впоследствии сам владыка, «Христова крестоносца» – она несла большой и тяжелый крест по воспитанию детей: в семье было двадцать два ребенка. Жили в чрезвычайно бедных, стесненных условиях, так что можно представить тот груз забот, который лежал на плечах этой сельской женщины.

Вот как впоследствии сам будущий владыка описывал свое детство:

«С первых дней сознательной жизни, как только я себя помню, я вижу себя на руках родителя, который носил меня чрез сугробы снежные в Божий храм; я любил ходить туда не только в праздник, но и в будни, не только на службу Божию, но и в то время, когда мой родитель – дьячок – топил церковные печи. Со стен церковных смотрели на меня лики угодников Божиих, лики серьезные, благоговейные, с молитвенным выражением. В воздухе ощущался запах ладана и воска. Казалось, что в этой священной тишине незримо, но сердцу осязаемо, носились ангелы Божии. Таинственная завеса в Царских дверях, святая плащаница за клиросом, старые, потемневшие хоругви, ряды икон, уходящие к сводам храма в иконостасе, – все говорило детскому сердцу: это – не простое место, это – храм Божий...» Николай Рождественский от природы был хилым мальчиком, к тому же в пятилетнем возрасте он ослеп на один глаз. И вот такой полукалека сумел развернуться в гиганта. Великие способности у него определились как-то сразу. К восьмилетнему возрасту он уже три раза прочел славянскую Библию. Представьте, одноглазый мальчик сподобился прочесть огромную книгу, прочесть три раза на церковнославянском языке! Помимо этой книги, он прочел еще несколько томов Четьих-Миней, прочел и другие основные великие православные церковные творения.

После окончания сельской церковноприходской школы Николай поступил в Московское духовное училище, где считался тоже первым учеником. Закончив несколько духовных училищ, Рождественский не стал поступать в Духовную академию, поскольку ему надо было добы-

вать хлеб самому. Та к что высшего богословского образования Николай не получил, но впоследствии, по обширным его знаниям, он будет избран почетным профессором Московской Духовной академии.

В 1874 году Николай Рождественский стал послушником Ново-Иерусалимского монастыря, основанного в XVII веке патриархом Никоном, пошел узким, тернистым монашеским путем. Некоторое время он подвизался в этом монастыре. А с переводом оттуда настоятеля, отца Леонида (Кавелина), наместником в святую Троицкую Лавру туда же перешел и его послушник. Видно, так инок и наместник сдружились, что не захотели расставаться.

Прошло еще несколько лет, и в 1880 году Николай Рождественский принял постриг с именем Никон. В переводе на русский «Никон» – «побеждающий». Такое вот выбрали ему имя, и впоследствии он действительно будет побеждать врагов Церкви, врагов России.

Литературные способности проявились в Никоне чрезвычайно рано. Еще в училище он издавал журнал, писал стихи, причем неплохие стихи. Слава Богу, его архив уцелел в революционные годы, и там, если мы откроем его папки, увидим и стихи ранних лет, и разного рода дневниковые записи. Литературная склонность в нем как-то весьма быстро определилась и приняла оригинальный характер. Стиль его письма – неподражаемо оригинален, всегда трепетно-динамичен, а главное, за что бы ни брался Никон, в нем чувствовался полемический задор – своими писаниями он весьма убедительно давал отпор разным извратителям истины. Будучи послушником в Лавре, еще до принятия монашеского пострига, в 1879 году Никон начал выпускать Троицкие листки. К Троице притекало множество паломников, собственно, вся богомольная Россия стремилась посетить эту святыню, чтобы припасть там к целебноносным мощам преподобного Сергия. И народ по всем углам России в котомках нес листки, издаваемые в Лавре Никоном. Лаврская типография печатала их буквально сотнями тысяч штук; в общей сложности этих листков было напечатано более миллиона. Листки продавали по копейке, а иногда давали и даром. Когда паломник возвращался в родное село, он собирал богомольных людей – тогда вся крестьянская Россия была православной, по-настоящему богомольной, – и соборно читались вслух эти листки, люди утешались, находили в них много мыслей нужных. Та к читающая православная Россия получала душепитательное слово Лавры.

В те молодые свои годы Никон сумел создать классическую книгу «Житие и подвиги преподобного Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца». Эту книгу переиздают и теперь – о великом святом ей равных нет. Написанная образным языком, книга настолько проникновенна, что даже черствое сердце наскоро разогреется и возгорится богомыслием при чтении ее замечательных страниц. Впервые книга о преподобном Сергии вышла в 1885 году и весьма быстро выдержала пять изданий – ее искали, ее читали, ее любили и любят до сих пор. Как сказал Иван Сергеевич Аксаков, книга «исполнена благотворной красоты, которой подражать нельзя».

Вот такой это был талант литературный! Мы иногда выпускаем из виду, что ведь и среди духовных публицистов было много одаренных литераторов. Часто думают, что церковная публицистика бесцветна. Ничего подобного! Церковная публицистика в лучших своих образцах – это еще и замечательные литературные произведения. Вспомним, к примеру, статьи и пламенные Слова святого Иоанна Кронштадского, проповеди протоиерея Иоанна Восторгова или того же архиепископа Никона – все это, конечно, публицистика высочайшего уровня.

За Троицкие листки Никон получил Макариевскую премию в 1900 году. Тем самым высокое церковное начальство достойно оценило его работу. Естественно, был у него рост и по церковной линии: уже в 1904 году мы видим его епископом Муромским, затем он занимает Серпуховскую кафедру, позже становится настоятелем Свято-Данилова монастыря.

В 1905 году, когда разыгралась жестокая революция, епископ Никон не мог промолчать об этом ужасном разорении России. И вот 16 октября того бедоносного года в «Московских ведомостях» он печатает замечательную статью против кромешников: «Что нам делать в эти

тревожные дни?» То есть что делать русским людям в такое лихое время. В статье он призвал русских людей сплотиться и дать отпор врагам России.

Этот призыв вызвал яростный накат еврейской печати на позицию Никона. Либеральные публицисты, чужероды вкупе с иудействующими, изрыгая хулу на подвижника Христова, вовсю выказывали свое обличье ненавистников России. Впоследствии, уже в наше время, у этих публицистов и даже иереев, пропитанных обновленческим духом, объявятся последователи. Я имею в виду священника-филокатолика и ярого русофоба Георгия Чистякова. Это он, современный обновленец, встретит с ядовитой пеной у рта выход в свет предтечи нашего издания – книги публицистики владыки Никона «Православие и грядущие судьбы России» (издание Псково-Печерского монастыря, составитель – иерей Ярослав Шипов, 1995 г.). Провокационная рецензия Чистякова пришлась по душе разве что русофобской, так называемой «Русской мысли» (1996, № 4137) и ее сеятелям римокатолической ереси на нашей земле. Всем же людям, просвещенным Светом Христовым, даже и робкое то издание пошло на пользу. Оно усвоено и стало залогом будущих более полных сборников публицистики бесстрашного Святителя.

Разного рода революционеры и смутьяны, естественно, и все ненавистники России с ними, ополчились тогда, в 1905 году, на владыку Никона, стали его проклинать на страницах «прогрессивной» печати за призыв к русским людям сплотиться, отвергнув путь позора и предательства своей страны, предательства своих же собственных интересов. Видите ли, Никон зовет людей одуматься и сплотиться! Виданное ли это дело! Началась оголтелая массированная атака, направленная против владыки Никона, докатившаяся и до Святейшего Синода. А в Синоде были в то время не все такими, как епископ Никон. Там были и те, кто иногда подыгрывал революционным страстям. Один из них – Петербургский митрополит Антоний (Вадковский) – личность известная в истории Церкви своей двусмысленностью, симпатиями к разного рода прогрессистам-революционерам и к церковным реформаторам. Именно он настоял на том, чтобы удалить владыку Никона из Москвы и из Троицкой Лавры, упрятав его подальше, в глубинку. И настояние Антония (Вадковского) поддержали синодалы, ведь Синод буквально завалили требованиями от лица так называемой «прогрессивной интеллигенции» и «трудящихся», раскрученных революционерами. В Синоде пошли им навстречу, назначив епископа Никона на Вологодскую кафедру. По существу, его услали подальше от Москвы, полагая, что в удаленном месте он будет потише. На календаре был 1906 год.

Но владыка Никон не тот человек, чтобы вдали от Москвы сидеть тихо. В церковной печати он продолжал выступать с прежней прямоотой. Причем все, о чем он говорил раньше, выражал еще более ярко. Это был важный этап его борьбы против революционеров и разложившихся разного рода.

Побыв какое-то время на Вологодской кафедре, владыка Никон попросил в 1912 году об увольнении с занимаемой церковной должности. Его прошение удовлетворили – и он снова осел в родной Лавре. Но еще до возвращения Никон стал выпускать в Лавре журнал «Троицкое слово». Этот замечательный журнал – его детище, его творение, и творение, можно сказать, самое любимое. В журнале, буквально в каждом номере, были статьи самого владыки Никона. Причем это были не какие-то заметки, а большие статьи, в которых взят за основу злободневный момент из жизни России и вокруг этого события, сугубо современного (для той поры, конечно), разворачивались рассуждения самого Никона. Как правило, получался либо яркий памфлет против властей предрержащих (кто, по существу, тогда работал на развал России), либо обличительная статья против всякого рода революционных отщепенцев, которых было много в разных сословиях, в том числе и в духовном. В духовных семинариях и даже в правой печати было много людей, стремившихся расшатать устои общества и Церкви. Возьмем такого правого публициста, как князь Владимир Петрович Мещерский, издателя газеты «Гражданин». Издавал он эту газету много десятилетий, еще вместе с Достоевским когда-то начинал ее выпускать. Та к вот, даже князь Мещерский и тот как-то сочувствовал разным вея-

ниям революционной новизны. Тогда, несмотря ни на какие сложности, ни на какую дружбу, выступил с боевой статьей архиепископ Никон и весьма доказательно вскрыл всю несостоятельность такой двойственной позиции, если речь идет о спасении России. Никон не признавал никакого компромисса ни в чем. И ежели человек изменял нашему православному русскому идеалу, владыка брал обличающий бич и бичевал его.

Та к было всегда: касалось ли это публициста Василия Розанова, который чрезестественно метался и был весьма непостоянен, – владыка Никон отстаивал принципиальные интересы Церкви и веру нашего народа. Взять, к примеру, духовного писателя Евгения Николаевича Поселянина (его настоящая фамилия Погожев). Когда отпал от Церкви Лев Толстой, Поселянин стал сомневаться, правильно ли поступила Церковь в своем определении по этому факту, начал делать разного рода заявления: дескать, это великий писатель и к нему нужна особая вероучительная мерка. Тогда весьма твердо ему ответили некоторые церковные авторитеты. Ответил ему и архиепископ Никон, сказав, что никаких колебаний в отношении графа Толстого быть не может – он сам завещал не отпевать себя, не ставить над его могилой креста... Что же вы хлопочете? Он сам, добровольно отпал от Церкви. Есть письменное его заявление на этот счет, и устные указания он давал своим приближенным... Зачем же лицемерить? Споры эти разгорались в печати уже после Толстого. Самое существенное то, что архиепископ Никон еще при жизни Льва Николаевича твердо защищал Православие от его нападков.

Начало XX века, помимо прочего, отмечено еще и оживлением сектантской агрессии. Повсюду возникали секты и оживлялись старые, угасшие лжеучения пашковцев, толстовцев, духоборов, молокан, хлыстов. Стали популярными спиритизм и теософия. Несть конца этому богоборчеству! Секты порождены были в какой-то мере самой явью внутри России, но очевидной была и совершенно наглая конфессиональная агрессия с Запада. Срабатывали те же самые приемы, которые мы наблюдаем и сейчас. Против всего вредоносного надо было выдвигать православную истину – истину не тускнеющую, истину, которую мы всегда носим в своем сердце. К сожалению, и в лоне самой Русской Церкви, и в кругу либеральной богоискательствующей интеллигенции появились свои лжеумствования – например, «софиология», проповедником которой был Сергей Булгаков и другие религиозные вольнодумцы.

Одно из лжеумствований, доставившее много хлопот Православной Церкви и, в частности, архиепископу Никону, – кривоверие «имябожников», вылившееся в так называемую «афонскую смуту». Афонская смута особенно свирепствовала в 1913 году. С чего она началась?

В среде афонских монахов (а их было много: в русских монастырях на Афоне тогда спаслось 1700 монахов из России) еще ранее той даты завелась прелесть суемудрия, вскоре она переросла в примат ограниченного познания – в имябожническую ересь. В принципе вся эта ересь умещалась в несколько строчек: имябожники утверждали, что в самом имени Бога присутствует Сам Бог. Наши церковные иерархи, в их числе архиепископ Никон, и говорили, и писали против этой ереси еще до того, как смута достигла апогея.

В 1913 году беспорядки превзошли всякие мыслимые размеры, и тогда Синодом на Святую гору был отправлен Никон (он в ту пору был уже членом Святейшего Синода), чтобы умиротворить бунтующих монахов-имябожников, откровенно терроризировавших всех, не согласных с их лжеучением. Но бунтовщики угрожали расправой, у них появилось оружие. На Афон проникли революционеры – прятались там и верховодили. Были у них типографии, в которых печатались возмутительные листовки.

На Афон пришлось ввести войска, которые находились на вспомогательных судах. Против мятежников оружие не применялось: их громадную толпу разогнали струями воды из брандспойтов. Дело обошлось без кровопролития. Двести матросов выселили со Святой горы всех бунтовавших имябожников (их было около тысячи). Бунтари были вывезены в Россию и размещены по разным монастырям, в основном на Новом Афоне. Та к что разговоры, будто

с имябожниками поступили жестоко, будто бы их заковали в кандалы и чуть ли не избили, не соответствуют действительности. Что касается «правоты» лжеучения, то она тогда же были опровергнута многими богословами, Определением Святейшего Синода Российской Церкви и двумя вселенскими патриархами.

Современные апологеты имябожия утверждают, что из-за подавления афонской смуты произошла революция... Это чисто сектантские рассуждения. Никакого влияния ни на революционный процесс в России, ни на падение российского трона имябожничество не оказало. Это был внутрицерковный раздор, внутрицерковная распря, носившая локальный характер. Когда произошла революция, то монахи-имябожники тоже во многом пострадали. Главный их бунтарь, Антоний Булатович, был убит в 1919 году. И многие другие кривоверы пострадали, так что в какой-то мере имябожники тоже относятся к числу жертв революции. В этом отношении их, безусловно, жаль.

Я уверен, что с имябожнической ересью достойно разберутся, да и уже разбираются. А вот роль святителя Никона в разоблачении этой ереси, в пресечении ее будет, безусловно, отмечена достойно, как роль положительная. И разного рода толки о нем как о человеке, поступившем жестко по отношению к еретикам, совершенно беспочвенны. Всем, кто сомневается в моих словах, советую прочесть книгу самого архиепископа Никона «Меч обоюдоострый». Сейчас она переиздана и доступна каждому. В ней весьма убедительно и правдиво пишется о всех тех событиях.

Если бы святитель Никон не вывез смутьянов (было употреблено меньшее зло), если бы он не применил этот радикальный способ – мы бы лишились на Афоне наших великих святынь. С Божией помощью они сохранились, и, надо сказать, наши монастыри опять множатся числом своих насельников. С Божией помощью туда притекают сотни и даже тысячи паломников в год. И те, кто распространяет хулу на архиепископа Никона, по существу, действуют слепо. А на обывательском уровне толки о том, что революция произошла из-за удаления афонских монахов, о том, что все наши последующие бедствия произошла из-за того, – все это несерьезный, вздорный разговор, который в основном культивируется самими имябожниками.

Голос владыки Никона был слышен по всей России. И перед революцией не было, пожалуй, более ярких выступлений с церковной кафедры, чем выступления владыки Никона. Его статьи и вся его публицистическая полемика, которая выносилась на страницы «Троицкого слова», были блестящи. Одно время он был еще председателем издательского отдела Святейшего Синода, так что как бы в его подчинении находились и многие церковные издательства. С его же изданий духовная цензура была снята – так ему верили! И вот в этих журналах, в частности, в «Троицком слове», он печатался каждую неделю (журнал выходил еженедельно). За год накапливался целый том, и такие тома выходили под заглавием «Мои дневники». Их вышло много, все они, наконец, дождалась поры, когда мы их сможем прочесть.

В последние годы своей жизни святитель Никон издает книгу Сергея Нилуса «Близ есть, при дверях». В этой книге было показано, что сатана уже стоит на пороге и вот-вот сейчас он перешагнет этот порог, при дверях стоит нашего жилища. Та к и произошло: свершилась февральская революция. Временное правительство отдало приказ уничтожить тираж этой книги, ликвидировать и другие тиражи в типографиях Троицкой Лавры. Сам владыка Никон буквально за год до переворота 1917 года ушел на покой – он как бы предвидел, что скоро начнутся жуткие кровавые времена, начнется истребление людей. В 1917 году, когда митрополита Тихона избрали Патриархом, архиепископ Никон обратился к нему с письмом, а в нем просил Святейшего призвать всех православных к стоянию против красных врагов России, призвать православных стоять твердо за веру, вплоть до принятия исповеднического венца. Такой призыв совершенно понятен, если знать характер Святителя. Владыку не пугала никакая расправа, его не согнули никакие угрозы. Ведь он напрямую обращается к главе Православной Церкви,

чтобы от лица Церкви дать отпор революционной черни и ее предводителям в лице богоборческой власти.

Тогда он еще какое-то время мог находиться в Лавре, несмотря на погром «Троицкого слова». Троицкие листки уже больше не выпускались, журнал для богословов «Богословские труды» тоже прекращал существование. Все печатное дело большевики подмяли под себя – никакого печатного слова от лица Церкви уже существовать не могло. И архиепископ Никон, по сути, мог только совершать службу в лаврских храмах.

Существует небольшое воспоминание Василия Розанова о том, как выглядел в революционные Дни святитель Никон. В своих записках Василий Васильевич признается, что он всегда не любил Никона за его прямоту, за его совершенное отвержение космополитической русской интеллигенции, за разоблачение ее ложных идеалов (которых придерживался и сам Розанов, безусловно). А у людей просвещенных, которые просвещены Светом Христовым, не было вражды к владыке Никону, а вот у любого русского «размагниченного» интеллигента к нему была ненависть. И когда Розанов стоял на последней службе архиепископа Никона в Троицком соборе Лавры, он почувствовал: это какая же сила в нем – в этом слепом, невзрачном, невысоком человеке! И откуда такая гигантская, притягательная сила? Розанов сознается, что был не прав по отношению к нему: «Я называл его дурачком, а это святой, великий человек! Ему не в чем упрекнуть себя!» Та к откровенно Розанов напишет о пробудившейся симпатии к Святителю.

Скончался архиепископ Никон в декабре 1918 года, по новому стилю это 12 января 1919 года. По одной из версий, владыка подвергся нападению революционной черни, был жестоко изуродован и убит. Это случилось за воротами Лавры. Будто бы его даже обезглавили. Версия устная, ее я слышал от людей, многие годы проживших в Сергиевом Посаде. Убийство было возможно, потому что Никона ненавидела вся большевистская верхушка круга Зиновьевых, Каменевых, Троцких Лениных. Весь сатанинский синклит врагов и мучителей России занимался истреблением защитников церковных и национальных интересов народа. Злодейски, на глазах у детей, расстреляли публициста Меньшикова – и кто помешал бы так же жестоко расправиться с архиепископом Никоном?

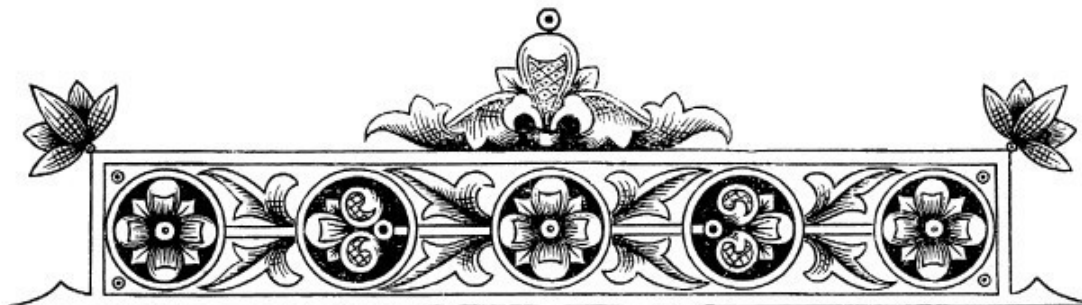
По другой версии, владыка скончался своей смертью.

Когда кто попадет в Лавру – а туда тысячи людей ходили и будут ходить, – тот непременно обратит внимание на черный большой крест, что позади Свято-Духовского храма. Под этим крестом покоится тело архиепископа Никона (Рождественского). Помолитесь тут и вспомните владыку, почтите его память. Благодетельная, богомольная Россия, вставая на ноги, чтит великого подвижника.

Безбожная Россия ушла в сень смертную, ушла туда насовсем. Пробуждается православная Россия, и она не забудет это имя. Память об архиепископе Никоне для нас незабвенна, дорога, и мы будем просить Господа упокоить в небесных селениях Своего великого молитвенника.

Мои дневники 1910 год

№ 1

Без елея гаснет светильник...¹

1 февраля. Ровно 31 год тому назад, 1 февраля 1879 года, вышел № 1 “Троицких Листков”; ныне выходит № 1 “Троицкого Слова”. Признаюсь, в 1879 году я робкою рукою ставил № 1 на листке, неуверенный, выйдет ли № 2. Бог благословил это начинание: по сей день вышло более 1300 № № листков в количестве более 140 миллионов оттисков. Благословит ли Господь новое начинание мое – во славу Его? Да будет Его святая воля! Верую, что ведь не мы творим добро, а Сам Он – в нас и чрез нас творит волю Свою святую...

Мы живем в тяжелое время. Со всех сторон мрак сгущается: всюду есть великая потребность возжигать свечи... Если наше издание внесет хоть самую малую искру Божьяго света в народную русскую душу, которая так изстрадалась от окружающего ее ядовитого тумана, – и за то слава Богу. Чувствуешь, как все дальше и дальше мы уходим от источника света – от святого нашего Православия. И что особенно прискорбно – даже в среде верующих, считающих себя православными, теряется основное начало православного мировоззрения, православной жизни. Люди высокообразованные, верующие, как бы потеряв под собою почву, нередко позволяют себе рассуждать о предметах веры по своему смышлению, и не подозревая, что в таких вопросах есть непререкаемый авторитет, коему сын Православной Церкви должен подчинить свое личное мнение. Получается впечатление умного, но невежественного младенца... Что уж говорить о тех, которые свое смышление ставят выше всякаго авторитета? Беседу с такими о предметах веры, если они назовут себя верующими, кажется, всего практичнее начинать с вопроса: *верите ли вы в Господа Иисуса Христа, Бога воплотившагося, воскресшаго из мертвых и грядущаго судить живых и мертвых? Верите ли вы в то, что вы сами – грядет час – восстанете из гробов своих в последний день? Верите ли вы в сей страшный суд, вечное блаженство праведных и вечныя муки грешных?* И если они на эти вопросы ответят утвердительно, то можно продолжить беседу; если же станут колебаться, уклоняться от ответа, то и беседа бесполезна. Есть и еще вопрос подобного рода: веруете ли вы в бытие злых духов, в темное царство сатаны?.. И если не “устыдятся” эти просвещенные люди прямо сказать: “все-

¹ При переиздании книги “Мои дневники” (нынешнее название “Козни врагов наших сокруши...”) редакторы в большинстве случаев постарались сохранить авторскую орфографию.

конечно веруем, что без этой веры нет и христианства”, то есть надежда вернуть им православное мировоззрение. Иначе – напрасно они себя прельщают, будто они христиане – не говорю уже об их православии. И все эти люди – в недрах Православной Церкви! Правда, только на бумаге, только считаются православными, но ведь сколько же их! И они воображают, будто принадлежат к Православной Церкви!.. Не скорбно ли сознавать все это? Не больно ли чувствовать пастырскому сердцу?

И вот такими-то полуверами, на деле же – неверами, и пользуется сатана – мы называем прямо этого князя тьмы – и пользуется, чтоб готовить почву для полного неверия в среде православных. И такие-то полуверы нередко стоят у кормила правления в разных сферах русской жизни, они-то нередко и вершат вопросы, касающиеся Церкви в ее отношениях к государству, держат в руках законодательство, направляют его во вред святому православию и в пользу ересей и расколов. Под их влиянием отнимается ограждение закона от двора Христова, чтоб был туда свободный доступ врагам Церкви, чтобы младенчеству чада Церкви расхищались безпрепятственно волками хищными. Под их влиянием наше юношество начинает стыдиться исповедывать учение Церкви во всей его чистоте и полноте, наши писатели, даже из верующих, подслуживаются духу времени, наши ученые боятся пролагать самостоятельные пути в науках естественно-исторических, чтобы не показаться “отсталыми”, умалчивают о всемогуществе Божиим, чтобы не быть осмеянными от врагов Бога и людей... Что делать нам, чадам Церкви?

Когда усиливаются ветры, дерево углубляет свои корни. Будем же укреплять в своих сердцах нашу святую веру. Когда на дворе спускается ночь, усиливают свет в доме. Будем же возжигать светильники веры, умножая елей любви в лампадах сердца. Без елея гаснет светильник: без дел любви, без смиренного исполнения Христовых заповедей нет живой веры. Вера без дел мертва есть.

№ 2

Мечеть “поганская” среди русских святынь

Не знаю, как вы, читатели мои, но я с болью сердца, с каким-то необъяснимым страхом думаю о том, что творится у нас на Руси... “Троицкое Слово” читают православные русские люди; думаю, что они поймут меня: ведь они – не то, что наши либеральные отщепенцы от Русского народа, они еще живут одною жизнью с народом православным. И вот я поведаю им скорбь мою, печаль моего грешного, но верующего сердца.

Внимайте, как сатана издевается над нами, православными!

В столице нашей, в стольном граде Св. Петра, хотя по прихоти Петра Великого и именуемом немецким словом “Петербург”, но все же остающемся, милостью Божией, русской столицей, заложена татарская мечеть. Наши предки благочестивые отплюнулись бы, сказали бы, что обманщик Аравийских пустынь, лжепророк Магомет не посмеет свить себе гнезда между историческими святынями русского города, между Петропавловским собором, где покоятся великие носители русских идеалов – православные Государи наши – с одной стороны, и древнейшим храмом столицы Троицким собором – с другой... Ведь тут же, недалеко и величайшая святыня Петербурга – чудотворный нерукотворенный образ Спасителя. Зачем, зачем понадобилось именно тут, в виду этих святынь, строить мечеть “поганскую”, как бы сказали наши предки?.. Не с тою ли целью, чтобы эта постройка, о которой газеты пишут, что она своею красотой превзойдет все мечети европейских столиц, чтоб эта мечеть, горделиво поднимаясь над нашими родными святынями, как бы смеялась над ними? Чтобы ее сторож – “муэдзин” выкрикивал со своей вышки над русской столицей: “один Аллах и Магомет – пророк Его!..” Не затем ли, чтоб татары, коих мечети были разрушены когда-то нашим славным Царем Иоанном Грозным в Казани, смеялись теперь над православными: “вот-де вам доказательство, что наша вера правая: чрез 350 лет наша луна стала выше вашего креста!..” И это ведь пойдет из рода в род навеки, и если суждено Русской земле остаться православною, если благословит Бог русским людям отрезвиться от современного опьянения лживым либерализмом, то вечная укоризна ляжет на тех, кто не сумел, не захотел отстоять наши святыни от такого оскорбления!..

Но постой, подожди, русский православный человек! Этого мало: сатана готовит тебе еще горший гостинец, еще более оскорбительное издевательство над твоею верою... на окраине, правда, но все же в пределах того же Петрограда, говорят, скоро будет строиться и языческое капище... Привезут идола из Китая, посадят его в этом капище на высоком престоле и будут кадить пред ним, возжигая курения... Найдутся, без сомнения, среди наших безумных, отрекшихся от Бога интеллигентов и особенно интеллиенток, разных стриженных девок и потерявших стыд барынь такая, которая пойдет в это капище, чтоб принести курения новомодным божкам из Китая, чтобы показать на деле свою “свободу от суеверий христианских”, чтоб принести жертвы сатане... О Русь! До чего ты дожила?!!

Еще немного, – и кто же поручится, что во имя той же “свободы” от всякой совести и здравого смысла создадут храм и самому сатане с его ангелами и станут приносить ему жертвы, – кто знает? – может быть, и кровавая... В наше время все может случиться! Мы приближаемся, очевидно, к тем временам, о коих говорит св. Апостол Христов Павел: “Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, чрез лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей (1 Тим. 4, 1–2). Наступят времена тяжкия... здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху, и от истины отвратят слух, и обратятся к басням” (2 Тим. 3, 1; 4, 3–4). А что последует за сими тяжкими временами – лучше сами прочтите во втором послании Апостола Павла к Фессалоникийцам (гл. 2). Да, мы видимо приближаемся к этим “тяжким временам”. Люди, мнящие себя быть руководителями

народа, величающиеся “передовыми”, в большинстве своем, оторвались от веры и благочестия предков своих, от веры народной, в душе своей уже стали неверами, а поелику это – ложь, будто можно быть совершенным атеистом, то место веры в их сердцах заняло суеверие, а это уже и есть, по самой своей сущности, язычество; и вот эти люди теперь стараются подчинить своему авторитету народные толпы, пока не восставая открыто и формально против христианства, а всячески унижая его в глазах народа приравнением к лживым верам, к ересям, к магометанству и язычеству... под видом “уважения” к чужой вере. Но позвольте, господа, – хочется сказать им: да свою-то православную веру вы уважаете? Считаете ее истинною? Или для вас она есть одна из форм религиозных верований, которая все для вас равно – заблуждения? Ведь, если бы уважали, то не допустили бы такого издевательства над нею, какое теперь всюду проявляется! Издеваются над верою нашею в печати, и в газетах, и в брошюрах, и в книгах, и в театре, в искусстве и даже политике... А тем, кто мог бы одним росчерком пера прекратить все это зло, будто и дела нет... И вот, дерзость ненавидящих крест Господень дошла до того, что в столице православного государства, в стране, именующей себя “святою Русью”, в зале, украшенном портретами Русских Царей, в зале петербургского дворянского собрания, сборище заклятых врагов христианства – конечно, иудеев – распевало богохульную, кощунственную шансонетку, в которой повторяются все злобные слова поругания над нашим Господом, записанные св. Евангелистами... “Сойди со креста, Распятый, если Ты Сын Божий!..” Господи, да разве можно это терпеть? Разве можно без горького негодования читать в газетах? А газеты эти, издаваемые большей частью теми же иудеями, восторженно описывают этот жидовский концерт... А петербургскому дворянскому собранию не совестно под такой концерт отдавать свой зал!.. А русские люди спокойно допускают все это!..

Нет! Наше сердце сжимается жгучей болью за бедную, несчастную Россию, и из этого сердца вырывается горькое слово жалобы Богу: доколе, Господи, отвращаеши лице Твое от нас?..

№ 3

Спешите делать добро, каждый человек!

“Спешите делать добро, каждый человек!” Та к в простоте сердца повторяла одна почтенная старлица-мать, сама спеша первая исполнить свое правило и своим примером поучая своих детей.

Незабвенный Святитель-затворник Феофан говорит: “Если придет к тебе добрая мысль, спешите ее исполнить; ведай, что это Ангел хранитель твой говорит тебе в совести твоей, и Бог готов помочь тебе в этом”.

Да, “спешить” надо. Жизнь слишком коротка. Обидно за человеческое достоинство, грешно перед Богом расходовать такое сокровище, как время, жизнь, на пустяки. Ведь временем покупается вечность. Временем покупается блаженство. Люди ценят деньги; иные самое время приравнивают к деньгам: время – деньги, говорят они. Но за деньги времени не купишь. Не пожалел бы себя миллиардер отдать все свои миллиарды за один час времени, но никто ему не может в этом помочь, никто не приложит к его жизни ни одной минуты ни за какие сокровища на земле. Та к дорога человеку жизнь. И так мало он ценит ее.

Странное существо – человек! Что имеет – не хранит, а, потерявши – плачет. Откуда эта странность?

Прочтите повнимательнее в послании Апостола Павла к Римлянам 7-ю главу и вы поймете эту роковую тайну грешной человеческой природы. “Не понимаю, что делаю, – жалуется Апостол – потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... Желание добра есть во мне, а чтобы сделать оное, того не нахожу... Бедный я человек! Кто меня избавит от тела смерти?..” (ст. 15, 18, 24). Вот причина, почему человек все свое время отдает на служение плоти и забывает о духе, о будущей вечности. Он в плену греха. От сего плена избавляет только Христос Сын Божий. Дух человека, как пленник из темницы, рвется на свободу – к добру, а грех его держит в цепях. И никто не в силах разорвать эти цепи без помощи Спасителя мира. Слышите, что Он говорит? *Аминь, аминь глаголю вам, яко всяк творяи грех, раб есть греха. Аще убо Сын вывободит, воистину свободни будете* (Ин. 8, 34, 36). Не только богомудрый Апостол, даже лучшие из языческих мудрецов смиренно сознавались, что если Сам Бог не жалится над людьми и не придет спасти их, то не видать им спасения!

Христианину следует носить постоянно эту истину в своем сердце. Пусть эта тоска по духовной свободе неусыпно томит его сердце. Пусть он показывает ее Господу Иисусу Христу, жалуется Ему на свое бессилие, плачет с Магдалиною у подножия креста Христова...

“Уступи, Магдалино, от Христову ногу!

Мне даждь место: аз имам о гресе скорбь многу!”

А чтобы ближе восчувствовать сердцем Его благодатную помощь, пусть чаще приступает к животворящей Чаше пречистых Его Тайн. Вот где источник жизни! Источник благодатных сил для доброделания! Сами по себе мы – ничто. И ничего добраго не можем делать своими усилиями. Можем лишь тосковать о добре, желать его. А когда соединимся со Христом, то воскликнем с Апостолом: все могу о укрепляющем меня Господе Иисусе. Только тогда, когда мы познаем свое бессилие, только тогда будет безопасна для нас и сила Божия, благодатная помощь, действие Самого Господа нашего в нас и чрез нас – в доброделании. Итак: кто хочет делать добро искренно, не лицемерно? кто стремится к доброделанию так, как стремился Апостол Павел? Сознай, как он сознавал свое полное бессилие, и прибегни ко Господу с сердечною жалобой на свое бессилие, с слезною мольбою о помощи. И Он придет. Он коснется твоего жесткого сердца и растопит его в слезах умиления и покаяния; Он разорвет узы, тебя связующия, и подаст силы на доброделание. И ты восчувствуешь себя живым членом того таинственного тела, которое именуется Церковию, яже есть тело Христово. И тогда ты поймешь

великую тайну жизни христианина во Христе, в живом общении со Христом поймешь слова великого Апостола: *не к тому аз живу, но живет во мне Христос!* Вот тогда легко будет и всякое доброделание для тебя: в глубоком смирении ты будешь благоговейно созерцать несказанные пути промысла Божия в твоей жизни и деятельности, будешь ощущать: откуда приходит к тебе добрая мысль, как дивно посылается тебе случай и силы к его исполнению. Как елень стремится к источникам водным, так и твоя душа будет жаждать добра, искать случая сделать его, припадать в сердце к подножию креста Христа Спасителя твоего, очищая слезами покаяния всякий помысл греховный, всякое греховное пожелание, ибо сказано: *в злохудожну душу не ввидет премудрость*, а следовательно, и благодать Божия.

Особенно благопотребно подумать, позаботиться об этом православному сыну Церкви Христовой в наше страшное время. Мир во зле лежит, во зле погибает. Безчувственные стихии как бы возмущаются преступностью рода человеческого и Божиим попущением казнят преступников; а мы все это видим, но духовно спим: где наше покаяние? Доколе будем испытывать Божие долготерпение?

Се стою при дверех и толку, глаголет Господь. Надо спешить отверзти Ему двери нашего сердца. Надо спешить толкать и в двери Его милосердия, ибо Он же сказал: *толцйте и отверзется*. Иначе мы будем безответны пред Его правосудием, если пренебрежем Его милосердие...

Спешите же, брат возлюбленный, к своему Спасителю и спасая спасайте свою душу в исполнении Его животворящих заповедей!..

№ 4

Суета сует на могилах почивших

Живу я в келье над конторою лаврских кладбищ. Каждый день мимо моих окон проносят и провозят на кладбище покойников. Каких, каких процессий тут не насмотришься! И пышные погребальные колесницы, под балдахинами, с хором певчих, собором священнослужителей, сопровождаемая странными, на взгляд русского человека, высокими людьми в белых длинных, узких балахонах, с белыми же цилиндрами на головах; (несет фонарь с горящею свечою и – в цилиндре! Как это режет по сердцу православного человека!), и скромные дроги простых смертных, и лафеты, на коих привозят сюда военачальников, и простые гробы, несомые на руках... То слышится погребальное “Святой Боже”, то – прощальные залпы ружейных выстрелов при опускании гроба военачальника. Несут, а иногда и везут множество венков, идут толпы провожающих в последний путь. Опустят в могилу, раздастся последнее надгробное “Вечная память”, и скроются под землею останки человека – будь он знатный из знатных, будь самый скромный странник земли – всем один удел: *земля еси и в землю отъидеши!*..

Настанет весна. Оттают снега. На могиле появится памятник – иногда роскошный, в несколько тысяч рублей, иногда – попроще... И видишь, как с утра до вечера и идут и едут к родным могилам русские люди, и радуется сердце, когда подумаешь: что их влечет сюда? Да что же, как не любовь?..

Ах, если бы то была любовь христианская, любовь на смирении и преданности сердца Богу воспитанная!

Но – увы! Когда присмотришься поближе, то увидишь нечто странное, чуждое духу христианской любви. Зайдите в контору, прислушайтесь, как тут бранят монахов за дорогия якобы расценки на все.

Но ведь эти монахи ни в чем не повинны: они исполняют лишь то, что им приказано. А приказано – Духовным Собором Лавры, который, конечно, строго обсудил таксы и не руководился при этом слишком корыстными целями. За что же бранить монахов, сидящих в конторе?

– Сударыня! – пытается успокоить расходившуюся барыню иннок, – сударыня, ведь мы не можем ни копейки уступить против таксы...

– Да я не вас и браню, а всех вас, монахов! Все вы – корыстолюбцы! – выпаливает благочестивая молитвенница за своего усопшаго.

А сама покупает венок в несколько десятков рублей на могилу, венок, который, конечно, ни покойнику, да и никому не нужен. А того, что получаемая с кладбища деньги идут на дела благотворения, притом – не случайныя, а обязательныя для Лавры – она не хочет и знать. Она готова требовать, чтобы и за ея покойника молились, поминали его имя в Лавре совершенно бесплатно, и особья обедни служили даром... Что ей за дело до того, что таких капризных просительниц – тысячи!

Но оставим их в покое. Подумаем о другом, более важном. Ведь вот как люди заботятся, кажется, о покойнике, когда он уже на том свете; а позаботились ли они о нем, пока он еще лежал больной? Пригласили ли к нему священника для напутствия св. Таинами? Приготовили ли его к христианскому переходу в вечность? Напротив: не отстраняли ли, следуя совету нынешних неумных врачей, всякую мысль о смерти от его сознания?

Да и сам покойный: давно ли он говел и причащался св. Таин? Давно ли был в храме Божиим? Думал ли когда о вечности, верил ли в нее? О, как ныне много таких, о коих нас, пастырей, просят молиться, заказывают нам панихиды и обедни, а сии покойники – и в Бога-то не веровали! С какою совестью мы будем молиться за человека, который смеялся над нашей Святою Верою как над суеверием? Но и этого мало: мир сей, лукавый и прелюбодейный, по слову Спасителя, хочет заставить нас, как бы издеваясь над нами, над нашею Верою Святою,

молиться даже за явных богохульников и самоубийц! Как возмущаются эти неверы, когда архиерей решительно запрещает священнику отпевать самоубийцу, следуя в сем случае указанию церковных правил! Иной раз думаешь: Господи! Да чего ради эти люди так хлопочут? Ведь и покойник, и сами-то они никогда в церковь не заглядывали и не заглядывают: на что же им эта панихида, это, в сущности, какое-то кошунство? А им это доставляет особое удовольствие: заставить и попов “почтить” покойника их! Ведь знаменитаго иудея-самоубийцу Пергамента хотели обманом похоронить в Невской Лавре, по казненном изменнике Шмите заставили служить панихиду, да еще архиерея! Но да не вспомнятся дела минувших сумасшедших дней! В наши дни разве не творится то же самое? Разве не творят насилие над служителями Церкви, требуя от них молитвы за тех, за кого их совесть, следуя церковным канонам, молиться не дозволяет? А эти “панихиды” по неправославным, даже вопреки воле самих покойников, совершаемая в православных церквях?.. Мы молимся, часто против совести, и за лютеран, и за римо-католиков, и за всяких еретиков – молимся “официально”, иногда даже по распоряжению мирской власти... Не насилие ли это над свободой нашей православной совести и – это в наше-то время свободы совести!! Пора бы решить этот, жгучий для совести православных служителей Церкви, вопрос так или иначе, но формально, окончательно: за кого из инославных усопших можно и за кого нельзя молиться? Но едва ли сей вопрос может быть решен раньше Церковнаго Собора.

Но я позволю себе еще раз возвратиться к тому, как и чем поминают у нас покойников? Я не говорю о роскошных, дорого стоящих поминальных обедах: какой разумный человек скажет, что они приносят пользу душе почившаго? Особенно когда они сопровождаются обильными угощениями в виде разных вин и наливок... Суета суетствий и рабство моде, обычаю, полужыческому преданию! Стыдно бы, кажется, просвещенным-то людям так рабствовать! Да и нам, пастырям Церкви, едва ли не грешно поддерживать эти поминальные обеды, особенно с винами, своим присутствием и благословением. Со злом надо бороться мужественно, а эти зауспокойныя выпивки разве не зло, разве не оскорбление памяти почивших? Но не об этом хотелось бы сказать. Ведь верующим в Бога известно, еще с ветхозаветных времен, что милостыни и молитвы очищают грехи. А много ли добра делается теми, кто расходует тысячи вот на эти роскошные балдахины, на всю эту помпу, кончая длинноногими фигурами в белых балахонах и цилиндрах? Иной раз – грешный человек – думаешь: сколько бы добра-то можно было сделать, устранив всю эту роскошь и употребив истраченные на нее деньги – во славу Божию, на дела благо— творения всякаго рода? Вот там, в далекой Камчатке нуждаются в храмах Божиих, а походный храм можно купить готовый в Петербурге у Жевержеева всего за триста рублей: сколько бы радостей и слезной благодарности вызвало пожертвование туда хоть одного походнаго храма в память почившаго! Как плачут наши бедные переселенцы в Сибири, не имея храма Божия ближе ста-двухсот верст, как бы они возликовали, получив хотя бы вот такой походный храм для своего селения! Сколько детишек учится в развалившихся школах церковных, зябнут, бедные, вместе с своими учителями и учительницами: как бы они усердно помолились за неведомаго им покойника, если бы в память его им хоть поправили, не говоря уже – построили школку! В наших деревнях на сто верст одна больница, один фельдшер: какое бы сердечное спасибо сказали бы обитатели этих деревень, если бы им на средства и в память усопшаго христианина прислали хоть временную медицинскую помощь! А сколько сироток на свете, безпризорных, безприютных, сколько их плачет по улицам городов и селений, сколько вдов беспомощных – сколько бы можно было сделать добра в память усопших вместо пышных балдахин, этих тысячных памятников, этих роскошных венков! Ведь стоило бы только кому-либо начать: смотришь, мало-помалу вошло бы в обычай, святой обычай, и дела благотворения, во имя любви к почившим, в духе матери-Церкви и под ея благодатным руководством расцвели бы благоуханными розами по лицу родной земли. Может быть, поменьше было бы роскошных памятников на кладбищах наших обитателей и столичных; может быть, не так эти

памятники были бы роскошны, но на Руси-то стало бы теплее, русской душе было бы отраднее. А теперь... выйдешь на кладбище, и как-то грустно становится, когда эти каменные глыбы, эти мраморные и металлические часовни ничего не говорят моему сердцу, кроме того, что тут лежит купец такой-то, генерал такой-то, тайный или действительный статский советник такой-то... Был человек, и не стало его, а кто он был, много ли добра на земле сделал – Бог его знает! И не движется черствое сердце на молитву за сего покойника, и равнодушно проходишь мимо такой могилы. А вот могила известного благотворителя, вот могила героя, душу свою положившаго за Веру, Царя и Отечество: и невольно поднимается рука для крестнаго знамения, невольно вырывается из души молитвенный вздох: “Упокой, Господи, душу его!” Как хотите, а есть тайное общение душ, для нас самих непонятное, но тем не менее реально ощущаемое, когда эти души встречаются одна с другой. Как встречаются? Да вот вы пришли на могилку, вы прочитали надпись, которая сказала вам, что тут лежит не простой Петр или Иван, коих миллионы, а – человек, оставивший по себе добрую память сделанным им добром, человек, исполнивший свой христианский долг до конца, а значит – живой член живого тела Церкви Христовой, коей мы все есмь члены, и вот душа ваша уже почувствовала свое сродство с почившим, в ней уже шевельнулось чувство живой любви к нему, – ведь он член того же таинственного тела, как и вы, – и если вас потянуло к почившему как к родному члену единого тела – Церкви Христовой, то почему же не предположить, что и его душа почувствовала взаимное к вам влечение? Вот что я назвал “встречей душ”. А посредником сего таинственного влечения является то животворящее добро, которое мы делаем во имя и силу Христа, нашего Спасителя, изрекшаго: *без Мене не можете творити ничесоже.*

А если сам почивший не успел сделать этого добра, хоть сколько-нибудь, то – как бесконечно милосердие нашего владыки Христа! – благодать Божия приемлет и от нас всякое истинное доброделание от имени почивших наших братьев, как бы от них самих. Как же не спешить православным творить добро в память присных своих, отшедших в иной мир! Ах, если бы люди знали, если бы только знали всю благодатную силу такого добра! Ведь оно рекою лилось бы взамен всех этих знаков суеты земной, вроде венков, от коих некоторые благоразумные отказываются: “Просят венков не возлагать, согласно воле почившаго”. Почему бы не прибавлять к сему: “А вместо венков сделать что-либо доброе в память покойнаго”?..

№ 5

Кошунственные похороны лицедейки

Прошлый раз я говорил о том, как поминают у нас покойников, ныне приходится говорить о том, какое впечатление произвели на меня похороны одной из тех, коих в газетах почему-то величают иногда “дивами”. Охотно сознаюсь в своем невежестве: не знаю, что это за слово.

Хоронят актрису, по-русски – лицедейку, Комиссаржевскую, и десятки тысяч народа сопровождают ее гроб... Нет, не сопровождают: это только так кажется, – дело проще: газеты, иудейские газеты прокричали, что это была великая служительница Мельпомены, сиречь театрального искусства, и вот праздной толпе захотелось посмотреть, как ее будут хоронить, кто пойдет за ее гробом, какие речи будут говорить над ее могилой. За гробом, в честь этой актрисы, шли, конечно, студенты высших учебных заведений; ведь они лучшие ценители всякого лицедейного искусства, а поелику сия актриса дерзала изображать в театре даже – страшно сказать! – Честнейшую Херувимов, прикровенно выводимую иудеями-авторами театральных пьес, то вот надо же оказать честь той, которая не убоялась выступать в такой “роли”... Это была жрица того идола, который именуется театром; ее “обожала” наша безпутная молодежь: и вот за ее гробом идут, идут, идут безконечной вереницей юноши и девы, несут венки (их привезено целых 8 возов!), – прискорбно отметить, что был венок и от студентов здешней духовной академии – и они, питомцы Церкви, принесли свою дань этой угоднице театра, не постыдились своего звания! А на венках красовались надписи, от которых ужас сжимал верующее сердце... Судите сами: “Радуйся, небо, принявшее твою душу!” – “Радуйся, чрево, носившее тебя!” – “Благословенна ты в женах!”... Правда, эти ленты сорваны в стенах Лавры, но спрашивается: кто же это так злобно издевается над святейшими истинами нашей святой веры? Кто смел сочинить такие надписи? Если бы вы, мой читатель, посмотрели поближе на эти толпы молодежи, сопровождавшей гроб до храма и бродившей потом с папиросами в зубах по Лавре, то вы сразу поняли бы, с кем мы имеем тут дело... Сколько тут было горбоносых, смуглых, с черными злыми глазами типов! О, конечно, все это – не русские, это все – из “гонимаго” племени, а за ними уж шли, как их послушные пленные рабы, несчастные русские, и в числе их – опять повторяю с горечью – студенты духовной академии!.. Видно, угар недавнего прошлого еще не прошел: и это не только здесь, в Петербурге, но и по лицу всей Русской земли. В Саратове требовали, чтоб панихида служилась непременно в соборе, в тот час, когда должна была совершаться литургия. Архиерей предложил служить в приходской церкви: не пошли, разослали повсюду телеграммы с клеветой на святителя Божия, будто он не дозволил служить панихиды, и на тройках отправились в село, где и заказали панихиду. В другом месте эти усердные “панихидники” пригласили служить... лютеранского пастора, забыв, что у лютеран, собственно говоря, и молитва-то за усопших вовсе не признается, считается чуть ли не грехом!.. А в Москве требовали от духовенства служить панихиду непременно на подмостках театра, там, где лицедействуют всякие кошунники нашего безпутного времени, а когда духовенство сочло это неприличным и предлагало пойти в Божий храм, то отказались и сами сочинили “гражданскую” панихиду с кошунственным пением “Вечной памяти” и “Со святыми упокой”. Где тут здравый смысл? Где христианство? И при чем тут оно – христианство? Ведь, в сущности, весь этот шум вокруг гроба несчастной лицедейки никакого отношения к молитве не имеет, все это – сплошное издевательство над Церковью, желание обратить церковный обряд в прославление лицедейства, и я не знаю: не следовало ли вовсе отказать этим господам “демонстрантам” во всякой торжественности погребения, чтоб не допускать поругания церковных обрядов теми, которые позволяют себе явно выражать свое презрение к Церкви, кошунственно применять святые слова, приложимые только к Святейшей Херувимов, – к одной из таких же грешниц,

как и все мы, с тою лишь разницей, что мы никогда не решимся уподобляться тому лицедею которого так поразительно вразумила Сама Матерь Божия за его кощунственные выходки против Нея, Преподобной. (Читайте “Луг Духовный”). Если она была верующая и притом православная христианка, то любовь христианская заповедует помолиться о ее душе: ведь она не покончила с собой, как кончают ныне некоторые интеллигенты, она умерла от страшной болезни, но все же естественной смертью. Мы не знаем, к сожалению, был ли приглашен к ее смертному одру священник для напутствования: если бы так, то больше дерзновения имела бы молитва верующих за несчастную душу все же верующей христианки... Но и теперь Церковь не отказывает в молитве за нее, но... разве эти пышные похороны, эти венки с кощунственными надписями, эти провожатые – некрещеные иудеи, эти молодые люди, хотя бы и из русских, с смехом и папиросами гуляющие по Лавре... разве это молитва? А нежелание служить панихиду в приходской церкви, а желание служить панихиду непременно в театре – ужели можно назвать это молитвой? Да это просто издевательство над Церковью – худшее того, какое Господь нашел в храме Иерусалимском и заслуживающее такого же, если не более строгого, осуждения, как и то... Я уже не говорю о том, как мучительно тяжелы такие кощунственные почести для души почившей, которая ищет себе помощи, ко ангелом очи возводящи, к чело- веком руце простирающи...

Церковь наша смиренна, яко Христова невеста: ее поносят, оскорбляют, над нею изде- ваются враги и в газетах, и в театрах, и теперь – все чаще и чаще вторгаются в ее заветное святое святых – Богослужение, пытаюсь обращать ее обряды в кощунственные демонстрации, стремясь выставить ее как бы участницей в прославлении того, что в очах мира лукаваго и прелюбодейнаго высоко и досточтимо, но что в ее очах – достойно презрения... И все терпит Христова невеста: она ждет, не вразумятся ли эти безумцы, не придут ли в чувство раская- ния... Но доколе же это будет? Не наступит ли скоро час, когда всем таким кощунникам будут закрыты двери храма Божия и над главою их блеснет тот страшный меч, который дан Церкви Самим Христом Господом и который грозит всем богоотступникам – *анафема!*.. Нельзя же допускать, чтоб иудеи и их прислужники, изменники Церкви и вере Христовой, издевались над самую молитвой, требуя от нас, служителей Церкви, как бы прославления своих покойников, в безсмертие души коих, конечно же, они сами не верят... Мы хотели бы верить, что больше не повторятся такие сцены, какия в свое время мы видели над трупами Трубецкаго в Москве или Пергамента в Петербурге...

№ 6–7

Малолетние преступники и монастыри

Обращено, наконец, должное внимание на ужасное зло нашего времени: увеличение числа преступников-подростков. К сожалению, поводом к этому вниманию послужило не увеличение детской преступности само по себе, а то, что таких преступников девать некуда. В существующих для них приютах с трудом можно поместить до 1500, а, между тем, ежегодный приток их достигает до 7000. Более 7000 помещаются в общих тюрьмах с взрослыми преступниками, где, конечно, они “обрабатываются” уже в самых закаленных злодеев. Как ни печально это явление, на которое давно следовало обратить внимание и власти, и общества, но еще печальнее то, что мало обращается внимание на коренные причины этого зла. Ведь если хотите несчастной России добра, то не останавливайтесь на полдороге, не обрывайте только ветки, а исследуйте корни зла и вырвите их. Нам, служителям Христа, корни эти виднее, чем людям мирским, хотя бы и стоящим на высотах управления. Никто не сомневается, что общею причиною умножения детской преступности служит, скажем прямо, это проклятое якобы “освободительное”, на самом же деле развратительное и поработительное движение минувших лет. Ни для кого так не заразителен пример, как для детей. И педагоги свидетельствуют, что никто так не наблюдателен, как дети... Дети видят, что вокруг их творится, и стремятся подражать старшим. Дети слышат, что около них говорится, и сами начинают говорить о том же и так же, как говорят взрослые. Я сам однажды видел, как малютка лет трех возился около своей игрушечной тележки и ругался скверными словами. От кого он научился этой мерзости? Конечно, от старших. Он видел, как отец или брат мазали колеса на дворе, или впрягали лошадь и, при неудаче в каких-либо пустяках, утешались сквернословием. Дитя запомнило слова, не понимая их смысла, и, воображая, что это что-то хорошее, вот подражает старшим и само, играя на улице... Но это только пример; а представьте себе, когда взрослые в присутствии детей поносят правительство, кощунничают, расхваливают преступников как героев... Современные дети выучились уже играть в преступления. Бывали случаи, когда эта игра кончалась трагически: дети убивали товарищей – “черносотенцев”, играли в грабежи и разбои... И это – еще малыши, в неменяемом возрасте до 7 лет!.. А с 10 лет они уже начинают “сознательно”, уже не играя, участвовать в преступных деяниях. И вот уже число таких преступников достигает до 9000! Ужас сжимает сердце! Ведь преступность растет, и растет неудержимо! А те, кто должен бы заботиться об ее искоренении, кто отвечать будет и пред Богом, и пред народом, и пред историей, те, как бы нарочито – кто знает, в наше время всего можно ожидать и всего опасаться – может быть, и нарочито – на самом деле стараются содействовать увеличению этой преступности детской, покушаясь отнять из ведения Церкви ее трудами созданные и взлелеянные школы и передать их в ведение земств или министерства, у коих – что грех таить? религиозное воспитание на втором плане... Вот в чем корни зла. И следовало бы прежде всего на них и обратить внимание. Следовало бы все начальное народное воспитание, все народные школы, наоборот, изъять из ведения мирских ведомств и передать матери-Церкви. Церковь воспитывала народ почти тысячу лет; она и только она вложила в народную душу те безценные свойства, которые составляют ее украшение, ее жизнь... Пусть защищают наши интеллигенты свои земские и министерские школы: я не утверждаю, что все оне сплошь пропитаны духом неверия или равнодушия к Церкви: я только устанавливаю факт, неподлежащий сомнению, что в сих школах в несравненной степени больше, чем в церковной, найдется и зараженных сим духом учителей и учительниц, которые, несмотря на заявления священников, на жалобы крестьян, что они вовсе не посещают церкви и развращают детей, остаются на своих местах, продолжая отравлять детей ядом безбожия или, по меньшей мере, пренебрежительного отношения к Церкви.

Удивляться ли, что, под влиянием таких учителей и учительниц, растет детская преступность? Не приходится удивляться и тому, что не устраняют таких учителей из народной школы.²

Наравне с лишенной церковно-народного духа якобы “народной” школой, вверяемой, в значительном большинстве, ненадежным в этом отношении педагогам, увеличению детской преступности содействует и самое широкое распространение в деревне богохульных, кощунственных, анархических и порнографических изданий. Ныне нередко можно найти в доме грамотного крестьянина и Ренанову “Жизнь Иисуса” (специально изданную для деревни в малом формате и продающуюся за 20 коп.), и “Учение Христа для детей” Толстого, и издания “Донской Речи”, и множество подобной богомерзкой макулатуры, а иудейския газеты, вроде “Копейки”, прямо-таки рассылаются даром по деревням. Даже среди глаголемых старообрядцев встречаются, по отзывам миссионеров, любители потолковать о Ренане, Бебеле, о книге “Библия и Вавилон”, об “Откровении в грозе и буре”... И это – в глуши вологодских лесов! А распространителями такой литературы являются нередко учащие в земских школах. И вот народная школа, руководимая такими учащими, и вредоносная и грязная литература вытравляют в молодом поколении вековую любовь народа к церковной литературе, к житиям святых, к творениям св. отцев и учителей Церкви и развивают вкус к развращающей порнографии и к уличным листкам. Я совершенно отказываюсь понимать: во имя каких принципов, кроме разве толстовского принципа непротивления злу, дается такая безграничная свобода иудейской печати? *Богу ответят те, кто не хочет оберечь народ от нея!* Заботиться о том, куда помещать малолетних преступников, надо, но надо же заботиться и о том, чтобы их меньше было, надо устранить причины, увеличивающия преступность.

Обращаюсь к одной из тех мер, какия предположено принять к размещению преступных детей из тюрем. К сожалению, новаго ничего и тут не придумано. Вспомнили о наших монастырях и хотят превратить их – говорю в принципе – в приюты для преступных детей. Тут и казне будет выгода; с хлеба долой, и тюремному ведомству меньше заботы, да и для несчастных, духовно изуродованных детей как будто будет лучше, чем в тюрьме. Посмотрим, выполнимо ли это, и если выполнимо, то в какой мере может быть применимо.

Что такое монастырь в его идеале?

Монастырь есть место, или, говоря по-нынешнему, учреждение, дающее все средства и удобства к осуществлению монашескаго идеала. А этот идеал есть нравственное перевоспитание человеческой души с целью очищения ея от страстей и возможнаго нравственнаго совершенства человеческой личности. Мир не знает, как глубоко пал человек; в миру человек живет все время вне себя самого; ему некогда заглянуть в свое сердце, чтобы рассмотреть: что там творится? Какие гады там живут? Для этого надобно отложить все житейския попечения, войти в самого себя, сосредоточить все свое внимание на своем внутреннем человеке и при свете слова Божия, при руководстве святоотеческих и подвижнических наставлений – познать самого себя, а при помощи благодати Божией выбросить из своего сердца все, что там нечисто, греховно, что препятствует человеку быть обителем Того, Кто рек: “приидем к Нему и обитель у Него сотворим”. Для этого нужно уединение, тишина, свобода от всего, что отвлекает наше внимание в сторону мира и житейской суеты. Для этого потребно постоянное участие в молитве церковной, потребно полное отсечение своей воли, своего мышления, ограничение своих телесных потребностей до минимума. Все это должен дать монастырь тому, кто неліцемерно хочет быть монахом. Только по достижении известной степени такого перевоспитания, такого преображения внутренняго человека, если руководители иночества найдут сие необходимым и полезным для Церкви Христовой, монаху может быть поручено и какое-либо “служение” ближнему. В этом отношении должна быть полная свобода. Мирянин может подумать,

² В Госдуме было говорено, что в 1905–06 гг. участвовавших в революционном движении учителей из земских и министерских школ было до 22500 чел., а из церковных всего 163 человека.

будто я противоречу самому себе, говоря об этой свободе. Я ведь сказал, что монах воспитывается послушанием, отсечением своей воли и даже смысления. О какой же свободе я тут говорю? Я говорю о свободе инока от всякого внешнеобязательного, независимо от его духовного состояния, дела, от всякой деятельности, организованной по подобию мирских благотворительных и просветительных учреждений. Нельзя монаха во всякое время ставить в необходимость делать что-либо так, как делает работник-мирянин, обращаясь сам как бы в машину. Довольно с него – и уж это-то следует требовать от него неотменно, – чтобы он всецело исполнил устав монастырский, в отношении богослужения и монастырских хозяйственных послушаний, не отвлекающих его от молитвы. Те м менее желательно на монахов возлагать тяжелое бремя заботы о перевоспитании порочных детей. И это я говорю даже относительно благоустроенных обителей. А что сказать о теперешних иноках? Все они, в той или другой степени, люди духовно немощные, борющиеся с своим ветхим человеком, люди, для которых постороннее дело, особенно такое, как участие в борьбе с пороком в другом лице, легко может повредить им в их главном делании – в борьбе с самим собою. Современному монашеству это было бы решительно не по силам. Монастырь есть больница: как же больные будут лечить больных? Правда, у сих монахов есть свои врачи, но надобно помнить, что сии врачи могут лечить только того, кто сам добровольно отдает себя на лечение, против же воли и они ничего не в состоянии сделать ни с монахами, ни с порочными детьми. Правда и то, что монастырь есть как бы тюрьма, но такая, куда *совершенно добровольно* заключают себя кающиеся грешники. В монастыре никого нельзя удержать силою: если бы административная власть пожелала это сделать, то задержанный против воли, упорствуя в своем злом намерении, станет невыносимым бременем для монастыря. Представьте же себе, что в монастырь доставлен малолетний преступник. Он смотрит на монастырь, как на место невольного заключения, как на тюрьму. В монастыре нет людей, способных воздействовать на него педагогически, примирить его с его невольным положением, направить его волю к добру. На него смотрят, как на бремя, как на лишнего, не совсем безопасного человека, способного отомстить при первом удобном случае своим тюремщикам кражею или даже поджогом. Он нуждается в особом неослабном надзоре и твердом руководстве во всех подробностях его жизни. А для этого нужны люди с педагогической подготовкой или, по меньшей мере, сами воспитанные в строгой дисциплине. Но, повторяю, среди насельников монастырей почти невозможно найти таковых. Ныне состав братии в большинстве монастырей самый случайный. Мир выделяет в монастыри далеко не самых лучших, далеко не идеальных людей. Кто теперь идет в монастырь? Идут, большею частию, те, кому деваться некуда, кто привык уже жить вольготнее. Идут ученики духовно-учебных заведений, не окончившие курса, чтобы подготовиться к должности псаломщика, идут изломанные жизнью, немощные, коим впору разве только выстаивать службы монастырския. Идут, и это главным образом, молодые крестьяне, воспитанные вне всякой дисциплины: для них юные преступники будут пугалом, от коего они побегут вон из обители... Не будем скрывать от себя печальной истины, что современное монашество изнемогает, его светлый некогда идеал бледнеет, понижается, постепенно обмирщается. Многим монастырям грозит опасность закрытия просто по недостатку братии. Люди с полным, не говорю уже с высшим, а хотя бы только с средним, образованием почти не идут в монастыри в качестве рядовых послушников, ради спасения души. В половине семидесятых годов, когда поступил в монастырь, я застал в Лавре еще до 25–30 иноков с полным средним образованием из семинарий и гимназий, поступивших прямо со школьной скамьи в обитель и проходивших по многу лет низшия послушания. Говорили, что их влекло единственно искание спасения, что каждый год семинарии давали Лавре двух-трех юношей, окончивших курс. А теперь? Около 30 лет я прожил в Лавре, и за это время поступило лишь два-три... да и те не все уцелели в обители... Большинство – из тех, что пускались в бурное море житейское, потерпели там неудачу и причалили к тихой пристани только уже в разбитом утлом своем челне... С трудом найдешь в монастыре человека, мало-мало годного

быть настоятелем. Из наличных настоятелей – *лучшие* мечтают, как бы сбросить с себя невыносимое иго настоятельства. Что будет, если в монастыри будут направлять еще малолетних преступников? Не опустеют ли тогда и вовсе наши святые обители?..

Из всего сказанного следует заключить, что ссылка малолетних преступников в монастыри для монастырей вредна, для малолетних преступников бесполезна, а на деле и невыполнима.

Да, повторяю, невыполнима. Монастырь – не тюрьма. Как удержать маленького преступника от бегства? Ведь не держать же его на цепи или под замком. “Приведут, говорил мне на днях один старец-архимандрит, мальчишку почти нагого; оденешь его, а он чрез день-два сбежал. Если даже приставить к нему особаго стража из братии – он сумеет убежать. Не будешь же запирашь его на каждую минуту отлучки. Сбежал, и вот извещаешь полицию, чрез неделю-две его отыщут, вернут в монастырь – опять полунагого. Снова оденешь, а он снова сбежит... А бывают и такие случаи: сговорится с прежними товарищами, впустит их в корпус во время службы, да и очистят они несколько келлий, пока монахи Богу молятся. Бывали случаи, что и монастыри обкрадывали такие молодцы. В монастыре от них житья нет братии. Помещать его в одну келью со старцем – значило бы делать пытку старцу: какой же монах пожелает иметь в своей келье постоянного такого свидетеля келейной своей жизни? Ни помолиться, ни почитать... Да простец-монах, каковы теперь в большинстве иноки, и не поймет: по какому праву и зачем ему, бежавшему из мира от семейной жизни, навязывают такого сожителя. Нет, Бога ради, поберегите монастыри от таких поселенцев, если хотите, чтобы они совсем не запустели. Если уж государство так обедняло, что не может само открывать исправительных приютов для малолетних преступников, то пусть возьмет в свое распоряжение несколько захудалых, замирающих монастырей, в коих нет особенно чтимых народом святынь, которые и теперь уже приписаны к другим, более живучим монастырям, и обратит их в приюты. У него найдутся средства для содержания сих приютов; помогут и сколько-нибудь состоятельные монастыри, а людей можно брать из военных: сколько теперь после войны калек-офицеров и героев-служак, не могущих зарабатывать себе кусок хлеба земледельческим трудом, но пригодных, чтобы руководить юными преступниками в приютах, знающих и любящих ту именно дисциплину, без коей исправление невозможно. А для женских приютов, в коих, надеемся, окажется и надобности меньше, найдутся труженицы из старых сестер милосердия... Населять же вообще монастыри малолетками-преступниками значит вредить обителям. Повторяю: надо пожалеть их. Быть может, еще настанут лучшие времена, пройдет этот туман, напущенный масонами на Русь Православную, заговорит в русских людях совесть, и снова обители расцветут, снова Бог воздвигнет старцев-подвижников, и вернется наша интеллигенция к заветам предков своих... Вот тогда монастыри и сослужат свою вековую службу народу обновлением – не экономическим, не политическим, а нравственным, которое одно только и служит основанием блага народного и государственного... Дай-то, Господи!

№ 8

Самоубийства молодежи

Никогда, кажется, так не было много самоубийств среди молодежи, как в наше смутное время. Газеты пестрят известиями о том, как молодые люди кончают расчет с жизнью. И большею частью эти несчастные сами объясняют причину совершаемой ими казни над самими собою: “надоело жить”... “смысла жизни не вижу”... “пожил столько-то лет, и довольно”... На днях три иудейки из “интеллигенток” заперлись в комнату, играли на рояле, пели веселые песни и... отравились. Трупы этих самоубийц молодежь осыпала розами, а на другой день “Новое Время” пишет уже: “За сегодняшний день в Петербурге вновь отмечен целый ряд самоубийств среди учащейся молодежи. Эти самоубийства принимают характер форменной эпидемии”. Как будто сатана явно смеется над теми, кто чувствует самоубийцу, увлекая и их к тому же. Наша мирская печать не раз останавливалась над этим страшным явлением, пыталась решить вопрос: отчего, почему это происходит и как устранить зло? Даже “сам” идол нашей несчастной молодежи – Толстой заговорил... что “человек имеет право убить сам себя”. Этот лицемер говорит только, что самоубийство и неразумно, и безнравственно. Вместо того, чтобы показать весь ужас этого преступления, он как бы ободряет юношу, говоря, что акт самоубийства ничуть не страшнее табакокурения или пьянства. Понятно, писатели ни единым словом не обмолвились о Боге, о душе, о вечности: напротив, они самым тщательным образом обходили главную и если хотите, – единственную *истинную* причину сего явления и потому кончили свои рассуждения пустыми фразами. Разве наши “передовые” люди когда-нибудь сознаются, что вся причина в том, что несчастная молодежь – *Бога теряет в душе*, а без Бога душа, по природе своей христианка, – жить не может?.. И вот, страшная пустота души, страшная тоска о Потерянном, но тоска несознаваемая, безотчетная с одной стороны, а с другой, – приражение темной силы, проще говоря – искушение от человекоубийцы исконного – сатаны (читайте Ин. 8, 44) влекут юношу или деву к страшной развязке – к самоуничтожению. Напрасны эти рассуждения о “цели жизни”, о “смысле жизни” здесь на земле: эти цели, этот смысл жизни способны, пожалуй, на время утолить некоторым образом жажду вечного, томящую душу человеческую, но уничтожить эту жажду – никогда не в состоянии. Богач никогда не будет доволен своим богатством, и если бы весь мир приобрел, – все же будет жаждать и жаждать богатства. Честолюбец, властолюбец, сластолюбец никогда не скажут: “довольно!” Мало этого: писатель, поэт, художник, достигнув своей “цели”, после сознания, что дело кончено, после испытанного чувства удовлетворения, вдруг начинают как бы сожалеть, что дело кончено, (вспомните, что испытывал поэт Пушкин, когда кончил своего “Бориса Годунова”), и начинают искать другой “цели”, другой работы... Разве это не есть доказательство бессмертия души, предназначенной к вечности? Разве это не есть жажда вечности? Вечного идеала? А где он? В чем он, как не в Боге – Существом вседовлеющем и всесовершенном? Ведь душа человека сотворена по образу и подобию Его: ужели неясно, что она Его и ищет, к Нему и стремится? И только в Нем едином и находит она свой идеал, свое успокоение и блаженство. А о Нем-то и боятся вспомнить все наши мудрые интеллигенты – передовые люди!..

Позвольте поделиться с вами, читатели мои, выдержками из письма одного молодого человека, стоявшего на самом краю пропасти и только чудом Божиим спасенного от самоубийства. Письмо это особенно поучительно для нашего времени. Это – не туманные рассуждения г. В. Розанова о “нахождении коня”, о “моем и всеобщем призвании”, о “бахроме житейских обстоятельств”, об “общей цели жизни”, о “цели жизни человека вообще”... Нет, это сама жизнь, это исповедь души, пережившей великое искушение...

Письмо начинается глубокою сердечною благодарностью тому Божию служителю, который, сам того не ведая, был орудием Промысла Божия в обращении этого молодого человека.

Затем автор продолжает: “будучи вполне сыном своего века, стыдясь открыто пред всеми исповедывать православную веру, в которую крещен младенцем, я из этого ложного стыда перестал ходить в церковь, перестал говеть и причащаться Святых Христовых Таин... в конце-концов я совсем забыл, что я – христианин, жил, как живут, скажу к стыду моему, безсловесная твари. Ел, пил, спал, исполнял свои мелкие делишки, и так тянулись во мраке мои дни. Во всем полагался я только на свой “разум” и на то, что дала якобы “наука”. Та к прошло несколько лет: я совсем забыл о Церкви Христовой. Но вот порой на меня стала находить какая-то необъяснимая тоска, мою душу стали наполнять какие-то сомнения и тревоги. И день ото дня мне становилось все тяжелее и тяжелее. Закралось в сердце отчаяние: нет ни света, ни выхода, мое существование безцельно и бессмысленно, я – лишний на свете человек... И явилась мысль о самоубийстве. И эта гибельная мысль не казалась мне страшной: напротив – как будто желанной! Правда, я сначала боролся: искал ответов на мучившие меня вопросы в литературе, у современных наших писателей – прежние казались мне уже устарелыми, – но моя душа еще больше омрачалась от этого чтения, еще больше становилось на сердце. Тогда я решил покончить с собой. И вот, в одну несчастную минуту я зарядил револьвер и уже приставил холодное дуло его к виску... Ни страха, ни сомнений я в этот момент не испытывал: все мне казалось совершенно безразличным; в мысли как-то промелькнуло только, как я упаду после выстрела, начнется переполох, а там... Это – там, за гробом на секунду меня остановило. И вдруг с быстрого молнии мне вспомнилось мое детство, училище, встреча Святой Пасхи и – то настроение, радостное настроение, какое я испытывал в те дни!.. И выпал из руки моей револьвер, и я вдруг заплакал, заплакал горько – навзрыд!.. Что было со мною дальше – не помню: очнулся я уже лежащим на кровати, а около меня суетились мать, родные и доктор. На голове лежал компресс, и доктор уверял родных, что это – только простой обморок. Через два дня я оправился, явился аппетит, сон, хотя очень чуткий. Со мною как будто ничего не произошло особенного. Но мое состояние не укрылось от любящего взора матери моей. Она как-то незаметно для меня пригласила меня в вашу церковь ко всенощной. Был день воскресный. Не желая оскорблять ее отказом, тем более, что видел, как она тревожилась и хлопотала около меня, когда со мною был обморок, я пошел с нею в храм Божий. А я не был в церкви целых восемь лет! Когда я вошел туда, мне стало как-то не по себе: так я отвык от храма. Матушка заметила мое смущение, но мне и вида не показала, что заметила, и пригласила меня пройти дальше во внутрь церкви. С некоторым самопринуждением, но я пошел за нею. Она приложилась к св. мощам, частица коих была на аналое, за клиросом, а я не мог себя к тому принудить, а стоял и нервно пощипывал усы. Всенощная скоро окончилась; весь бывший народ запел громогласно: “Взбранной Воеводе победительная”... Это так на меня подействовало, что у меня дрожь пошла по телу. Но я приписал это своей нервности. Начался молебен, и трогательное общенародное пение “Милосердия двери отверзи нам”... привело меня в умиление. И чем дальше пели, тем теплее становилось у меня на душе, и наконец вдруг я заплакал тихими, облегчающими слезами: с моей души, выражаясь словами поэта, как бремя скатилось, и стало легко и отрадно... И тут только я понял, что напрасно я метался, ища выхода для своей наболевшей и истрадавшей души. Этот выход был вот тут, в храме Божиим так близко, и те, кто посещает его, никогда не испытывают тех мук, какие я пережил, удалившись от Церкви! И ушел я в угол храма и там плакал горькими слезами, как малое дитя, как кающийся Петр... Но вот вышли вы, дорогой батюшка, ограждая себя крестным знамением, и своим громким голосом провозгласили: “Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!” Глядя на вас, и я возложил на себя крестное знамение – в первый раз за все восемь лет моего духовного блуждания. Вы говорили о том, как крепко стояли за веру Христову древние христиане, как даже маленькие дети переносили за имя Христово страдания, а матери, смотря на их страдания, радовались, веруя, что их ждет мученический венец. А я... меня никто не преследовал, не мучил за Христа, а между тем я – отрекся от Христа! О Боже, милостив буди мне, грешному! На словах не выскажешь того, что испытывал

я в эти минуты. Когда я пришел домой, меня потянуло почитать что-нибудь из Священного Писания. Я взял у матушки Библию и, раскрыв наугад, прочитал: “добра, котораго хочу, не делаю, а зло, которое не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то уже не я делаю то но живущий во мне грех” (Рим. 7, 19–20). Вскоре после этого дня я стал ходить в церковь, поговел, причастился Святых Таин и – нашел “смысл жизни”. А слушая ваши поучения, уразумел и то, что смерть есть лишь одна из стадий к вечной жизни”.

Оглядываясь назад, молодой человек далее размышляет: “до такой ясной мысли я не мог дойти, пока не посещал церкви; я ходил будто в заколдованном круге, из котораго некуда было бежать, и я, дрожа, стоял пред мучительной загадкой: к чему мы живем? Ведь “жизнь – обман, она и кончится безмысленно и гадко, среди телесных мук и сердца жгучих ран” (простите, что опять говорю чужими словами). Кругом я видел только зло, и мне казалось, что зло в мире царствовало и смеялось над добром... А теперь я снова вернулся под опеку матери-Церкви, где нашел утешение и покой и даже радость, которой уже давно-давно не испытывал... Я чувствую себя так, как будто перенес тяжкую болезнь, но зато на душе моей так легко... А читая Слово Божие, я все более и более убеждаюсь в истине слов Господа нашего Иисуса Христа: ищите прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам”.

В заключение автор говорит, что его письмо есть удовлетворение потребности сердца – раскрыть тайник души тому, кто был “невольным учителем и наставником на пути истины”. О себе говорит, что ему теперь 24 года, он еще не женат, окончил курс гимназии, служит и внешним своим положением очень доволен.

Читатели видят, как благодать Божия подстерегает душу человеческую, чтоб пробудить в ней спящую совесть и обратить на путь спасения. Благо тому юноше, который носит в своем сердце благодатныя воспоминания от дней детства. Видите, как в страшную минуту искушения автора этого письма спасли светлыя впечатления пасхальных дней в детстве! Не ясно ли: в чем спасение от искушений для молодежи нашей? Как застраховать детей от этих искушений? Гд е искать спасения от эпидемии самоубийств среди молодежи по преимуществу? А эти самоубийства растут с ужасающей силой... Возьмите любой номер газеты и вы увидите этому страшное подтверждение. Вот, напр., номер 12, 204 “Новаго Времени”: больше столбца занято описанием самоубийств. Их за один день зарегистрировано в одном Петербурге 23! Только за один день! Сколько же за месяц? За год? Сколько по всей России?! Ведь ужас берет от этой скорбной летописи! А наша интеллигенция все хочет как-нибудь обойтись без Бога, объяснить все как-нибудь туманными фразами! Тут, простите, уж просто проглядывает какое-то упорство, нежелание иметь дело с религией, отречение от Христа... Тут и Сам Бог, никого насильно не желающий спасать, не поможет. Ведь, по учению слова Божия, в том и состоит хула на Духа Святаго, когда человек упорно сопротивляется очевидной истине. А эти лицемеры-интеллигенты не только сами не хотят знать истины, но и от других стараются ее укрыть. Невольно вспоминается слово Господа к фарисеям: “горе вам, яко затворяете царствие небесное пред человеки, вы бо не входите, ни входящих оставляете внити!” (Мф. 23, 14). Невольно думается: как легко и просто разрешился бы мучительный, роковой вопрос о современном положении нашего отечества, вопрос о том: что делать, как выйти из той смуты, которая, как ядовитый туман окутала нас со всех сторон, губит и молодых, и старых, и семью, и школу, и образованные классы, и простой народ, как, говорю, легко этот вопрос решился бы, если бы наша интеллигенция в целом обратилась к Богу отцев своих, к Христовой истине! Но – увы! Ко многим из ея среды приходится применить слово Исаии пророка: “егда (когда. – *Ред.*) убелит ефиоп кожу свою или изменит рысь пестроты своя?” Та к и эти люди не способны к обращению, и о них может быть сказано: *аще кто из мертвых воскреснет – они не имеют веры.*

№ 9

Без идолов интеллигенты нашего времени жить не могут!

Удивительное существо – человек! От Бога, своего Творца и Искупителя, он бежит, а без идолов жить не может... По крайней мере таково человечество в наш, так называемый, “просвещенный” век. А так как кланяться деревянным и каменным богам уж было бы слишком безумно, да и толку от них никакого нет, то он сам придумывает себе божков “идейных”, а чтобы и этим божкам было незазорно кланяться, то берет для названия их очень почтенная в языке человеческого слова, мудро придуманные в глубокой, незапамятной древности для обозначения высоких и святых понятий. Вот эти-то слова современный “просвещенный” человек и треплет для прикрытия ими своих идольчиков. И это заблуждение иногда бывает так искренно, так бессознательно, что со стороны просто жаль становится таких людей. Я сейчас назову одного такого божка, пред коим преклоняют колена все интеллигентные люди, не исключая даже нас, пастырей, которых имя этого божка вводит в заблуждение: думаем, что служим тому святому идеалу, который некогда разумели под этим словом наши предки, а на деле-то выходит, что нас заставляют служить просто идолу...

Слушайте же, мои дорогие читатели: этого современного божка зовут двумя очень простыми словами: “образование” и “просвещение”.

– Как! – воскликните вы – образование, просвещение – наш идол, современный божок?

Да, я повторяю свое обвинение современных интеллигентов в идолопоклонстве: то, что они называют теперь “просвещением” и “образованием”, вовсе не заслуживает этих великих слов. Подумайте только: что хотели сказать наши предки, изобретая эти слова? “Образование”... Человек, думали они, создан по *образу* и подобию Божию: всякое приближение к сему образу, всякое *преображение* духовной личности по образу Создателя и есть *образование*. Образ Божий в душе нашей потемнел от греха: просветлить его, насквозь высветлить, как говорил Гоголь, душу человека – вот это и есть истинное “просвещение”. Надобно, чтоб духовная личность вся сияла богоподобием, светилась насквозь, как чистый кристалл: вот настоящая задача самой жизни христианина на земле. Та к высоки, так святы эти понятия – просвещение, образование! В них звучит слово Христово: *будите совершенни, якоже Отец ваш небесный совершен есть*.

А у нас что понимают под этими святыми словами: “просвещение”, “образование”? – Начинить голову всякими знаниями, да притом не знаниями того, что едино на потребу для верующей души, а знаниями земными, утилитарными, а в последнее время и не знаниями даже, а фальсификацией научных знаний, подделкой их, каким-то суррогатом знаний – это называется образованием. Начитаться вдоволь разных книг и книжек, газет и журналов, и непременно в духе всяческих свобод, хотя бы то была и свобода от здравого смысла, прослушать курс лекций иудея-профессора, с высоты своего величия не допускающего и мысли о Боге – Творце и Промыслителе, считающего религию пережитком старых времен, поездить по Европе, поклониться графу богоотступнику Толстому – вот ныне признаки просвещения... Ну, скажите по совести: разве это не подмена понятий под святыми словами “просвещение”, “образование”? А ведь у большинства нашей интеллигенции это так. Правда, каким-то чудом уцелели еще люди старых понятий, они тоскуют по старому идеалу, душою стремятся к нему, но масса, толпа интеллигенции их душист, заграждая им пути, полагая всюду препятствия, обзывая их отсталыми (если понимать, что величающие себя передовыми идут к вратам адовым, то, конечно, все мы, верные заветам былых добрых времен, – люди *отсталые*; за ними ведь, мы и не желаем следовать), обскурантами, фанатиками, суеверами и даже мракобесами... И ведь вот что осо-

бенно прискорбно, вот что составляет своего рода знамение времени: даже служители Церкви, даже благонамеренные руководители юношества идеалом воспитания все же считают почти исключительно одно умственное развитие: кончить блистательно курс наук, получить аттестат, проще сказать – ярлык, гарантирующий известные права, – вот то, о чем мечтают они для своих детей. Воспитание сердца, если нужда в этом и не отрицается, но как будто должно совершиться как-то само собою, без участия воспитателей и родителей... И растет наше молодое поколение в условиях, которые делают из них уродов в духовном смысле. Разве, в самом деле, не урод человек, умственно развитый, а нравственно – дикарь? Разве не уроды духовные все эти интеллигенты, вопиющие о просвещении и в то же время развращающие народ порнографией и иудейской, с позволения сказать, литературой?..³ Но стоит ли говорить об этих “просвещенных” интеллигентах? Зло пустило корни гораздо глубже, проникло, хотя кажется, бессознательно, даже в недра Церкви, в лице ее служителей, как я сказал выше. О чем мечтает теперь духовенство? О том, чтобы его дочери получили “образование”... даже на высших женских курсах! А о том, чтобы вышли из них добрыя матери-христианки, помощницы пастырям в их многотрудном служении, чтобы были оне в своей семье, а матушки и в целом приходе – носительницами святых заветов Церкви Православной, чтобы хоть сколько-нибудь напоминали – не говорю уже Нонн, Моник, Анфус и других святых жен древности, а хотя бы наших покойных матерей – простых, безграмотных дьячих, умевших воспитать в своих сыновьях пастырей и архипастырей – об этом заботы что-то не слышно... Вот кончила бы курс в гимназии да пошла на высшие женские курсы, а не то – и в университет, получила бы диплом на учительницу, притом с умением танцевать и болтать на французском и немецком языках, поражала бы всех своим “образованием” – вот мечта многих и многих родителей, не исключая батюшек и матушек. А если батюшка и матушка до этой мечты не додумаются, то сама дочка принесет им эту мечту из того светского учебного заведения, где она учится: там ведь много барышень даже иудейского происхождения (разумею наши женския гимназии). Таково ныне понятие об образовании. Семинарист не хочет быть пастырем Церкви: это, видите ли, для него как-то унижительно, условия-де жизни “невозможны”. А за семинаристом потянулся и простой мужик: предо мною прошение простого крестьянина Тамбовской губернии, где он, сообщая, что у него три сына в разных средних учебных заведениях учатся, просит помощи на их “образование”. А в конце-концов, идеал всех идеалов – это ярлык, именуемый аттестатом, дипломом или чем-то еще там... Сей ярлык поднимает юнца на высоту, для его отца недостижимую, “отколупывает его от народа”, как говорил покойный С. А. Рачинский, и делает его интеллигентом... А сынок интеллигент – гордость для отца, хотя бы отец от него и плакал! Мужичок и слова этого произнести не умеет, а с благоговением прислушивается только, как сынок себя величает этим словечком – образованный человек! Все пути ему открыты, хотя бы эти пути простирались много-много до сельского учителя да волостного писаря... Это ли – просвещение?!

Слышу, мне возражают: так что же, ужели никакой школы не нужно?

Но я и не говорю этого. Я только подчеркиваю, что не следует так преувеличивать понятия, не следует увлекаться умственным развитием молодежи как чем-то уж в высшей степени идеальным, как верхом совершенства. На деле, особенно в наше время, это – не совершенство, а нередко – уродство. Забывают главное: человек живет вовсе не умом, как это всем кажется, а сердцем, а ум-то только на послугах у сердца. А сердце-то и забыто в деле воспитания. Поставили люди пред собою идола – ярлык, а для того, чтоб не слишком это было унижительно, – назвали его “образованием”, “просвещенностью” и преклоняются пред ним до забвения христианского долга. Знаю, мне скажут: не все же учатся для ярлыка. Многие учатся для обогащения

³ Невольно вспоминается при этом горькая ирония одного почтенного старого педагога, который слово “образование” произносил с перестановкою букв: *оборзование* и производил его не от корня *образ*, а от слова *борзой*...

себя знаниями, для полезного потом служения Отечеству. Знаю и это. Но очень бы я желал, чтобы правительство сделало такой опыт: законом отменило бы всякое значение диплома, аттестата, всех подобных ярлыков. Пусть каждый пробивает себе служебную дорогу не чрез ярлык, а показанием на деле своих знаний и пригодности на службе. Разве мы не знаем людей, опытом и знанием превосходящих всех патентованных ученых, а между тем они, например, техники, без диплома не допускаются к самостоятельной деятельности, хотя бы они сто раз доказали самым делом свою опытность и знание. Это – первое. Сделай правительство такой опыт, – половина наших высших учебных заведений опустела бы. Иудеи ушли бы оттуда и очистили бы место для тех, кто хочет учиться для науки. Затем: ведь я не отрицаю значения школы и науки. Я только говорю, что школа, исключительно развивающая ум и совсем оставляющая в забвении сердце, несомненно уродует человека. В громадном большинстве ныне прошедший школу юноша приобретает только известную сумму знаний; много-много, если он приобретет в школе некоторый лоск интеллигента, научится светским приличиям, а его нравственное развитие чуть ли не искривляется в дурную сторону: самолюбие – невыносимое, у него голова перевешивает сердце, самоцен⁴ – без меры и конца... Он несчастен, ибо постоянно может ожидать в жизни искушений для этого самоцена. Ведь древние не так рассуждали. Когда жил праведный Иов? Он был, по древнему сказанию, пятым от Авраама, жил, следовательно, когда евреи были еще в Египте – до Моисея. И вот как он определяет мудрость: *премудрость есть благочестие*. В самом деле: если сердце есть главный орган духовной жизни, откуда исходят, по слову Спасителя, все помышления, и благая, и злая, если в сердце находятся исходца живота,⁵ то будь человек благочестив – он будет и премудр, духовно опытен в жизни, ему легко будут даваться и земные науки, хотя Бог сотворил человека не для земли, не для того, чтоб он воспользовавшись здесь земными благами, потом своим телом только удобрил мать-сыру землю, а для вечности... Ведь христианину-то стыдно забывать об этом, а мы, кажется, еще не отреклись от христианства.

Но это тема безконечная: мне только хотелось обратить внимание моих читателей на одного из современных идолов культурного человечества – на тот самообман, в котором многие из нас находятся в отношении образования. Я был бы счастлив, если бы кто-нибудь задумался над этим и, если есть у него дети, сумел бы и им внушить, что их успехи в ученье без обучения науке из наук, искусству из искусств, как называют св. отцы *духовную жизнь*, – не дадут им счастья, что если хотят они быть счастливы, то пусть учатся этой великой науке – жить по заповедям Божиим и растить в своем сердце благодатные семена жизни вечной. Только тот на земле истинно счастлив, кто опытом сердца знает силу словес Господних: *царствие Божие внутри вас есть...*

⁴ Завышенная самооценка. – (Ред.)

⁵ Начало жизни. – (Ред.)

№ 10

Святые дни

Кто живет церковною жизнью, для того тихо, среди покаянных молитв и трогательных воспоминаний проходит Святая Четыредесятница. Там, за стенами церкви, бурно шумит море житейское, а здесь благодатный мир приосеняет измученные души кающихся грешников. Не любит грешный мир этого слова – “грешник”, не хочет он признать существование греха: за то и рабствует он греху без надежды на ту свободу духа, какую дает смиренное покаяние у подножия креста Христова. Вне Церкви – нет истинного мира, нет чистой радости, нет того счастья, о коем не имеют понятия сыны мира, но которое опытом сердца ведают чада Церкви Православной. О, если бы люди знали это счастье! Если бы целым сердцем возжелали его! Весь мир тогда преобразился бы.

К несчастью, бесполезно говорить с сынами века сего об этом счастье, об этой радости, об этой сладостной тишине сердца. Это значило бы говорить с слепыми о красоте цветов, с глухими – о чудной гармонии звуков... Это значило бы говорить с язычниками о сущности христианства. Не по страху только мучений древние христиане укрывались в катакомбах: в эти подземелья влекло их непреодолимое желание быть наедине с Богом, уйти от этого мира, всецело погруженного в рабство греху. Там м изливали они свои пламенные молитвы, там совершали Божественную Евхаристию, там переживали то, что Господь разумел, когда изрек: *царствие Божие внутри вас есть*... Тщательно оберегали они эти тайны духовных настроений от язычников, ибо язычники не могли понять сих тайн, а могли лишь осмеять их...

Ужели и мы дожили до таких времен? Если еще не дожили, то не близятся ли они? Боже! А ведь те, кто вокруг нас, среди кого мы живем, именуют себя христианами! Страшно подумать, что это за христиане... И неужели сии, глаголемые христиане никогда, даже в детстве, в ранней юности, не чувствовали на себе веяния Божьей благодати? Ужели ни разу в жизни хотя бы детским сердцем не переживали они тех благодатных минут священного восторга и умиления, какими преисполняется верующее сердце в великие дни Страстей Господних и Святой Пасхи? Хотя бы в детстве!.. Недавно в своем Дневнике я привел письмо одного молодого человека, котораго спасло от самоубийства одно мимолетное воспоминание пасхальной радости, испытанной когда-то им в детстве: запасаются ли нынешние дети такими спасительными впечатлениями на грядущие дни великих для них испытаний? Сказал некогда Господь Своим ученикам: “не препятствуйте детям приходить ко Мне”... о как хотелось бы просить, умолять современных глаголемых христиан: не препятствуйте хотя детям-то своим, если уж сами очерствели, не способны к тому стали, им-то не препятствуйте воспринимать благодатные впечатления служб церковных в великие дни! Не лишайте их той неземной радости, какая посещает сердце верующее в созерцании великих дел Божиих в спасении рода человеческого! Ведь наше православное богослужение не есть простое воспоминание событий из жизни Спасителя нашего: нет, оно переносит нас во времена евангельские, дает нам возможность таинственным образом переживать то, что переживали живые свидетели тех событий – Апостолы и верующие души, о коих сказал некогда Господь: *ваши же блаженны очеса, яко видят, и уши ваши, яко слышат. Аминь бо глаголю вам, яко мнози пророцы и праведницы вожделеша видети, яже видите, и не видеша, и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Мф. 13, 16). В самом деле: мы ни на минуту не должны забывать, что все мы, верующие во Христа Спасителя нашего, составляем живое таинственное тело Его – Церковь, что жизнь христиан минувших веков есть жизнь Церкви, а следовательно, и наша жизнь, что для нас все отшедшие к Богу из мира земного отцы и братья *живи суть*, все обретаются в благодатном общении с нами чрез Церковь и Главу ея – Христа Спасителя, что Господь наш, по безконечной любви Своей ко всякому верующему в Него, силен соделать каждого из нас причастником того созерцания,

того “блаженства очес”, о коем Он Сам говорил... И св. Церковь дает полную возможность к тому – чрез свои чудные обряды, посредством несравненной, неподражаемой поэзии песнопений. Смотрите, например, с какою мудростью, с какою постепенностью и знанием души человеческой готовит она нас к величайшему торжеству живаго общения с небом: как иначе назвать наш всерадостный праздник Христова Воскресения? Для того, чтобы взойти на небо, надо прежде всего очиститься от всякой нравственной грязи: “ничто нечистое не войдет туда”, говорит слово Божие (Апок. 21, 27). И вот положен пост, по числу дней равный посту Христову. Не легок подвиг поста для немощи человеческой: и к посту – приготовление: неделя о Закхее – урок беззаветной любви ко Христу; неделя о мытаре и фарисее – урок глубоко смиренной покаянной молитвы; неделя о блудном сыне – урок смиренного покаяния; неделя о Страшном Суде – урок страха Божия. Затем – седмица полупоста – сырная. Затем – неделя о падении Адамовом и – уже самый пост во всей его строгости... Возьмите хотя дома в руки великую книгу покаяния – Триодь постную, почитайте стихиры и каноны, особенно Великий канон святого Андрея Критского: сколько слез пролито св. песнописцами при составлении их! Сколько умиленного чувства! Уже с середины св. поста верующие поклоняются Кресту Господню, и сей Крест созерцается ими как бы в некоем отдалении постепенно приближающейся священной Голгофы – великих дней Страстей Господних. И чем ближе сии дни, тем больше напоминаний о покаянии. В четвертое воскресенье Церковь творит память одного из великих учителей покаяния – преподобного Иоанна Лествичника, написавшаго свою “Лествицу”, возводящую на небо, полную великих уроков духовнаго опыта, скопленного сорокалетним подвигом в уединении священной горы Синайской. Как жаль, что мало читают эту книгу православные христиане! Это – не ученый трактат, это скорее золотая цепь изречений, полных духовной мудрости; разительных примеров, отеческих наставлений, облеченных в такую форму, что многия из них хотелось бы заучить наизусть! Любят наши образованные, религиозно настроенные христиане читать книгу Фомы Кемпийского “О подражании Христу”, которая, кстати сказать, по отзыву наших святителей-аскетов, написана “из мнения”, т. е., в состоянии мечтательности, неправильнаго духовнаго настроения, а вот этой книги – “Лествицы” – вовсе не знают. А св. Церковь так высоко ценит труд преподобнаго Иоанна, что уставом предписывает в монастырях читать его за богослужением во дни поста, наравне с творениями преподобнаго Ефрема Сирина, а память самого автора чтит особою службою в 4-е воскресенье Великаго поста.

В четверток на 5-й неделе читается великий канон Андрея Критского – этот покаянный плач грешника у затворенных врат райских. Пред нами проходит вся история Ветхаго и Новаго Завета как бы в картинах: все, что можно извлечь назидательнаго для души, не только извлечено, но и применено к делу в трогательных обращениях и увещаниях: как будто нежно любящая мать с слезами горячей любви увещевает, умоляет сына-грешника очнуться, оглянуться на себя, познать свое бедственное состояние, покаяться, обновиться душою... В следующее, пятое воскресенье представляется единственный по высоте подвига образец покаяния и духовнаго обновления в лице преподобной Марии Египетской. Этот пример заставляет смолкнуть все извинения человеческой немощью, обычно приводимыя грешниками, когда их зовут к покаянию. Если последняя из грешниц, всецело, из страсти к отвратительному пороку отдавшая свою бурную молодость греху, оказалась, при помощи Божьей благодати, по ходатайству Матери Божией, способною к столь нравственному перерождению до состояния почти безплотной, ходившей по водам Иордана, яко посуху, читавшей в душе старца его мысли, знавшей Писания без знания грамоты, провидевшей свою кончину, то кто же смеет сказать в свое оправдание, что нет ему возможности к покаянию и спасению? Да смолкнет пред сею святою женою всякое самооправдание наше, всякое “не ищевание во гресех!” С понедельника Вербной недели в церкви уже слышится имя друга Божия Лазаря, имя благословенной Вифании. Прочтите в высшей степени поэтический канон Андрея Критского, положенный в пятницу, накануне воскресения Лазаря: какие чудные образы, какая картина плачущаго ада развер-

нется пред вами! Ад плачет, ибо уже слышит голос грядущаго Воскресителя мертвых. Плачет и сам же умоляет Лазаря поскорее покинуть его мрачную темницу, ибо зовет его Божественный Друг...

Пятницей Вербной недели кончается собственно Святая Четыредесятница. Как Христу, грядущему на вольную страсть (страдание. – *Ред.*), тихая Вифания дала отдых, так утомленным трудникам св. поста облегчается сей пост на два дня: субботу Лазареву и день ваий – Вербное воскресенье.

С ваиями и ветвями, с пением “осанна, благословен Грядый” мы встречаем Господа, грядущаго на страдания. Особенно трогательно видеть в этот день малюток, с таким восторгом, с таким неподдельным благоговением держащих священные ветви и горящая свечки в своих ручках! Та к живо вспоминаются те дети, которые, несмотря на суровые запреты книжников и фарисеев, громко зывали Победителю смерти Господу Иисусу: *осанна! осанна Сыну Давидову! Благословен Грядый во имя Господне!* И как-то стыдно становится пред древними евреями, которые вот умели же научить своих детей родным Давидовым псалмам, ибо эти слова прямо взяты из псалма, – а наши дети не знают иногда и самых необходимых молитв... И представляется, что Кроткий и Смиренный, восседающий на ослиати Господь с любовью взирает на этих деток, внимает их – если не хвалебным восклицаниям, то радостным вздохам сердечным, и благословляет их Своим небесным благословением.

С вечера недели ваий священнослужители уже меняют светлая священные одежды на черныя. Наутро уже трогательно звучат песнопения: *Се, Жених грядет в полунощи... Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный...* В стихирах вспоминается трогательная история Иосифа Прекраснаго – ветхозаветнаго прообраза Христова и притча о бесплодной смоковнице. С третьяго часа начинается чтение всех четырех Евангелистов подряд. Пред нами проходит вся жизнь нашего Спасителя на грешной земле, все Его чудеса, мы слышим все Его Божественное учение, все Его заветы... Это чтение длится три дня на часах сей седмицы. Во вторник Церковь напоминает нам снова Страшный Суд Божий и притчи Христовы – о талантах, о десяти девах. В среду верующее сердце может выплакать свое горе, омыть свои нечистоты греховныя у ног своего Спасителя вместе с женою, помазавшею Господа миром. Как трогательна стихира, в среду на вечерни, составленная смиренно песнотворицею древней Церкви, монахиней Кассиею! Она как будто сама плачет у ног Христовых, как будто сама переживает эти минуты священнаго умиления, этой отрадной скорби, этого духовнаго обновления!

Великий Четверток. Тайная вечеря. Верующие причащаются Божественных и животворящих Христовых Таин. Христос среди учеников Своих проводит последнюю вечерю, изливает пред ними Свою любящую душу. Уже на этой вечере слышится тихая грусть, глубоко сокрытая скорбь Его, но Он утешает любимцев Своих, ибо видит, что и они предчувствуют грядущую разлуку. Только Иуда злочестивый является темным пятном на этой трогательной картине, и лишь вышел он из священной горницы, как отверзлись уста Божественнаго Учителя и полились Его сладостныя речи в Его прощальной беседе с ученика ми... О, если бы мы чаще повторяли себе эту беседу! Чаще вспоминали бы святыя заветы Его! Но – увы! Мы слышим ее разве только раз в год – на утрне Великаго Пятка...

Пяток, Великий Пяток!.. Господь среди страданий. В двенадцати чтениях из всех четырех Евангелистов во всей полноте и трогательности раскрывается пред нами великое дело Любви Божией, воплотившейся и страждущей за грехи мира. Какая стихиры, какие антифоны! Я не знаю ничего более трогательнаго в поэзии, как эти антифоны, эти стихиры, эти седальны... А напевы! Наши древние церковныя напевы! Какая музыка может сравниться с ними? Кто не смягчался сердцем, у кого не выступали слезы хотя бы при пении светильна: *Разбойника благого разумаго?*..

Величие дня всемирной скорби, Великаго Пятка не позволяет совершать в сей день литургию: верующие довольствуются благоговейным созерцанием искупытельной Жертвы,

принесенной в сей день за грехи всего мира. Вместо литургии совершаются Царские часы. В чтениях ветхозаветных пророчеств, чередующихся с чтениями из писаний Апостола Павла и св. Евангелий, мы можем видеть, как Господь, по неизреченной благодати Своей, постепенно готовил род человеческий к принятию Спасителя пророчествами и прообразами.

Наконец – вечерня, единственная в году вечерня, с выносом св. плащаницы, с трогательным пением: *Благообразный Иосиф...* Мы переносимся духом в Иерусалим, на Голгофу, в сад Аримафейского Иосифа, мы с умилением созерцаем погребение нашего Господа, мы участвуем в этом погребении своим сердцем, мы плачем с Преподобной Матерью Господа над Его бездыханным, но животворящим Телом... Что может быть умильнее этих обрядов Христова погребения? Какая верующая душа не выронила слезу при пении: *Тебе, одеющаяся светом, яко ризою...* или: *Приидите, ублажим Иосифа приснопамятного?..* А канон на плач Пресвятыя Богородицы? Да это такая поэзия, с какою не сравнится ничто из творений всемирно прославленных поэтов!

Я не буду говорить об утрени Великой Субботы: эта таинственная глубоко поэтическая кафисма с ея похвалами Господу, почивающему во гробе, похвалами, полными духовных созерцаний того, что творилось в загробном мире и в самой преисподней в то время, когда Творец мира телом почивал во гробе, причем неподражаемо художественно изображается настроение всей природы, даже бездушной природы, в эти великие дни искупления мира его Творцом, – этот также полный поэзии и вместе глубокого богословствования канон: *Волною морскою*, ирмосы котораго наполовину написаны тою же инокинею-поэтессою Кассиею. Наконец – крестный ход вокруг храма с плащаницею в полумраке глубокого утра – все это так благодатно действует на душу верующую, что не шел бы из церкви, все стоял бы коленапреклоненный у гроба своего возлюбленного Господа Иисуса и плакал бы о грехах своих сладкими слезами умиления!..

Литургия, в своей первой части, то есть собственно вечерня, есть тоже как бы “приседение прямо гроба” с Мариею Магдалиною и другою Мариею и благоговейное размышление о великих судьбах промысла Божия в искуплении грешного человечества, при свете ветхозаветных пророчеств и прообразований. В 15-ти паремиях, или чтениях из Ветхаго Завета, раскрывается вся история домостроительства нашего спасения, от сотворения мира до самого пришествия Христова. Как глубоко не пожалеть наших собратий, которые проводят этот день в суете предпраздничных приготовлений и не заглядывают в храм Божий! Подумать только: чего сами себя лишают они! Какою дорогою ценою окупают свою суету!

И ведь вот что особенно прискорбно: ну пусть бы мирянин-простец, в поте лица своего достающий себе хлеб насущный, так погружался в эту суету – было бы хоть понятно; но люди обеспеченные, люди, имеющие полную возможность быть в церкви в эти великие дни, их-то почему мы не видим в церкви Божией? Они-то куда ушли от гроба Жизнодавца? Мало того, что сами ушли: и деток их вовсе не видно тут, у подножия Христовой плащаницы! Господи! Коснись их сердца, дай им хотя мало восчувствовать сладость благодати Твоей, столь преизобильно веющей в святом храме Твоем в эти дни; быть может, если не сознание долга – быть при гробе Твоем, то хотя бы это благодатное настроение, это духовное блаженство верующего сердца привлечет их сюда, чтобы с нами, служителями Твоими, лобызать раны Твои, поклоняться священному изображению измученного тела Твоего, почивающего на ложе тридневном, и встретить потом в светлой радости преславное Твое Воскресение!..

№ 11

Пасхальная радость и пастырская скорбь

Христос воскрес, мои дорогие читатели! И да воскресит Он и наши сердца, да согреет их любовью к Себе, да вдохнет дух жизни в наши измученные, как бы замершие души!..

Нет в человеческом языке слов, более сладостных, более животворящих, более чудодейственных, как эти два слова: Христос воскрес! Когда произносишь их – чувствуешь, будто и солнце тебя ласкает, и радость вокруг тебя всюду разливается. А когда представишь себе, что ведь эта радость, это ликование жизни над смертью, это живое общение с землею и землей с небом в сей нареченный и святой день идет по всей Руси, от востока до запада, от пустынной Камчатки до тех русских областей, которые уже соприкасаются с Западной Европой, то невольно воскликнешь: о, как счастливы мы, Русские, что и родились, и пребываем неизменно в недрах святой нашей матери Православной Церкви! Там, у западных христиан, торжественнейшим праздником христианства почитается праздник Рождества Христова; велик сей праздник и в нашей Церкви, и называется он тоже *Пасхою* в книгах богослужебных, но ведь рождение Спасителя есть только начало нашего спасения, а воскресение – завершение его, полное торжество Господа нашего над адом и смертью, над человекоубийцею исконным – сатаной. А ведь *Его* торжество есть торжество наше – торжество всего искупленного Им человечества. Есть верование: кто умрет среди светлых дней Пасхи, для того отверсты врата райския. Верование это сложилось под впечатлением пасхального богослужения. В самом деле, в течение всей пасхальной седмицы в церкви усопших не поминают; аще случится кому отъити ко Господу в сии святые дни, то вместо обычного отпевания поется Пасхальный канон, вместо: *Со святыми упокой поется: Аще и во гроб снизшел еси Безсмертне, вместо вечной памяти* поют все то же всерадостное *Христос воскресе...* Как будто смерти вовсе нет, ея Церковь не замечает, как бы презирает, восклицая с пророком: “смерть, где же твое жало?” И это несчетное число раз поемое *Христос воскресе*, и этот полный священного восторга канон, и эти целую неделю незакрываемые царския врата во всех храмах православных, и этот целодневный, в продолжение всей недели звон на всех колокольнях святой Руси, и эти радостные приветствия и братския лобзания: *Христос воскресе – воистину воскресе!*.. – все это как бы свидетельствует, что небо соединилось с землею в великом торжестве всемирного обновления, и в этом торжестве участвует даже бездушная природа: ярко светит и будто играет весеннее солнце, теплом веют южные ветерки, повсюду пробуждается растительность, весело скачут горные потоки, реки поспешно сбрасывают свои ледяные покровы; шумно и весело встречают грядущую весну не только пернатые гости-певуны, к этому времени возвращающиеся из далеких южных стран, но и домашняя животная, выпускаемая на пажити... Воистину, всемирный пир веры, торжество в честь Воскресшаго Жизнодавца! Христос воскресе, Христос воскресе!!!

Простите мне, добрые христиане, читатели мои... Я хотел на сих словах и кончить свой нынешний “Дневник”. Мне не хотелось омрачать вашу светлую радость воскресения словом обличения тех, кто заслуживает обличения; но в моей пастырской совести я слышу голос Божий, в глубокой, еще ветхозаветной древности глаголавший пророку: “Если страж видел идущий меч, и не затрубил в трубу, и народ не был предостережен, то, когда придет меч и отнимет у кого из них жизнь, сей схвачен будет за грех свой, но кровь его взыщу от руки стража. И тебя, сын человеческий, Я поставил стражем дому Израилеву, и ты будешь слышать из уст Моих слово и вразумлять их от Меня...” (Иез. 33, 6–7). Та к глаголет Господь и в совести каждого пастыря Церкви Своей. Вот почему великий Апостол зывал: *горе мне, аще не благовествую!* (1 Кор. 9, 16). Вот почему и я долг имею сказать правду, по крайней мере тем, кто принадлежит моей пастве, чтобы не отвечать Богу, по реченному: “кровь их от твоей руки взыщу!..” (Иез. 33, 8).

Ликует душа пастыря, совершающего богослужение в первый день Пасхи, облаченного во весь светлейший, по выражению устава церковного, сан, обходящего многократно весь храм с сладостным и радостным благовестием – *Христос воскрес!* Будто шум вод многих слышит он в ответ на этот привет: *Воистину воскрес!* Светлая утренняя подходит к концу. Уже поют чудные стихиры Пасхи. Наступает момент трогательного выражения взаимной любви, взаимного прощения, простим вся воскресением! Выходят священнослужители из алтаря, будто ангелы Божии с неба, и начинается “христосование”. В эти минуты каждому хотелось бы весь мир обнять и прижать к своему сердцу, полному радости и счастья, и вот Церковь Христова дает исход этому чувству сердца в прекрасном обряде христосования. Все ликуют, все лобзаются друг с другом, повторяя ангельское – *Христос воскрес!* И отвечая на него апостольским – *Воистину воскрес!*..

Но – что это значит? Церковь начинает пустеть... Служба еще не кончилась, а богомольцы, особенно люди чиновные, уже куда-то спешат... Что случилось?..

Тридцать лет жил я во святой обители, а раньше всегда встречал св. Пасху в родном сельском храме, и никогда не приходилось наблюдать того, что заметил в городских соборах, когда стал архиереем. Половина храма до сего момента обычно наполнена блестящими мундирами. А с этой минуты, как только сии мундиры похристосуются с архиереем и представителями высшей гражданской власти, так все уходят, и их место во время Божественной литургии – пустоет... Я был грустно поражен, когда увидел это в первый раз: и омрачилась для меня радость светлаго праздника грешною, может быть, в такой день, но тяжелою скорбью. Куда так спешат эти чиновные мундиры? Ужели уж так утомились, что не в силах достоять литургии?.. Нет, но они спешат – на разговенье... Позвольте же: да разве можно “разговляться” – до обедни? Спросите любую безграмотную старушку, и она вам скажет, что это – грех, что это оскорбление праздника Господня... Ведь что такое литургия? Это воспоминание всего великого искупительного подвига нашего Господа, это великое, установленное Им таинство, чрез которое мы можем иметь с Ним живое благодатное общение – в причащении Его Божественных Таин приискренне соединиться с Воскресшим, становиться – не в переносном, а в буквальном смысле – членами Его таинственного тела – Церкви, по реченному: *Ядъй Мою плоть и пшай Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем* (Ин. 6, 56), и: *един хлеб – едино тело есмь мнози, вси бо от единого хлеба причащаемся* (1 Кор. 10, 17). Вот почему в доброе старое время, а в благоустроенных обителях и на Св. горе Афонской еще и теперь в этот день все присутствующие, все молящиеся в храме причащаются Тела и Крови Господних. Увы! У нас дошло до того, что один “образованный” мундир спрашивает архиерея: “а что, владыко, важнее: утренняя или литургия?”... И вот бегут от литургии, чтоб скорее выпить, да, именно выпить прежде всего, и закусить (позволительно спросить еще: все ли разговляются в этот день? Ведь многие и не нуждаются в “разговеньи”, ибо и не “заговлялись” вовсе...), закусить и прилечь уснуть – пока до визитов... И грустно становится пастырю. О, как грустно, когда он видит во время литургии половину храма пустующею, и только верные молятся с ним, молятся о всем мире и вот об этих неразумных “интеллигентах”, что ушли из храма Божия прежде времени...⁶

Но скорбь пастыря сим не оканчивается, а только начинается. Как проводят русские люди Великие дни?

Все празднование полагается в праздности, в служении чреву, в празднословии и забавах. Работать во славу Божию почитают грехом, а проводить время в праздности и предаваться игрищам, не всегда безукоризненным, а – что хуже всего – пьянствовать, сквернословить, буйствовать, это – не грех, это можно – ведь, “кто празднику рад, тот-де до свету пьян!”... Мнящие себя быть цветом народа, люди “общества”, интеллигенты, с утра до вечера визитируют, а

⁶ С прошлого года, чтобы удержать богомольцев в соборе до конца литургии, я перенес обряд христосования с конца утрени на конец литургии. Спасибо: многие остались...

вечером, вместо того, чтобы пойти в храм Божий, спешат в театр, на вечера, балы, где предаются танцам, картежной игре, пустословию и нередко тому же пьянству, как и простой народ, только прикрытому приличиями... А простой народ – на гульбищах, на базарах, около винных лавок и – да не возглаголют уста мои грешных дел человеческих, что творят в великие и святые дни праздничные, особенно же в дни Святой Пасхи!.. И томится болью сердце добраго пастыря, и молится он: Господи, не постави им греха сего! И желает он только бы скорее миновали эти дни...

И вспоминается завет великаго Апостола Христова Павла христианам: “Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто? Итак, очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом... ибо Пасха наша Христос заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины”! (1 Кор. 5, 6–8).

№ 12

Сердце очерствело...

“Сердце наше окаменело”, – пишет мне один из простецов-читателей, душа стала, как воск на морозе, а царь Давид говорит, что воск тает от лица огня. Та к и душа наша нуждается в солнце, чтобы согреться и смягчиться. Но лучи солнца мало проникают сквозь мрак житейской суеты... Вот наступает праздников праздник – Светлое Воскресение Христово; какая радость для христианина, какое торжество, как душа волнуется!.. Мне уже 60 лет от роду; значит, я встречаю сознательно этот праздник, по крайней мере, в 50-й раз, и все одно и то же, – та же радость, то же душевное волнение, как и 50 лет назад! С нетерпением ждешь удара в колокол к светлой заутрени, с трепетом сердечным идешь в Божий храм, а при пении радостного *Христос воскрес* – от умиления слезы текут... А потом что? Иду домой, христосуюсь с домочадцами, и все садимся за стол, уставленный яствами и питьями со спокойной совестью... А там, где-то далеко от нас, слышится жалобный голос: “Мама! мне холодно!.. Мама! я есть хочу!” А эта несчастная мама в нетопленной хате крепко прижимает к себе своих малюток, как птица птенчиков, чтобы согреть их, и слышит она торжественный звон, и заливается для праздника горячими слезами... А детки опять свое: “Мама, я есть хочу, мне холодно!”... – “Да обождите родные мои! Вот Бог пошлет”...

А мы с спокойной совестью разговляемся, мы не слышим этих горьких жалоб вдов и сироток, и мы смеем называть себя христианами!.. Св. Евангелие всегда пред нами; раскроем его и прочтем, – вот что говорит Христос грешникам: “ алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и вы не приняли Меня; был наг, и не одели Меня, болен и в темнице, и не посетили Меня... Идите же от Меня, проклятые, во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его!” (Мф. 25, 41–43)... О, как страшно! Та к ли ты поступаешь, душа моя? Та к ли, как велит Христос? О, как хотелось бы, хотя в этот великий торжественный праздник, обогреть и накормить этих несчастных сироток, согреть их теплым отеческим словом, – какую радость мы принесли бы этим вдовицам, этим сироткам, в этот великий и пресветлый день Христов! А какая радость была бы для нас самих, для нашей души: мы сказали бы: “Слава Богу! Хотя раз в году мы исполнили завет Христа!”

С удовольствием я делаю выписки из этого письма и радуюсь, что есть еще добрыя христианские души, которые не совсем забыли заветы Христовы, что еще тоскуют сердцем по этим заветам. Далее в письме автор скорбит, что он одинок, что один он не в силах этого сделать – на это у него средств нет... Не скорби, добрая православная душа! Не можешь ты сделать многого – сделай хотя немногое; не можешь согреть и напитать всех сироток, которых видишь, – пригрей и накорми хоть одного из них, приласкай и добрым словом утешь остальных: это-то ты уж, конечно, можешь, а Бог, видя твое доброе произволение, пошлет тебе невидимо средства и на других сироток... Ведь не мы делаем добро, а Бог в нас и чрез нас творит его, – мы же только орудие Его жизнедеятельности на земле... Христос ищет среди людей, среди верных Его заветам душ, таких, у коих сердце открыто для добра, и творит чрез них это добро, и делает их счастливыми, живыми членами Своего таинственного тела – Церкви Православной... Не знают этого счастья сыны мира, служащие богу века сего – мамоне; не знают еретики, высоко о себе думающие: это счастье доступно только смиренным душам, внимающим слову Христову: *егда твориши милостыню, да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя* (Мф. 5, 3). И когда же мирянину творить такое животворящее для души добро, как не в праздники Господни, как не в светлые дни Христова Воскресения? Ведь то, что мы делаем ближнему, мы делаем Самому Господу нашему, слышите, что Он говорит: аминь, глаголю вам: *елика сотвористе единому братий Моих меньших – Мне сотвористе!* (Мф. 25, 40).

Я говорю мирянину... А мы, пастыри, мы что должны делать в святые дни?... О, конечно, по мере наших сил, идти впереди своих пасомых в доброделании, ибо сказано: *овцы по Нем идут* (Ин. 10, 6); мы должны первые подавать пример любви христианской во имя Воскресшего Христа. А затем – слышите: русская душа жалуется, что ей холодно? Та к согреем ее благодатью Христовой! О, как преизобильно веет эта божественная благодать, всегда немощных врачующая и оскудевающих восполняющая в нашей Церкви Православной! Одно уже богослужение, разумно, благоговейно, истово совершаемое, как согревает верующее сердце! И особенно богослужение праздничное: какая дивная поэзия в песнопениях, какая красота, выразительность, осмысленность в обрядах! Привлеките к участию в богослужении молящийся народ, введите постепенно общее церковное пение: пусть дети поют и читают в церкви, а вы не опускайте ни одного богослужения без живого слова проповеди, хотя краткого, но сердечного, и – верьте: тогда никто не пойдет на эти скучнейшие собрания еретиков – пашковцев, штундистов, баптистов, имже ныне несть числа. Чтобы приучить народ к общему пению, ныне издано много сборников молитв и песнопений, ценою в несколько копеек: каждый может себе приобрести такую книжку и по ней петь то, что положено и чего не знает он наизусть. Затем, кроме богослужения, открывайте внебогослужебные собеседования и в храме, и в школах, и по деревням. И здесь учите народ пению: он так любит петь церковные песнопения. И научить этому не особенно трудно: ведь если он запомнит восемь напевов гласов, то уже может и петь стихиры, остальное еще легче усвоить. На собеседованиях облакайте истину Христову в образы, приводите больше примеров из жизни святых Божиих, как они прилагали к жизни учение Христово, а чтобы не сказал кто: то были святые, а нам, грешным, где же им подражать? – берите примеры и из современной жизни... Кто хочет исполнить свой долг по совести, кто любит сердцем своих пасомых, тот постоянно слышит в своем сердце голос Христа Спасителя: *жатва убо многа, делателей же мало*... И жаждущих слова Божия много, ах, как много! Ведь почему-нибудь да идут к еретикам, на их собрания: что их влечет туда? Простое ли только любопытство? Нет, там они надеются пить воду живую, но вместо того – пьют яд вражды против матери-Церкви... “Отчего у нас понятия помутились, – пишет мне тот же простец, – отчего мы не можем отличить черное от белого? Да оттого, что нас не учат, с нами не беседуют по-отечески, оттого, что мы не чувствуем той теплоты в наших пастырях, какой просит наша душа... Если бы наши пастыри пошли в деревню на беседы, посмотрите, как повалил бы к ним народ послушать святой той проповеди, пришли бы и мужчины, и женщины, и дети: какая радость была бы для пастыря, да и для простых людей! Они долго помнили бы и проповедь, и проповедника. А у нас появились волки хищные в овечьей шкуре, именуемые баптисты, и увлекают из стада Христова добрых овечек. Везде, где они появляются, народ валом валит послушать проповедника-баптиста о слове Божиим. Простой человек рад хоть безбожника послушать, только бы говорил он о слове Божиим. А у нас нет бесед у наших пастырей, нет света, нет тепла, и остыли наши души, и перестают православные в церковь ходить... Дайте же нам света, дайте нам тепла, согрейте нас отеческой любовью!”...

Вот голос православной народной души. Ужели мы не услышим его? Страшно Богу ответим, если притворимся, будто не слышим его. Его нельзя не слышать. Алчущий и жаждущий народ – смотрите – идет к тем, кто дает ему камень вместо хлеба, змию вместо рыбы: кто ответит Богу за это, братья-сопастыри стада Христова?!

№ 13

Мой отклик на голос из земли забвенной

Сегодня читатели найдут в “Троицком Слове” письмо миссионера “Из земли забвенной” – из далекой Камчатки. Молодой проповедник Православной веры Христовой прибыл оттуда нарочито в Петербург, чтобы поведать духовные нужды инородцев, обитающих в этом холодном, пустынном крае, знакомил жителей Петербурга с бытом и нравами этих детей природы, призывал православных к образованию общества или братства, чтобы вносить свет Христов в этот, действительно, забытый в духовном отношении край, где на расстоянии 943 000 квадр. верст нет ни одной православной церкви, где тунгусы, принявшие св. крещение, видят священника один раз в 20 лет... Отец Нестор рассказывал, как ему приходится объезжать за сотни и тысячи верст отстоящая одна от другой юрты туземцев: ехать нужно на собаках, в страшную стужу, в вечной тьме, прорезываемой только иногда северными сияниями. Слушая его рассказы, невольно начинаешь стыдиться за тех, кои именуют себя православными, но своим поведением, своею деятельностью блазнят только младенчеству инородцев, которые с недоумением спрашивают: “А где же Светлый Бог вон у тех...” Жаль, что о. миссионер не написал тех подробностей, которые он передавал в устной беседе: о том, как живут эти дети природы, как устроены их юрты, как он пробирается в эти юрты, спускаясь через дымовое отверстие сверху, верхом по закопченному бревну, пачкаясь сажею, задыхаясь, без привычки, от дыма, разъедающего до боли глаза, переполняющего нос и рот, как нуждаются эти дикари в помощи медицинской. На всю Камчатку есть всего лишь один врач, да и тот никогда не ездит по инородцам. Сестры милосердия несут самоотверженный труд, но их всего на Камчатке – три. И вот в этой юрте, пропитанной запахом гноя, миссионера окружают больные, голодные люди, среди них много с отгнивающими частями тела, безногих, безруких, с искаженными и выгнившими лицами, всякого возраста, от младенца до старика. Вот ползет десятилетний мальчик, покрытый страшными гнойными язвами, и безсвязным глухим стоном просит о помощи и облегчении. Вот его несчастная мать, страдавшая за него, старается облегчить страдания своего любимца-сына, но как? Она вырезает его гнойные наросты рабочим тупым, иногда грязным, ножом, вытирает эти раны сухой травой и, конечно, засоряет их еще более... Вот отец с отгнившими ногами, с болезненным стоном ползет по земле, разлагаясь дальше, а мать и дочь, лет семи малютка, обе скорчены и ходят, опершись руками на землю, с опущенной всегда вниз головою...⁷ Сердце содрогается, когда слышишь это из уст того, кто, лицом к лицу, сердцем пережил все это как свидетель неложный, как служитель Христа, душу свою отдавший этим страдальцам, а когда он же поведает, что эти дети природы встречают каждого, носящего духовную одежду неизъяснимо-трогательным приветствием: “Христос воскрес!” – как будто напоминая тем, что во имя Воскресшего Спасителя мира они ожидают от нас помощи как духовной, так и телесной, – трудно удержать слезы сострадания, и я видел эти слезы на глазах даже мужчин, которые слушали о. Нестора... И слава Богу, дело, зачем он приезжал в столицу, налаживается: братство уже представило в Святейший Синод свой устав, более ста лиц из высшего круга откликнулось на его призыв и записалось в учредители. Сам Благочестивейший Государь изволил принять молодого труженика на невозделанной ниве Евангелия, и отнесся к царским благоволением к его святому делу.

Да, дело святое, дело великое, дело, Богом порученное нашей Руси Православной... Но что творится с нашею Русью? Сама-то она не пошла ли из христианства обратно к язычеству? Не обратились ли многие из ея сынов уже в настоящих язычников, кроме, может быть, только

⁷ См. “Новое Время”, № 12, 248.

наименования? Русские люди будто опьянели от разных “свобод”, поняли эти свободы как “непротивление злу”, разрушают все преграды, охраняющие границы между добром и злом, стремятся проводить это “непротивление” в самые законы: где уж тут говорить об обращении инородцев из язычества?! Я очень боюсь, что и о. Нестор, в простоте души поверивший Петербургу, может легко обмануться: уедет он, полный надежд, к своим детски его полюбившим камчадалам, а в Питере его дело пойдет по канцеляриям, – те, которые с увлечением слушали его одушевленное слово, остынут в своем усердии и, – чего не дай, Боже! – позабудут его... А он будет повествовать своим пасомым о той братской к ним любви, какую питают русские православные люди в Питере, и они будут плакать от радости и ждать... Будет ждать и о. Нестор, будет напоминать о себе, но трудно воздействовать на Питер за 10 000 верст. А тамосушие, в Камчатке живущие “русские православные”, что “камлают за картами и шаманят за вином”, что безсовестно грабят наивных детей природы, будут подсмеиваться над их простотою и доверчивостью... И горько будет бедному, одинокому труженику в далекой холодной Камчатке, и надломится его силы, и заболит он от непосильного труда... О, если бы я ошибся в этих предположениях! Если бы скорее образовалось братство, если бы пошли к о. Нестору добрые сотрудники-иноки, способные на великий подвиг!.. Ведь подумать только: эти инородцы, простые сердцем, как дети, тянутся к нам с такою доверчивостью, с такою надеждою, что, воистину, жаль их и грешно отвергнуть; они ищут у нас тепла и света: Богу ответим, если не дадим им этих духовных благ! Они готовы сродниться с нами духом, стать русскими людьми: ужели мы отвергнем их и согрешим пред родною историей, пред родным народом? И много ли для сего нужно, если говорить о средствах материальных? По одной копейке с православной души!.. И ужели нет среди нас, среди ста миллионов православных, людей, подобных о. Нестору, которые беззаветно отдали бы себя на святое дело апостольского служения в Камчатке?

Правда, мы живем в каком-то мраке безпросветном. Рушатся наши заветные идеалы, оскверняются святыни, гаснет вера в сердцах, оскудевает дух монашества. Казалось бы: в такое ли время говорить о подвигах апостольства?

Отвечаю: да, именно *теперь* и надо напомнить нам заветы предков наших во всей их чистоте и высоте; именно теперь и должно вызвать из среды нас людей, еще способных к подвигу... Одно их появление уже пробудит нашу совесть, заставит нас задуматься над тем, что мы делаем, куда мы идем. Яркий луч солнца, падающий на глаза спящих, пробуждает их от сна. Светлый порыв души на подвиг во имя Божие, готовность на самоотречение во имя любви к ближнему – уже сильны разбудить нашу спящую совесть. Ведь вот одно появление о. Нестора в этом бездушном, казалось, Петербурге пробудило совесть еще не потерявших веру во Христа: хотя сто человек на полуторамилионное население столицы – капля в море, но ведь по слову Апостола Павла, “мал квас все смешение квасит”, и царство небесное, по слову Христову, подобно закваске, которая поднимает все тесто... Ужели же на Руси не найдется еще, хотя бы двух-трех ревнителей веры, которые пошли бы в Камчатку на подвиг апостольский? Ужели то движение, которое проявило себя в Петербурге, не отзовется в других городах? Да ведь оно, это движение, *нужно для нас самих*, для собственного *нашего* спасения, как душевного, так и государственного... Оттого мы и гибнем, что омертвели духовно, не проявляем жизни в христианской деятельности, находимся в духовном параличе. Сделаем усилие, заставим себя пойти навстречу Христу: смотрите, в лице сих братий наших меньших Он простирал к нам руку Свою, руку, не только просящую у нас для сих братий помощи, но и всемогущую, нам же помогающую, нас же укрепляющую... Ведь, Господь и без нас может найти для сих инородцев просветителей и учителей веры, но Он хочет, чтобы *мы* исполнили сию святую миссию, чтобы нам досталось счастье быть их просветителями, чтобы мы были орудием Его благостного промысления о сих, сидящих во тьме и сени смертной сынах Адамовых. И они чувствуют простым детским своим сердцем все это, они простирают к нам свои умоляющие

взоры, они с улыбкой детской радости встречают служителей Христовых радостным приветом – *Христос воскрес!* Ужели же мы отвергнем их? Ужели, в лице их, мы отвергнем Того, Кто сказал: *понеже сотвористе единому сих братии Моих меньших, – Мне сотвористе?* (Мф. 25, 40).

Нет! Этого не будет. Русь еще не отрелась от Христа. Она проснется, она стряхнет с себя эти, врагами веры и народа наваянные кошмары, она понесет свет Христов не только в свою русскую Камчатку, но и в Китай, и Японию, и в Индию, и всюду, где еще не проповедано святое Православие, где еще не светит свет Христов, просветити весь мир имеющий. Если святое Православие наше есть чистая истина Христова учения, то мы должны просвещать сим светом не только язычников, но и неправославных христиан. Западные христиане в последнее время шлют к нам, будто к язычникам, своих проповедников, разных баптистов, штундистов, не говоря уже о римо-католиках. Бедные! В своем самодовольстве они и не подозревают, что чистое Христово учение – у нас, что не им нас, а нам бы следовало просвещать их... Увы, мы не ценим, не знаем сокровища, какое вверил нам Бог, а кто знает его цену, тот не находит слов, как благодарить Господа за него.

Проснись же, родная наша матушка Русь! Сбрось с себя все чужое, наносное, вспомни заветы предков и то, к чему зовет тебя Господь! Слышишь: даже язычники камчадалы взывают к тебе: *Христос воскрес!*..

Кому Бог внушит добрую мысль помочь о. Нестору посильною лептою, тот может послать деньги прямо во Владивосток, на имя Высокопреосвященнаго Евсевия, Архиепископа Владивостокская и Камчатская, для миссионера иеромонаха Нестора. Не отказывается и наша редакция, и я лично, передавать сии лепты. Об открытии Общества или братства будет нами сообщено в свое время.

Дневник сей был уже написан, когда получен № 12,248 “Новаго Времени”, в коем сообщается, что Святейший Синод утвердил устав братства, о коем ходатайствовал отец Нестор.

Слава Богу: шаг вперед...

№ 14

“Хор душ” и Церковь

Слава Богу: сознание, что нельзя жить жизнью, оторванную от жизни наших предков, начинает проникать в среду таких искренних публицистов, как г. Меньшиков, который в последние годы желает идти впереди других по пути раскрытия нашего национального самосознания. Правда, о православии, как первой основе русского национального духа он еще говорит как-то робко, мимоходом, но и за то уже спасибо. Бог даст, если он не устыдится быть до конца искренним и глубже вдумается в суть дела, то и о православной вере нашей он заговорит с тем же горящим чувством любви, как говорит теперь о “национализме”, проще говоря: о народности, о тех свойствах русской души, которые отличают русского человека от всякого инородца. Ведь то, что говорит он о “жизни рода”, мы постоянно повторяем в отношении жизни Церкви. Церковь есть живой организм, есть тело Христово, коего членами пребывают не те только, кто живет теперь на земле, а все от века отшедшие к Богу отцы и братия наши, матери и сестры, начиная с первозданных прародителей наших и кончая тем христианином, который примет святое крещение, сочетается с распятым Господом, пред Его вторым пришествием на землю. Господь Сам говорит о Себе: “Я – лоза, а вы – ветви”. Отломится ветка от лозы и замирает: так – только в живом общении с Господом, с Его телом – Церковью, возможна духовная жизнь. А поелику наши предки “жили в Церкви”, Церковь была стихией их жизни, то быть в общении с ними и жить в Церкви значит одно и то же. Я говорю о жизни духа, но то же применимо и к жизни народной души, к народной психологии, народному мирозерцанию. Как жаль, что такие талантливые писатели, как г. Меньшиков, сами-то живут вне Церкви и только издали своим сердцем угадывают истину. Оттого она у них и высказывается как-то туманно, общими местами: читая их, чувствуешь, что человек ощупью подходит к ней! Оттого и суждения их иногда отзываются каким-то не то пантеизмом, не то еще какою-то туманной философией. Но важно уже и то, что они, благодаря своей искренности, подходят к церковному мировоззрению в самом важном вопросе жизни: “человек, говорит г. Меньшиков, лишает себя жизни личной, когда выходит из источника ее – жизни рода”. Подставьте здесь слово “род” словом “Церковь”, и получится тот закон, коим живет в Церкви все верующее во Христа человечество. “Всякое сколько-нибудь резкое отклонение от жизни рода составляет уродство и болезнь”. Опять замените слово “род” словом “Церковь”, и православный богослов охотно подпишется под этими словами. Ведь всякая ересь, всякое сектантское мудрование есть именно уродство и болезнь. “С индивидуальной точки зрения, говорит г. Меньшиков, родовая (по-нашему: церковная) жизнь есть жизнь вечная: она была до нас; мы умрем, а она потечет дальше, в потомстве нашем”. Тут автор, очевидно, говорит, как человек чуждый жизни Церкви и по ту сторону гроба, и будем жить вечно не церковною только, но и личною жизнью и по ту сторону гроба, и вот в этом-то и есть то счастье, о коем автор говорит тут же: “только тогда человек и счастлив, только тогда и чувствует в себе полноту жизни, когда он живет жизнью вечной, жизнью всех своих предков”. Ведь если нет вечной жизни личной, то для меня мало “счастья” в том, что и после меня “жизнь потечет дальше”. Ведь, “полнота жизни и счастья” именно в том, чтобы, как я лично, так и все мои близкие, и весь народ, мне родной, и все верующее человечество жило вечно и было счастливо, а это возможно только для того, кто верует во Христа, и возможно только в Церкви. И к этому счастью “отдельный человек”, действительно, “движется совокупной силой всего общества”, т. е. всей Церкви; при таком движении, действительно, “нельзя упасть и нельзя отстать: откуда-то берутся силы...” Только все это не в той туманной области вечного бытия “рода”, о коей говорит г. Меньшиков, а в самой реальной области церковной жизни.

Свою статью г. Меньшиков пишет по поводу той невидимой заразы, которая губит теперь столько жизней – по поводу самоубийств среди молодежи. Он видит причину этого ужасного явления в “том моральном опустошении, которое вносит в мир дезорганизация общества, разобщение людей”. “Старое общество, говорит он, носило это имя (имя “общества”) потому, что толпа людей, действительно, была проникнута общими началами, общей верой, общим разумом, общим одушевлением. Теперешнее же население утратило эту общность – не вполне, конечно, но в значительной степени. Оно перестало быть живой гармонией, хором душ, т. е. перестало быть обществом. Отцы и матери еще веруют в Бога, хотя и охлажденным сердцем, – но сами самоубийцы едва ли имеют эту веру – по крайней мере, в движущем, поднимающем дух состоянии. Искренняя вера есть ведь искренняя надежда, самоубийцы же, очевидно, те несчастные, что потеряли всякую надежду”. Та к говорит г. Меньшиков. Чувствуете ли, как почтенный публицист близко подходит к решению вопроса? “Моральное опустошение” – разве это не то, что мы называем духовным одичанием, утратой христианских идеалов? “Утрата общности...” да не есть ли это, по-нашему, оторванность, отчуждение от Церкви, духовное одиночество, весь ужас удаления души от Бога? “Живая гармония, хор душ” – в наилучшем смысле не есть ли это то, что мы называем жизнью в Церкви, в общении с Христом и всеми во Христа верующими? – “Мне известные самоубийцы, пишет г. Меньшиков, все принадлежали к современной русской интеллигенции, охваченной со всех сторон растлевающим еврейско-масонским нигилизмом. Суть нигилизма состоит в отрицании вечной жизни, в презрении к жизни рода, в постановке индивидуального “я” выше всего”. Верно, но потрудитесь подставить вместо слова “род” опять все то же слово “Церковь”, и будет то, что мы, служители Церкви, твердим изо дня в день. “И на верхах, и в низах идет крушение человеческого общества; исчезает общая сила, поддерживающая отдельную слабость”. Да, идет крушение церковных идеалов; люди бегут от Церкви, не хотят слышать о ней и, действительно, исчезает общая сила – любовь, поддерживающая отдельную слабость. “Самоубийства неизбежно должны расти они будут расти, и, может быть, в степени ужасающей и невероятной для нас”, пророчествует г. Меньшиков. Он горячо призывает беречь юношей и девиц от грозящей им опасности. “Помогите им, взывает он, опять войти в родовой поток, придвиньте их к единодушию с предками, верните, хоть немного, к древней вере в жизнь...” Красивые фразы, Михаил Осипович, – хочется крикнуть ему, – но скажите, положи руку на сердце: вы-то сами знаете секрет, как выполнить ваш же собственный совет? Та к научите же! А мы уверены, что сами вы ничего не придумаете для выполнения вашего совета, кроме все тех же громких, красивых, но – увы! – пустых фраз. Если хотите – оне и не пустыя, но вы не видите, по крайней мере, вы не указываете той силы, которая повлекла бы властно в этот “родовой поток”, придвинула бы нашу несчастную, зараженную духом глупейшей гордыни молодежь к “единодушию с предками”, отогнала бы от нея того беса-опустошителя, который, по вашим же словам, вошел в их душу и отколол ее от вечной жизни... А эта сила есть: она в Церкви, в вере православной, в благодати Христовой, которую столь обильно располагает Церковь. К несчастью, в нашей интеллигенции есть непреодолимое препятствие к тому, чтобы использовать эту силу: наш интеллигент смотрит на Церковь глазами западного полуинтеллигента, в Православии видит какое-то жалкое подобие римского католицизма, в духовенстве – невежественных фанатиков и корыстолюбцев, по подобию иезуитов, и, с высоты какого-то величия просвещенного человека, судит о том, чего не знает и знать не хочет... Следы такого отношения к Церкви и нашему духовенству мы могли бы указать в статьях того же г. Меньшикова, но думаем, что он отдает в этом дань веку сему лукавому бессознательно, а потому и винить его в этом не следует строго... Если он будет искренен в своих дальнейших исследованиях духовной жизни народа Русского, если будет мужественно высказывать плоды своих честных исследований, не боясь того, что скажут о нем иудействующие органы печати, то Бог даст, он и сам познает свои ошибки и сознается в них.

№ 15

Дети и Церковь

Утро. Прохожу мимо собора, где почивают мощи одного из великих тружеников для родной земли – благоверного Князя Александра Невского. Мимо меня, обгоняя друг друга, бегут школьники с сумками за плечами. Они заходят в собор, быстро подходят к художественной раке угодника Божия, делают поклоны и прикладываются.

У них – экзамен сегодня. Они просят благодатной помощи у небесного покровителя.

Смотрю на них и думаю: что влечет детские сердца в трудную минуту их детской жизни? Конечно, вера, чистая, простая вера, которою веруют только дети да детски Богу преданные души таких праведников, как преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский. О, если бы эта вера сохранилась в них навсегда! Если бы не гасла никогда!

Вспоминаю свое детство. С первых дней сознательной жизни, как только я себя запомню, я вижу себя на руках родителя, который носил меня чрез сугробы снежные в Божий храм; я любил ходить туда не только в праздник, но и в будни, не только на службу Божию, но и в то время, когда мой родитель – дьячок топил церковные печи. Со стен церковных смотрели на меня лики угодников Божиих, лики серьезные, благоговейные, с молитвенным выражением. В воздухе ощущался запах ладана и воска. Казалось, что в этой священной тишине незримо, но сердцу ощутимо, носились Ангелы Божии. Таинственная завеса в царских дверях, святая плащаница за клиросом, старья, потемневшая хоругви, ряды икон, уходящие к сводам храма, в иконостасе – все говорило детскому сердцу: это – не простое место, это – дом Божий...

Я не говорю об участии в Богослужении прислуживанием в алтаре, пением и чтением на клиросе: скажу только, что помню себя на руках родителя с Часословом в руках; помню, как, получив эту священную книгу в первый раз, я целовал ее, детски радуясь ей “красной прописи”, киноварью напечатанным строкам. Помню, что под влиянием этой радости, тут же дал обещание – стать на клирос с отцом, а затем и – прочитать шестопсалмие. Шестилетним мальчиком я уже сделал попытку к сему – увы! – на первый раз неудавшуюся: тоненьким голосом прочитал я 5–6 строк и смутился, струсил, заплакал... А старичок-батюшка из алтаря уже возглашает отцу моему: “читай сам!...” Но чрез неделю я уже победил себя и ликовал детским сердцем: я прочитал все шестопсалмие!..

Простите мне, дорогие читатели, это уклонение в сторону личных воспоминаний детства: ведь это маленькая иллюстрация к истории нашего духовного воспитания в недрах Церкви родной. Ведь вот этою любовью к храму, к службе Божией и объясняется та устойчивость церковных воззрений, кою живет наше духовное сословие. Нас тянула в храм Божий неведомая, но сердцу ощутимая сила. Вот я уже в Заиконоспасском духовном училище. Раннее утро жаркаго летняго дня (экзамены кончались тогда в половине июля). Мы, дети, поднялись рано, чтобы до экзамена успеть и соборы обойти, и слабо подготовленное подчитать, и кусок черного хлеба съесть (о чае мы тогда понятия еще не имели). И вот, группами выходим из низких ворот с училищнаго двора, направляемся в Казанский собор, прикладываемся к чудотворным иконам Казанской и Млекопитательницы, идем к Иверской, оттуда в Успенский собор, чтобы поклониться мощам святителей всероссийских, ризе Господней и Владимирской иконе Владычицы. Вот и Архангельский собор, а в нем – мощи царственного младенца Димитрия, который – это мы слышали – и теперь держит в ручке своей те орешки, коими играл он в момент нападения на него убийц... О, малютка-мученик, – мы крепко верим, – поможет нам, детям, на экзамене! А вот и Чудов монастырь, с его серебряным иконостасом и нетленными мощами великаго печальника Святой Руси, друга Преподобнаго Сергия, Святителя Алексия. Ему непременно нужно положить, по нашим детским понятиям, три земных поклона. Из Чудова – чрез святя Спасския ворота, непременно, с обнаженными головами, – мы идем в тот Покровский

Василия Блаженного собор, который своею оригинальною архитектурою останавливает на себе внимание не только всякаго русскаго человека, но и всех иностранцев. Здесь, поклонившись св. мощам блаженных Василия и Иоанна, мы непременно выпьем глоточка три (конечно, кто натошак) св. водицы... Та к готовились мы к экзаменам. Та к по-детски льнули мы к Церкви-матери. И не мы одни: мы видели и гимназистов, и семинаристов, и других учащихся, паломничающих ко святыням в дни экзаменов. Обходили святыни, запасались духовными силами, укрепляли в себе веру...

То ли теперь?!

Еще недавно, еще десять лет назад было нечто подобное. Жил я около 30 лет в Лавре Преподобнаго Сергия. В последние годы моего там пребывания моим послушанием было, между прочим, руководить учащихся юных паломников. Отраднo было видеть школьную детвору, утомленную непривычным пешим хождением, но бодрoю духом при виде заветных святынь. И невольнo вспоминалось мне свое первое путешествие в эту самую обитель с моими родителями, в 1863 или 1864 году. Я скопил тогда три-четыре рубля на дорогу, отказавшись от чая и откладывая кусочки сахара и продавая их, чтобы помочь родителям для этого путешествия. Когда настало благоприятное время, я стал просить отца и мать, чтобы отправиться в столь желанное странствование, когда я услышал: “знаем, сынок, что это дело доброе, да как же быть-то: ведь, денег нет!” – я с торжеством выложил тогда пред ними свой “сахарный” капитал, и – о, радость! – я обезоружил их! На утро мы были уже в пути, 60 верст сделано в полтора суток. Вот пред нами открылась и святая Лавра во всей ея красе. Вот поле, которое, по незнанию истории, конечно, родители мне называли “Мамаевым”. И в моем воображении уже пронеслась картина исторической битвы, о коей уже читал в житии угодника Божия. Вот собор – то покоище Сергиево, где почивает он в благоухании святыни. Что пережило тогда детское сердце – не перескажешь. Но потому-то я и понимал этих юных паломников, что когда-то сам пережил, что они, казалось мне, сердцем переживали на моих глазах. В течение одного лета 1903 года я насчитал учащихся паломников до 5000. Тут были не одни дети: много было и юношей и девиц, студентов и курсисток и – в то время, семь, только семь лет назад – они приходили ко гробу Сергиеву, чтобы у этого источника животворящаго, русскую душу напояющаго, зачерпнуть благодатной силы, какую крепка была доселе наша Святая Русь.

То ли теперь?! Какой-то буран пронесся над нашею родиной. Он ослепил глаза, закружил головы, свел многих с ума. На наших глазах произошло крушение духовных основ нашего исторического бытия. Будто сатана вышел из глубин преисподних и, Божьим попусшением, пустил струю смертоносных веяний по Русской земле. Разгонит ли Господь духом уст Своих эти сатанинския веяния? Отрезвятся ли Русские люди от этого губительнаго угара? Спасется ли Русь?..

Ответ на этот вопрос всецело зависит от нас. Дети чутким, чистым сердцем уже предрешают его. Они самым делом уже показывают, что если и обломались ветви от этого адскаго бурана, то корни древа целы: они сильны пустить новые ростки, сильны дать новыя крепкия ветви... Только бы поддержать эти ростки, дать укрепиться ветвям... Только бы сберечь эти светлые, чистые порывы юных душ от тех миазмов, которыми еще пропитана окружающая нас духовная атмосфера.

Дай-то, Господи!

№ 16

Ходатайство любви

Плачет – не горькими слезами обиды, а сладкими слезами любви – мать городов русских, славный град Киев; ликует, торжествуя, смиренный град Полоцк: святая благоверная княгиня инокиня Евфросиния, несколько столетий почивавшая своими святыми мощами в пещерах Киевских на обратном пути из святого града Иерусалима, ныне грядет, изволением Божиим, в свой родной град Полоцк... Десятки и сотни тысяч православного народа склоняют колена по берегам седаго Днепра, несущаго священные останки на своих волнах; всколыхнулось русское море народное, загорелись русския сердца. Невольно вспоминается то, что творилось семь лет тому назад в Сарове, с тою лишь разницей, что там море народное сосредоточивалось около святой обители преподобнаго Серафима, а тут оно переливается из области в область, на пространстве нескольких сот верст. По рассказам участников торжества, описывающих свои впечатления, чувствуется, что святая угодница Божия незримо шествует со своими мощами, всех благословляя, на всех с любовью призирая... Вот так же чувствовалось и в те незабвенные дни, когда преподобный Серафим как будто ходил между нами, всех утешая, всех исцеляя и благословляя.

Уляжется море в свои берега. Разойдутся русские люди по своим местам. Принесут они в свои дома трогательные рассказы о том, что видели и слышали. Не раз, не два, а сотни раз повторять будут они эти сказания своим детям и внукам. Имя угодницы Божией будет обноситься по лицу родной земли, яко благоухание святыни. “Миро изливанное – имя Твое”, изрек некогда мудрый Соломон в “Песни песней”, от лица невесты – Церкви ея таинственному Жениху Христу. Миро изливанное – имена угодников Божиих в Церкви нашей православной! Как счастливы мы, православные, что всегда можем быть с ними в непосредственном благодатном общении чрез молитвы Церкви! Как сиротливо должны чувствовать себя те христиане, которые в гордости своей отвергают почитание святых и молитвенное общение с ними! Церковь Божия – небесная и земная – есть единая Божия семья: наши братья и сестры во Христе, скончавшие свое земное поприще, отошли ко Господу – в Церковь, торжествующую на небеси. Перестали ли они любить нас? Ужели забыли своих братьев, оставленных ими во юдоли плача и слез? Но любовь не умирает, – по слову Апостола – николиже отпадает. Любовь вечна, ибо Сам Бог есть любовь. И нам кто запретит любить их, входить с ними в общение посредством молитвы, поведать им наши скорби, наши печали и заботы? Ужели Бог, Который есть весь благодать, весь любовь, положит сему препятствие? Ужели един Ходатай Бога и человеков, Человек Иисус Христос, давший Себе избавление за всех, – скажем языком человеческим – возревнует к любимцам Своим, Его же кровию искупленным, и не примет их молитв за нас, грешных, только по тому юридическому основанию, что Он есть *один ходатай* и не должно быть других, как учат лютеране, не понимающие смысла *ходатайства любви*? Иное ведь ходатайство *Его*, яко Искупителя мира, иное же – ходатайство святых, как изливание их любви к нам, на земли сущим. Ужели добрый отец отринет просьбу любимого сына за другого повинившагося сына, и скажет ему: не твое дело! Не наоборот ли! Не будет ли ему приятно, что брат любит брата и из любви к нему ходатайствует за него пред отцом? И не приятнее ли будет самому отцу оказать милость провинившемуся именно чрез того, кто не провинился, дабы доставить и сему радость? Перенесите сии человеческия отношения в область любви Божественной, и вам станет понятно, что сама безконечная любовь Божия, возжигающая в сердцах человеческих искры любви, законами сей любви как бы требует ходатайства святых за нас, грешных. Для братий наших, к Богу отшедших и престолу Его предстоящих, было бы не полно самое блаженство, если бы любовь Божия отвергла молитву их любви. И любовь Божия, внимая их молитвам, исполняя их прошения, их ходатайство за нас, тем самым восполняет их блаженство. Дивны

пути любви Божией в спасении людей! Любовь Божия, воплотившись, распялась за нас на кресте, она же и соделывает наше спасение, возжигая искры свои в сердцах святых, возбуждая их к молитве, приемля их молитвы и исполняя их прошения... Все в любви и любовию, все – во имя любви! Нет места никакому правовому началу – тому началу, которое служит основанием латинского учения о спасении и от которого не могло отрешиться протестанство.

И так мы со всех сторон объемлемся, так сказать, любовию. Мы и сами должны дышать ею, жить для нея, соделывать свое сердце жилищем любви. О, если бы мы это сознавали, сею мыслию проникались, сим правилом жили! Увы, все это от нас отлетает, удаляется: мы все больше и больше проникаемся правовым началом в общественной и государственной жизни, все дальше и дальше уходим от нравственного начала – начала любви! Но об этом – поговорим после.

Теперь же, обращаясь к великому событию – перенесению св. мощей преподобной Евфросинии, не могу не высказать и того скорбного наблюдения, что подобныя события у нас как-то скоро бледнеют в общецерковном и народном сознании: светлое воспоминание о них, доставляя отраду душе того, кто их пережил, не оставляет глубокого следа в духовной жизни общественной и государственной. Вспомним то, что пережила Россия во дни открытия св. мощей преподобного Серафима. Будто само небо отверзлось тогда над Русью святой и – казалось – эта Русь не способна изменить своей вере, своим упованиям. Но прошел год, и что стало с нею? Правда, чудеса Божии видел простой народ, – интеллигенция, созидающая теперь историю нашу, не хотела видеть их, полуинтеллигенция издевалась над ними; но ведь если бы темные массы народные целым сердцем восприняли знамения, свыше тогда совершившиеся, то не было бы и этих смут, этих пожаров, этих ужасов, ими пережитых тогда... Нельзя скрывать от себя, что мы остаемся глухи к тем урокам, какие даются нам такими событиями. Ведь в них слышится голос свыше, призывающий нас к жизни по заповедям Божиим, мы видим в них только знамения силы Божией... Правда, умиляемся сердцем, радуемся, как дети, но не поучаемся ими, не заботимся о том, чтобы быть достойными их. И знамение Божие становится для нас предметом любопытства, может быть, и благочестиваго, но все же только любопытства, а не истинным знамением – вразумлением, поучением к духовному обновлению. И невольно вспоминается то, что сказал некогда Господь иудеям: *ищите Мене не яко видите знамение, но яко ели есте хлебы и насытитесь* (Ин. 6, 26). Иудеи видели в Спасителе только питателя-чудотворца, мы хотели бы видеть в святых Божиих только наших целителей и молитвенников, но не думаем вовсе о том, что, ведь они и наши *учители*... Посему и к нам приложимо слово Христово: *делайте не брашно гнущее, старайтесь не о пище тленной, хотя и о сем не воспрещено молиться, больше заботьтесь о пище, пребывающей в жизнь вечную; ищите исцеления не столько недугов телесных, сколько исцеления души своей, грехом недугующей*. Но сего-то мы и не ищем и, возвратившись из мест, освященных явлениями благодати Божией, паки начинаем по-прежнему ходить привычными греховными путями... И невольно вспоминается известная притча, которую читаем во 2 Послании Апостола Петра, (гл. 2, ст. 22).

№ 17

Отрава “правовым” началом

Предо мною прошение одного городского обывателя не из интеллигентных (а есть, к глубокому сожалению, много таких и из интеллигентов и даже высшего круга). В этом прошении он повествует, что в день причащения св. Таин он пришел в монастырскую церковь к литургии и попросил позволения самому прочесть правило ко св. Причащению. Служащий иеромонах отказал, и отсюда вышла целая история. Говельщик заспорил, бросил фразу: “может быть, я не достоин читать и правило?” На что иеромонах ответил односложным “да”, и тогда говеющий сказал: “значит, я не достоин и слушать”, – и вышел из церкви, чтобы идти причащаться в другой храм. Но, вспомнив, что без записки об исповеди его не причастят, он вернулся в церковь, подошел к северным дверям алтаря и “громко”, как сам пишет, стал просить “записочки”... Понятно, что иеромонах ему отказал в просьбе, ибо в это время совершал уже проскомидию. И вот сей говельщик подает мне прошение о том, чтобы я “уполномочил его помогать псаломщику” в служении, но “при другом иеромонахе”. При том говорит, что вот уже 5-й час утра следующего за сим дня, а он не может успокоиться...

Простите, читатели мои, что остановил ваше внимание на этом прошении, оно очень характерно. В нем так и сквозит какой-то уродливый правовой взгляд на такие отношения, где нет ни малейшего места для “правовых” отношений... А ведь этим взглядом пропитана почти вся наша интеллигенция, не только отколовшаяся от Церкви, но и мнящаяся пребывать в недрах Церкви, разумеется, исключая немногих верных Церкви сынов. Наши предки оставили нам в наследство мудрую пословицу: “в чужой монастырь с своим уставом не суйся”, а ныне наоборот: всякий хочет быть хозяином и распорядителем в церкви. Человек говел, исповедался, готовится к причащению Божественных Таин Христовых: казалось бы, должен быть настроен смиренно, проникнут чувством покаяния, должен бы хранить мир в себе самом, мир со всеми и ради сего мира смиряться, не требовать того, что не в его власти, уступать во всем, не смутить своей кающейся души... Но вот не исполнили его просьбу, и он заводит скандал, жалуется архиерею... Да скажите Бога ради: где же христианство его? Ужели это ученик Христов? Страшно становится за таких мнящих себя быть верными сынами Церкви. Я не оправдываю иеромонаха, но как пастырь, не могу же стать на эту правовую точку зрения мирянина, во гневе на служителя Церкви желающего приступить к Божественным Таинам и не замечающего за собою такого страшного порока... Чтобы вразумить его, я положил такую резолюцию: “Соборный протоиерей разъяснит просителю, что и сам архиерей не допустил бы его к Святым Таинам в таком немирном настроении, в каком он находился, ибо св. Причащение было бы ему во осуждение. Апостол Павел говорит, что такие недостойные причастники даже внешне умирали за это. Но и иеромонах, по-видимому, грубо обошедшийся с просителем, не нрав: яко инок, он должен первый подать пример смирения. О. протоиерей объяснит обоим, что взаимное прощение и примирение, особенно ради светлаго Христова праздника, обоим враждующим доставит счастье и радость”...

Не знаю, прав ли я в данном случае. Но право же больно читать такие прошения! И такого рода жалобы идут к архиерею не только от мирян, но иногда от духовенства. Христово учение о всепрощении, о мире со всеми забывается; точно по векселю, требуют возмездия – за всякое слово обидное, за всякую, иногда ненамеренную резкость... Если дело не стоит рассмотрения, то священнослужителям просто запрещаешь священнослужение до примирения, и дело гаснет. Но что делать с мирянами? Запрещать причащение св. Таин? Да они по годам не говеют. Священнослужители еще не вытравили в себе сознание христианского долга и понятия об архиерее как примирителе и представителе Христа и признают за ним хоть право писать такие примиряющие резолюции: ну а миряне готовы жаловаться выше за такую попытку кос-

нуться их совести, вразумить их учением Христовым. Для них архиерей не более как мировой судья в таких случаях: он должен их удовлетворить. Та к и пишет упомянутый выше проситель: “вот мой финал, и я буду удовлетворен за оскорбление, нанесенное мне иеромонахом”... И выходит, что истинного-то христианства остается одна скорлупка, а дух улетает... Больно быть непосредственным свидетелем всего этого! Говорите таким о заповедях Божиих – они ответят вам: “Заповеди-то мы знаем и без вас, а вы архиерей, вы начальник: мы вот жалуемся вам, и вы делайте свое дело наказывайте виновных. А учить-то нас уже подождите”. И нередко приходится “давать ход делу”, назначать дознание, а затем следствие, и виновный должен нести наказание. Недавно был случай, возмутивший меня до глубины души: священник 41 год служил на одном месте; по подговору одного кулака против него возбуждено было дело, взведено ровно 25 обвинений, из коих некоторые имели 35-летнюю давность, и в силу существующего закона, в виду доказанности обвинений (а обвинялся он, например, в том, что опоздал причастить умирающего, что требовал 5 р. вместо 2 р. за совершение брака и т. п., причем брачащиеся уже успели с тех пор поженить своих детей), пришлось уволить в заштат, смягчив наказание тем, что считать его уволенным по прошению и заменив “исключение в заштат” монастырским послушанием на две недели.

Когда подумаешь, что такие явления год от году становятся все чаще и чаще, все грубее и уродливее, то невольно задумываешься: куда же мы, наконец, идем? Ведь на наших глазах совершается очевидная подмена нравственного мирозерцания: идеалом прежнего Русского человека был подвиг смирения, послушания заветам Церкви, исполнения в возможном для человека совершенстве заповедей Христа, проникновения их духом... Исполнение долга, велений совести – вот к чему стремился прежний Русский человек, если он еще не погасил в себе искры Божией, если не заглушал в себе голоса Божия. Он шел на врага с заветным кличем: “с нами Бог!” Но он же и умел от сердца прощать личным врагам с словами: “Бог с вами!”.

То ли теперь?! Не говорю уже об интеллигентах: они откололись от тела народного, ушли в сторону запада, мыслят по-западному, не в состоянии понять народного мирозерцания и идеалов народных (разумею, конечно, большинство, зная, что еще есть и исключения отрядные). Говорю о народной массе: она отравлена каким-то ядом самоцена, заражена сомнением, везде ищет своих каких-то прав, готова требовать исполнения своих мирских приговоров даже в той области, где уж положительно не имеет и тени таких прав... Бывало ли когда-нибудь в старья времена, чтобы крестьяне все поголовно подписывали приговор: сменить двух иереев, дьякона и псаломщика, и присылали архиерею такой дерзкий приговор просто – к исполнению? А ныне стало и это возможно. И вот архиерею приходится вразумлять таких пасомых, что “овцы не судят своих пастырей”, что такой приговор не может быть принят не только к исполнению, но и к рассмотрению, как незаконный и т. п. Следовательно: не только в личной жизни проявляется этот “правовой” принцип, но и в общественной и даже в церковной жизни. Вчера они исповедались у своего батюшки, сегодня приговаривают его к удалению, даже не объясняя его вины, готовы бойкотировать его, готовы судиться с самим архиереем... Да, ведь это искажение уже народной русской души! Это начало разложения не только церковной, но и вообще религиозной народной жизни! Пусть пока еще немного таких уродливых явлений: но и то, что есть, есть уже страшное знамение времени.

Еще немного, и мы, архиереи, будем получать приговоры с угрозами, что если откажем прихожанам в исполнении таких приговоров, то они не задумаются изменить вере православной, перейдут в раскол или штунду, во всякую ересь: ведь нельзя не признаться, что масса народная еще слишком темна и если держится веры своих предков, то бессознательно, не умея дать отчета вопрошающим об ея уповании, будучи не в состоянии дать отпор лжеучителям сектантам и раскольникам, а эти волки ныне рыщут по всему лицу родной нашей земли... Народ любит веру православную, пока еще не выходит из-под благодатного влияния своей родной Церкви-матери но это влияние, вследствие разных причин, становится в наши дни все

слабее и слабее: его стараются всячески ослабить враги Церкви и посредством печати, и чрез либеральные законы, и чрез проповедь социализма, правовых начал, и чрез школы, и заражением пороками самыми грубыми... Грозное время мы переживаем, еще более грозные времена наступают.

Пастыри Церкви! Готовьтесь отражать волков! Вам предстоит подвиг – может быть, до пролития крови! Мужайтесь! Подвигом очищайтесь! Силами благодатными запасайтесь! Враг у дверей вашей ограды... он уже вторгается в сию ограду! Горе нам, нам спящим, если он начнет свое губительное дело совращения и расхищения наших овец!..

№ 18–19

Свобода совести имеет свои границы⁸

Целую зиму работала особая комиссия Государственного Совета над законопроектом о старообрядческих общинах. 30 заседаний посвятила на это дело и, наконец, представила свою работу в общее собрание Совета. Думский законопроект, столь смутивший в прошлом году совесть верных чад Церкви своим противоцерковным характером, подвергся коренной переработке и стал, кажется, удобоприемлемым.

Удивительное время мы живем: время грозных фраз и туманных, расплывчатых понятий. От того мы нередко обманываем самих себя. Дело в том, что чем шире известное понятие, чем оно отвлеченнее, тем легче подменить в нем признаки. И это делается тем скорее, что ныне мы отвыкли строго вдумываться в то, что читаем, что пишем и говорим. Ведь мы живем в век газетного легкомыслия: многие ли из интеллигентов ныне читают строго научные, зрело обдуманные книги? А вот пустит газетный писака какое-нибудь модное словечко: его и подхватывают, с ним и носятся, как с последним словом науки и мысли человеческой. Наши предки любили глубоко вдумываться в каждое слово, особенно честно относясь к слову печатному, и памятовали строгий завет нашего Спасителя: *всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово в день судный* (Мф. 12, 36). Памятником такого честного отношения к слову служит наш родной язык: какая точность признаков понятий в каждом слове! Мы не умеем своего слова найти в родном языке для обозначения нового понятия и часто заимствуем готовые слова из чужих языков, и так испестрили печатное слово этими заимствованиями, что простой человек без словаря иногда не может читать наших писаний. А наши предки создали язык воистину творчески: что ни слово – то чистый алмаз! Вот почему изучать корни родных слов – истинное наслаждение. Возьмите, например, слова: “человек”, “книга”, “соловей”, “крещение”... многие ли из нас знают корни этих слов? А между тем, в этих корнях указаны самые существенные признаки понятий ими обозначаемых. Мы воображаем, что предки наши были круглые невежды, а на самом-то деле не они, а мы – воистину являемся в сравнении с ними такими невеждами. Мы треплем языком слова, оставленные нам в наследство как заветное сокровище, а смысла их, истинного смысла часто и не подозреваем. Мы воображаем себя такими умниками, такими передовыми людьми, что куда нашим предкам до нас! Рукою не достать. А если бы наши предки встали из гробов своих да произвели бы нам экзамен по родному языку: смотришь – и стыдно бы стало нам, таким “образованным” их потомкам. И этим легкомыслием, этим, простите – нашим невежеством пользуются те, кому выгодно воду мутить, чтоб в мутной воде рыбку, по пословице, ловить. Пустят гулять среди нас какое-нибудь крылатое словечко, по своему смыслу такое широкое, что под него можно подставлять какие угодно признаки, а мы поймаем его и носимся с ним... В последнее время много напущено таких слов не только в газеты, но и в законопроекты. Последнее уже представляет немалую опасность, потому что, проникнув в законы, неточные, недостаточно определенные и растяжимые понятия могут замутить жизнь. Таково, например, слово: “свобода совести”. Что такое *совесть*? Это – вложенный Богом в духовную природу человека закон для нравственной и религиозной жизни разумного существа. А что такое *свобода*? Само по себе это слово представляет какую-то пустоту, которую надобно наполнить. В самом деле оно означает просто отсутствие ограничений для деятельности, и только. Какой деятельности – из этого слова еще ничего не видно. Между тем, совесть, потемненная грехопадением первозданного человека, вовсе не одинакова у людей. Совесть христианина православного требует, чтобы мы желали

⁸ Сей дневник роздан членам Государственного Совета пред рассмотрением законопроекта “О старообрядческих общинах”.

добра даже нашим врагам, чтоб мы не привлекали насилием и преследованиями даже к нашей святой, спасающей вере людей инакомыслящих, чтобы ко всем относились с любовью и доброжелательностью. Совесть талмудиста, наоборот, считает добродетелью убить “гоя”, позволяет спокойно обирать его, причинять ему всякое зло. Совесть исповедника корана требует истреблять “гяуров”, распространять лжеучение Магомета огнем и мечом. Совесть языческих царей требовала суровых мер борьбы с христианством. Да и у христиан не всегда, и не у всех одинакова совесть: совесть иезуита признает правило, что цель оправдывает средства, совесть римо-католика не препятствует преследовать лютеран и православных; то же допускает, хотя не столь открыто, как у римо-католиков, и совесть лютеранина, протестанта, баптиста, молоканина: по крайней мере, обман, так называемый “благочестивый обман”, практикуется и у них нередко. Но и наша православная совесть бывает не у всех одна: есть совесть щепетильная, скрупулезная, есть совесть сожженная и т. д. Теперь, если уж говорить в законе, требующем особенной точности выражений, о свободе совести, то позволительно спросить: да какой же совести? Религиозной? Но выше я уже сказал, что она иногда, по нашим христианским понятиям, у талмудистов и магометан как раз требует того, что недопустимо самыми элементарными законами человеческого общежития и здравого смысла. Итак, понятие “свободы совести” приходится уже ограничить. Нельзя же допустить, чтоб талмудист и магометанин, во имя своих религиозных убеждений, истребляли “гяур” и “гоев”, проще говоря, нас, христиан. Пусть их веруют, как знают, за их внутренняя убеждения мы их не станем преследовать, но если они станут проводить в жизнь свои убеждения, будут касаться нашей христианской свободы – пусть извинят нас: мы не можем этого допустить, хотя бы этого и требовала их “свободная совесть”. Мы должны лишить их свободы, связать им руки. Не стать же нам последователями теории Толстого о непротавлении злу.

Но касаться можно не одного только тела: иномыслящий может касаться и заветных святынь человеческого сердца, может оскорблять их, может похищать эти святыни из сердца не насилием только, но и пропагандою лжеучений. Нам говорят: “исповедывание веры естественным образом выражается не только в явном и осязательном проявлении своих религиозных убеждений, но и в стремлении повести других тем путем спасения души, который верующий находит единственно правым”. Это правда. Если я верую, что моя вера одна только и есть святая и спасающая, то, конечно, я должен ее распространять всеми мерами, какия моя совесть мне предписывает. Но в том-то и дело: какия совесть? Совесть раскольника, принадлежащего к страннической секте, предписывает ему проповедывать, что теперь царствует антихрист; совесть безпоповца повелевает ему проповедывать, что нет священства, нет и таинств и, следовательно, можно жить блудно; совесть каждаго раскольника требует, чтобы он хулил святую нашу мать-Церковь православную: ведь вся проповедь расколических лжеучителей в том и состоит, чтобы всячески поносить Церковь и ея таинства, ея служителей. Что ж, во имя либерального принципа свободы совести и следует допустить такую проповедь? Самый опасный обман есть обман посредством правды. Нам говорят, что раскольники имеют стремление повести и нас тем же путем спасения, каким они сами мнятся спасаться. Это естественно, это – правда. Но мало ли чего они хотят и захотят во имя такой правды и свободы своей совести? Они захотят требовать, чтоб им отдали все святыни наши историческия: наприм., кремлевские соборы; они захотят и, конечно, дайте им такую свободу хотеть – уже и хотели бы, чтобы наш Государь перешел в их согласие; ведь этого требует их совесть, а она ведь свободна... Но кто же скажет, что их желание, их требование следует удовлетворить? Та к и в отношении свободы проповеди: они хотели бы всех православных сделать такими же расколическими, как и они сами: так ужели же давать им свободу привлекать к себе в раскол всю Русь Православную? Слава Богу, основные законы предоставляют это право исключительно только Церкви Православной. Слава Богу, наше государство еще не отделилось от своей родной Церкви, еще ценит ея животворную для себя деятельность, еще умеет различать в своих законах истину от

лжи, не ставит на одну доску раскольническия мудрования с церковным учением. Слава Богу, наше правительство, как благопопечительный отец, не допустит развращать своих детей, верноподданных Православного Царя Самодержца, ересями и лжеучениями. Было бы безумием допускать все это во имя какой-то ложно понимаемой свободы совести раскольников. Надо же побереечь и охранить и свободу православных простецов наших, не умеющих в вопросах веры отличить правой руки от левой – лжи от истины, пагубного обмана от спасительного учения. Нам говорят, что наш “многомиллионный народ убежден, что для торжества Православной Церкви не нужны никакия стеснения религиозной свободы иноверцев”. Может быть, это отчасти и правда, но вопрос в том, как и что понимать под этой религиозной свободой? Если разуметь, что “пусть каждый по-своему Богу молится”, то и это едва ли будет полная правда: несомненно, что православный желал бы, чтобы обратились к вере православной не только раскольники, но и все магометане, иудеи и язычники: ведь логика сердца, логика убеждений у всех одна и та же. Если раскольник “стремится повести на путь своего спасения” православных, то ужели не желает того же для всех раскольников и православный? Зачем тут хотят иметь две мерки? Это первое. А второе: наш православный народ, благодушно допуская, чтоб каждый по-своему Богу молился, вовсе уж не так равнодушно смотрит на то, если станут его братьев совращать в другую, хотя бы и “старую” веру. Он глубоко возмущается, когда слышит хулы на родную Церковь; не умея защитити словесно свои, дорогие ему верования, он нередко пускает в дело физическое воздействие против совратителя. Неужели православное правительство может равнодушно смотреть на совращения в раскол, не говорю уже о сектах и иновериях, своих православных подданных? Неужели не оградит их от всякаго рода совратителей? И ради чего бы оно стало устранять себя от такого ограждения? Во имя чего дало бы оно право всякому лжеучителю хулить Церковь и совращать православных? Во имя свободы? Но ради Бога рассудите: ведь вопрос не о том, возможна ли или не возможна безграничная свобода проповеди, – кажется несомненно, что границы необходимы, – вопрос лишь в том: где проложить эти границы? Ведь не допустит же правительство проповедывать, что Царь есть антихрист, что не следует платить антихристу подати и давать ему солдат, что брак церковный есть блуд, а блуд – простительный грех: “семь раз роди, а замуж не выходи” и подобные нелепости. Значит, граница есть. Говорят: эта граница – опасность государства и общественной нравственности. Но – во-первых: государство у нас в союзе с Церковию, опасность для Церкви разве не есть опасность и для государства? Церковныя смуты разве полезны для государства? Хула на Церковь, поругание православных святынь – разве не безчестит государства? Не думайте, что раскольники такие кроткие агнцы: они способны не только издеваться над Церковию и ея служителями, но и над каждым православным, лишь бы почувствовали свою свободу. И ужели все это будет отвечать той цели, какую поставил законодатель для законов о свободе исповеданий: “возвеличение Церкви православной”? Хорошо возвеличение, когда на всех перекрестках ее будут поносить и злословить, когда ея верным чадам и служителям не будут давать прохода издевательствами! Во-вторых, свобода распространения раскольничьих лжеучений, несомненно, будет подрывать и общую нравственность. Помнить надо, что всякое лжеучение, в том числе и раскол, заражены страшною гордынею: просим мы, служители Церкви, поверить нам в этом на слово, – вся их религиозная жизнь в ея проявлении, в делах, зиждется на бессознательном лицемерии, – “несмы якоже прочии человецы”... Эта подмена нравственных идеалов ужели полезна для государства? И во имя чего? Во имя какого-то отвлеченнаго принципа: давайте свободу лжи и не препятствуйте ея пропаганде! Да ужели это уж такой священный принцип, что нельзя от него отказаться? Неужели можно желать, чтобы проповедники его испытали сладость его плодов на своих детях? Если бы их дети совратились в раскол и стали хулить святую Церковь, стали поносить их, своих родителей, за то, что они не идут по их стопам: что бы они сказали о такой свободе?

И в этом вопросе делается подмен понятий у сторонников свободы проповедания или пропаганды: вместо откровенного слова “распространение лжеучений”, они говорят – изложение и изъяснение учения. Но в том-то и дело: послушайте, если не верите миссионерам, в чем состоит все это “изложение и изъяснение?” В одних только хулах на церковное учение. Нам говорят, что на “собеседованиях” уже давно допускается такая свобода проповеди. Опять подмена понятий: собеседование и проповедание лжеучения с целью его распространения вовсе не одно и то же. При собеседовании хулы раскольника-учителя тут же изобличаются, их действие на слушателей православных тут же парализуется. Такою же подменою понятий можно назвать и слово “проповедание”. Что хотят разуметь под этим словом? Нам говорят, что оно означает просто изложение и изъяснение учения. Но из чего это видно? Почему раскольник не может разуметь то, что ему захочется? Он скажет: “нам закон дает право проповедовать, а проповедовать и значит распространять наше учение”. И будет прав, потому что он не может иначе понимать это слово, как в самом широком его значении. А закон не ограничивает это значение.

Чтобы дать больше простора пропаганде раскола под покровом свободы проповеди, защитники сей свободы хотят допустить ее везде на основании общих узаконений о свободе собраний и слова. Приедет в деревню расколоучитель, заявит полиции, что желает устроить собрание, получит разрешение, соберет простецов и начнет ругать Церковь и ее служителей. Я уже сказал, что вся проповедь раскольничьих проповедников сводится к этой теме. И это будет твориться, по смыслу закона, якобы “к вящему возвеличению Церкви Православной”! Болью будет отзываться такое проповедание в душах простецов – православных слушателей; одни из них поколеблются, не зная, чем отразить нападение на Церковь лжеучителя, другие наоборот – могут в негодовании броситься на него, а что делать тогда представителю полиции, какому-нибудь уряднику или просто сельскому старосте? Ему, конечно, придется защищать проповедника от насилия, но тем самым ставить в глубокое недоумение сих простецов, которые ведь защищают свою веру от хульника-раскольника...

Нас страшат: “всякое-де ограничение действия льгот, уже возведенных, способно вызвать в среде старообрядческого населения недоумение, готовое перейти в разочарование и смущение, недалекое, при благоприятных к тому обстоятельствах, от смуты”. Опять поддержка. В Высочайших указах нет ни слова о свободе пропаганды – проповедания, а то, что дала или “возвестила” Государственная Дума, еще не Высочайший указ. Если по местам свобода пропаганды уже идет, то ведь это свершается просто захватным правом, помимо всякого закона. Это следует пресечь, как восхищение недарованного. Что ясно и точно указано в Высочайших указах, то и пусть входит в жизнь, но отнюдь не больше. Всякое расширение закона есть уже его искажение. А по отношению к расколу, который сам есть искажение истины, такое расширение есть намеренное содействие распространению лжи и заблуждений. Нас хотят утешить статьей 84 Уголовного Положения, карающей виновных в совращении православных в расколоучение посредством злоупотребления властью (каковой лжеучителя, конечно, не имеют, а следовательно, к ним это и не относится), принуждения, обольщения, обещания выгоды, обмана, насилия или угрозы. Но здесь все это, во-первых, в каждом отдельном случае надобно доказать, а во-вторых, и к делу не относится. Ни одного из указанных признаков не найдете в свободной проповеди расколоучителя, и он всегда останется прав, ибо он ведь не насилует, не угрожает, не злоупотребляет властью, не принуждает; правда, он обольщает и обманывает, обещая Царство небесное тому, кто за ним пойдет, но ведь он сам убежден, что он прав, что так и следует делать... Следовательно, статью эту никогда не придется и применять в отношении к пропагандистам раскола.

Свою же все к кратким положениям. Совесть есть внутренний закон, закон, Богом вложенный в сердце человека, закон, сокровенный в этом сердце так глубоко, что ни стеснить его, ни ограничить в его *внутреннем* действии никто не может, кроме самого носителя сего закона –

человека. Другое дело – проявление сего закона вовне, в слове, в деле. Но, ведь это будет уже не свобода совести, а свобода слова, свобода действий в отношении к другим. Смешивать эти понятия значит подменивать их одно другим. Свобода слова, свобода действий одной личности всегда непременно ограничивается такою же свободой других, соприкасающихся с нею. Когда лжеучитель распространяет свое лжеучение, он касается уже совести других, часто немощных, которые не в состоянии, по своей простоте, возражать ему. С его точки зрения, по суду его искаженной совести, он творит благо. Но если закон отличает истину от лжи, если для него не безразлично: распространяется ли истинное учение или зловерная ложь, просвещаются ли русские люди благодатным, воспитывающим народный дух учением православия или заражаются непримиримую враждою к нему, враждою к Церкви – союзнице государства то он должен стать на страже истины и сказать твердо лжеучителю: доселе преи́деши и ни шагу далее! Не смей касаться чужой совести! Тут предел свободе лжеучителя, предел – не свободе его совести – пусть его верует, как хочет, молится, как ему угодно, – а предел свободе его слова, его действий (ибо, допустив свободу слова, нельзя логически отрицать уже и свободу действий). Необходимость полагать такие пределы естественно вытекает – во-первых, из чувства государственного самосохранения: доколе Россия живет идеалами православия, доколе государство обязано, в своих же интересах, охранять сии идеалы от искажения и разрушения, православную совесть от оскорбления, духовное единство русского народа от раздробления по сектам, братскую любовь от сектантской вражды и духовного междуособия. Во-вторых, пределы свободы пропаганды нужны для государства из уважения к святой истине Христовой, православным государством признаваемой, и во имя простой справедливости: надо же оградить простецов от вторжения в их совесть; не может же православное государство спокойно смотреть, как беззащитных младенцев веры враг берет и уводит в плен заблуждений, как поселяет вражду, самую ожесточенную – религиозную вражду между русскими людьми, между членами одной и той же семьи. Наконец, закон должен положить предел свободе всякой пропаганды уже для того, чтобы не противоречить самому себе. Если право привлечения инаковерующих к своему исповеданию предоставлено нашими Основными законами одной только Церкви православной, то ясно, что для всех сект и расколов такого права не существует, а следовательно, всякая пропаганда лжеучений должна быть законом воспрещена. И это тем более, что Государь наш именуется в законах защитником и покровителем Церкви православной, каковое именование обратилось бы в простой почетный титул, если бы закон не ограждал его жизненную силу строгим воспрещением всякой пропаганды, угрозою кары за таковую...

Сторонникам раскола очень хотелось бы, чтобы закон называл их духовными (какие они “духовные!” Ведь, в расколе благодати нет) “священнослужителями”. Ссылаются на римо-католиков и армян, указывая, что вот-де не боятся же называть их митрополитов, епископов и др. духовных лиц присвоенными им именами. Да, не боимся, ибо и у католиков, и у армян православная Церковь признает иерархию и приемлет от них приходящих в их сущем сани. А раскольничьих лжеархиереев и попов она признает простыми мирянами и принимает их как мирян. Уже по одному этому нельзя заставить закон величать их так, как величают раскольники. Но, кроме того, довольно с них и того, что закон усвоил вовсе на деле им не принадлежащее наименование якобы “старообрядцев”. Ведь если уж прилагать сей термин, то позволительно было бы не к раскольникам, а только к единоверцам. И почему это такая милость к раскольникам: нас хотят заставить величать даже по закону их лжеиерархов и попов священнослужителями, а вот нам хотят запретить называть их так, как велит нам наша православная совесть? Ведь уж если свобода и уважение к совести и убеждению, так и нам дайте сию свободу! Позвольте и нам именовать их так, как велит нам Церковь своими канонами, а не мирская власть ея законами. Я уже не говорю о том, что наименование священнослужителями раскольничьих лжепопов и лжеархиереев будет великим соблазном для простецов православных. Ведь наша простота доходит до того, что в пребывание армянскаго католикоса в Петербурге

простецы подходили к нему под благословение, хотя по канонам церковным он и есть еретик. Надо же ограждать младенчаствующих в вере от соблазна, а для сего гражданский закон должен держаться, по крайней мере, в сем отношении воззрений православной Церкви и не угодничать пред расколом. Во имя терпимости к расколу не оскорбляйте православных. Не забывайте, что и правительство наше должно быть по духу только православное...

№ 20

“Идите и вы в виноградник Мой!”

Сегодня вместо обычного дневника я печатаю в “Троицком Слове” свое слово к семинаристам, оканчивающим курс в этом году. Нет на земле более ответственного звания, как звание епископское, и нет для епископа более затруднительного положения в наше время, как приискание достойных кандидатов священства. И это – особенно в епархиях многолюдных и разбросанных, в коих служение пастырское есть сугубый подвиг. У меня в епархии полтора миллиона православных; они расселены на пространстве до 2000 верст в длину и около 500 верст в ширину. Есть на Руси епархии в несколько раз больше моей, особенно в Сибири. Есть приходы в моей епархии, в коих деревни отстоят от приходской церкви на полтораста, на двести верст. В Сибири версты считаются сотнями. Служение в таких приходах уже по одному этому, по огромным расстояниям, есть подвиг. Но не всякий способен на подвиг. А нынешние семинарии, – этого не следует скрывать, – не воспитывают подвижников. И вот по несколько месяцев, по целым годам не находится кандидата во священника в такие приходы. Что делать архиерею? Помнить надо, что священник – не наемник, не чиновник. Найти подходящего чиновника не так трудно: дайте ему побольше жалованья, и к вам пойдет с менее обеспеченной должности надежный человек. Но... во-первых: у нас вообще-то положение священника не обеспечено материально, да если бы и было обеспечено оно – это еще не ручательство, что вы найдете такого, какой нужен. Бывает напротив: на место более обеспеченное польстится и такой, который пойдет только ради скверного прибытка, а потому о деле Христовом ему не будет никакого дела, никакой заботы. Для пастырства нужно нечто большее образования, нужна готовность всего себя отдать своему служению. Хорошо там, где небольшая епархия, где епископ может каждый год видеть лично всех своих священников, где он может лично руководить ими. Но много ли у нас на Руси таких епархий, да и есть ли еще? С течением времени требования, предъявляемые к священнику, все повышаются: от него требуют и более образованности, и большей строгости к себе самому в поведении, и полного безкорыстия, и чуть ли не евангельского совершенства. А на деле является все наоборот: все эти качества в кандидатах священства идут на убыль. С болью сердца приходится отмечать это явление, тем более прискорбное, что на него как-то мало обращается внимания... как будто это явление совершенно естественное. А между тем ведь оно в высшей степени тревожное. Кому дороги интересы Церкви, интересы Русского народа, тот не может не болеть душою, размышляя об этом. В след. № нашего издания я поговорю подробнее по сему поводу. А теперь привожу здесь свое приветственное слово семинаристам в желании, чтобы оно дошло до их сердца, чтобы хоть некоторых из них повлекло на путь служения родной Церкви.

Приветствую вас, добрые юноши – любимые питомцы Церкви Божией, с окончанием курса учения в духовной семинарии и призываю Божие благословение на ваш жизненный путь! Сожалею, что удерживаемый вдали от града Вологды долгом служения Церкви и отечеству, не могу лично сего сделать, но утешаю себя тем, что могу поручить это моему доброму сотруднику во Христе – преосвященному Антонию.

И в вас, юные друзья мои, я хотел бы видеть будущих наших сотрудников – сослужителей Церкви Вологодской; и вас ждет к себе на служение наша мать-Церковь Православная; и вас с раннего утра жизни зовет к Себе на святой труд Небесный Домовладыка: “идите и вы в виноградник Мой, и что будет следовать, дам вам” (Мф. 20, 4). Возведите очи ваши, глашает Он, и посмотрите на нивы, как оне побелели и поспели к жатве (Ин. 4, 35). Жатвы много, а делателей мало... (Лк. 4, 2). Эти словеса Господни особенно властно должны звучать в сердцах ваших сегодня, в знаменатель-

ный для вас день, когда открываются пред вами двери из школы в жизнь. Зовет Христос, зовем и мы: выходите на ниву Божию, вступайте во двор овчий, становитесь на стражбу Господню, чтобы спасти словесных овец Христовых на пажитях словес Божиих! Церковь Божия переживает дни великих испытаний. С одной стороны, просыпается совесть народная, измученная позорными явлениями последнего времени в общественной и государственной жизни: народ жаждет слышания слова Божия, он ищет Бога, толпами стремится туда, где чает утолить эту жажду; с другой стороны, в народную душу отовсюду грязными потоками врываются разные отравленные ядом сатанинской гордыни лжеучения. Народ ищет Божией правды, а современные книжники и фарисеи проходят море и сушу, чтобы обратить хотя одного простеца, а когда это случится, делают его сыном геенны, худшим, чем они сами (Мф. 23,15). Против святой нашей веры, против Церкви православной восстали все силы адавы: нет ереси, нет раскола, которые не ополчались бы на Церковь Божию, которые не пытались бы расхищать Божие стадо. И все они стремятся подменить основу нашего святого православия: хриstopодражательное смирение – сатанинскою гордынею, любовь в простоте сердца – лицемерием и ненавистию, послушание сыновнее – самочинием, апостольское и святоотеческое предание – собственным смьшлением и мудрованием. Для нас, пастырей, очевидно, что кому-то – а кому, как не сатане и слугам его? – нужно подменить самое мирозерцание народное, исказить народную душу, похитить ее заветныя сокровища. Уже появляются лжехристы и лжепророки, и хотя еще не творят знамений и чудес, но уже прельщают многих, дерзая говорить: “я – христос!” (Мф. 24, 23. 24). И находятся невежды – увы! – таковых невежд немало и среди так называемых образованных, которые верят им... Да, как это ни странно, как ни прискорбно, друзья мои, но приходится признать, что в духовном отношении наши “интеллигенты” иногда стоят несравненно ниже простых безграмотных женщин: в гордыне своей они не видят своей духовной слепоты и, подобно древним фарисеям, всегда готовы говорить о себе: “ужели и мы слепы?” (Ин. 9, 40), тогда как простая женщина всегда готова сознаться, что она – темный человек.

Вот скорби, какая ныне переживает Христова невеста – Церковь. Но с нею – Христос! Он обетовал, что *врата адавы не одолеют ея* (Мф. 16, 18). Он изрек Своим Апостолам, *се аз с вами есмь до скончания века* (Мф. 28, 20). И верно слово Его! Все еретики и раскольники являлись и исчезали, а Церковь Божия пребывает вовеки. Выходите же бодро на служение ей! Исходите в сретение Небесному Пастыреначальнику с горящими сердцами, как мудрыя девы исходили с горящими светильниками! Он ждет вас. Он говорит: “идите и вы в виноградник Мой и что будет следовать – получите!” Он стоит у дверей сердца вашего: “се стою, глаголет, у двери и стучу”... (Откр. 3, 20). Он Сам будет в вас и чрез вас делать в винограде Своем: только отдайте Ему свое юное сердце, свою волю! Воистину иго Его благо и бремя Его легко (Мф.11, 30). Воистинну блаженны все входящие в труд Его!

Господь вас да благословит. Аминь.

Это обращение было прочитано преосвященным Викарием после благодарственного молебна в день выпуска окончивших курс 9 июня и роздано им в виде отдельного листка.

№ 21

Питомцы Церкви бегут от Церкви!

У кого что болит, тот о том и говорит. В России имеется 56 духовных семинарий для приготовления пастырей, а епископы озабочены недостатком кандидатов священства. Семинарии выпускают студентов для высших учебных заведений, акцизных чиновников, даже ветеринаров, а во священники в некоторых епархиях из их питомцев едва ли идет один из десяти. Приходится архиереям подбирать старичков диаконов, не кончивших курса, псаломщиков, едва дотянувших до 2-го класса семинарии, а в приходы с единоверческим населением и начетчиков (богословы у старообрядцев. – *Ред.*), и ими замещать места священников по селам. Между тем, семинарии выпускают в каждой епархии столько “кончалых”, что ими можно бы замещать сполна вакансии не только в своей, но и в других, еще не имеющих семинарий, епархиях. Что же это значит? Можно ли мириться с таким явлением?

Благовременно подумать об этом. В синодальных канцеляриях работает 16 комиссий, составляющих программы для будущего устава духовных семинарий; работают спешно, а главное – как бы тайно: по крайней мере в печати ничего не встречаем мы о сих работах. Не я один опасаюсь, – от многих епископов слышал я тревожное опасение, как бы не опустили из виду самого главного – чтобы семинарии прежде всего давали нам достойных кандидатов священства. Не тревожное ли, в самом деле, явление: на Церковь Божию надвигаются со всех сторон полчища врагов-еретиков, а ея духовныя силы падают, ея пастыри понижаются в своем образовательном цензе, и, что особенно тревожно, в них постепенно гаснет та благодатная искорка ревности о служении спасению ближняго, которой одной и жива Церковь Божия. Идеализм духовных юношей куда-то улетает. Помню, лет пятьдесят назад, мои братья-семинаристы привозили с собою из семинарии пачки тетрадей – запас проповедей, на случай, когда будут они священниками; помню, сам я, учась еще в духовном училище, списывал себе целые томы лучших слов и поучений, которые мне особенно ложились на сердце. У каждого из нас была тайная мечта: “буду священником – пригодятся”. Конечно, мечта – ребяческая: нельзя же век жить списанными проповедями священнику, надо же и самому – и это главное – уметь сказать слово. Но тут важен не практический результат, а то настроение, какое выливалось в этом стремлении запасаться проповедями. В душе питомца духовной школы жила мечта быть пастырем, в его внутреннем человеке уже слагался идеал служения Церкви. Да в юноше ли только? Не носили ли мы эту заветную мечту еще в раннем детстве, еще безсознательно? Не отражалась ли она еще в наших детских играх? Да простит нам святая мать наша Церковь наши детские крестные хождения с досками и лопатами вместо икон и с пением “Христос воскрес”: то не было кощунство, то было невинное в сущности стремление скорее быть тем, чем были отцы наши... О том ли теперь мечтает духовный юноша? То т ли идеал носит в себе его душа? Увы, для семинариста стала более привлекательною мечта быть “лошадиным доктором”, ветеринаром, чем пастырем и врачом душ! Духовенство отдает своих детей в духовные семинарии теперь больше потому, что это – даровая средняя школа, подготовляющая на все пути жизни, а не потому, что оно желает повести детей по своему пути служения Церкви. Забывают отцы, что сами питаются от Церкви, у Церкви же хотят взять средства и для образования своих детей, но отдать их на служение ей – у них и мысли нет... Разве неудачник выйдет – деваться будет некуда. Я знал немало почтеннейших протоиереев столичных, которые отдавали детей своих в гимназии, оттуда вели их в университеты, но не пускали их по своей дороге. Как будто духовная школа – это что-то низшее против светской, нечто плебейское... А от столичных батюшек заражались таким взглядом как-то безсознательно и сельские, но, не имея средств воспитывать детей в гимназиях, скрепя сердце посылали их в семинарии, внушая все же, что будет время, когда они покинут путь сей и поступят в университет, в какой-нибудь институт. Не буду теперь говорить,

под влиянием каких причин слагались такие взгляды, такая стремления: обычно говорили и говорят, что материальная необеспеченность духовенства ставила его в унижительное положение пред прихожанами: всю жизнь смотри в руки мужика, а в городах – купца, барина, – об этом скажу свое мнение когда-нибудь после, – теперь же отмечу, что как будто и высшая духовная власть шла навстречу таким стремлениям духовенства: наши семинарии на нашей памяти уже не раз преобразовывались, и все в сторону таких пожеланий. Вот и теперь назревает, уже вырабатывается реформа, но что она готовит нам? С тревогой думаем мы, архиереи: дадут ли нам новые семинарии добрых кандидатов пастырства? Зажгут ли в сердцах семинаристов тот огонек, без которого пастырь есть наемник, который видит волка грядуща и бегаёт? Обучат ли будущих пастырей “глаголом жечь сердца” или – если уж это не по силам современной школе, – то по крайней мере, живым словом, правильным, доступным народу языком, тепло и сердечно излагать истины веры в противовес лжеучениям, имже ныне несть числа? Или по-прежнему будущий пастырь без тетрадки не сделает ни шагу? Познакомят ли, заставят ли полюбить писания духоносных отцов и учителей Церкви? Сумеют ли воспитать в юношах – кандидатах пастырства вкус к той священной литературе, которая служит украшением именно Православной Церкви – к аскетическим творениям отцов? Или, как было от дней ложного классицизма, заставят их долбить латынь и греческих языческих писателей? И латынь нам нужна, и особенно греческий язык, но не стыдно ли школе нашей, что, обучив нас (с грехом пополам) языку Гомера, Ксенофонта, Горация и Цицерона, она забыла обучить нас тому, что нам нужнее во сто раз всех этих язычников – языку родной нашей церковной поэзии, языку наших песнопений и молитв, и мы, воспевая эти песни, читая эти молитвы, в темном иногда переводе, не всегда уразумеваем даже их смысл, не говоря уже о дивных красотах нашей церковной поэзии, о глубоком значении наших обрядов, способных не только раскрыть глубину наших догматов, но и воспитать в душе нашей высшую степень эстетического чувства? Церковность... Да это ведь такая неистощимая сокровищница красоты, глубокого богословствования, дивной гармонии всего, что способно воспитать душу для неба и дать сердцу счастье еще на земле, что некто из духоносных мужей не напрасно сказал: прекраснее нашей литургии (а мы прибавим – и вообще нашего богослужения в его идеале) мы, может быть, увидим что-нибудь разве только на небе... И вот питомцы наших духовных школ, будущие пастыри Церкви, всего этого лишаются... Да, лишаются, ибо то, что им дается взамен сего в учебниках гомилетики, литургики и сродных наук, способно только оттолкнуть их своею сухью... А ведь это – будущие воспитатели русского церковного духа в массах народных! Это – будущие носители для грядущих поколений идеалов церковных! Куда мы идем? Вперед ли? Не назад ли?... И не потому ли множатся ереси и расколы, что сии идеалы затмились в сознании тех, кто должен быть их носителем, что свет гаснет в том, кто светить должен, что вожди сами не видят тех путей, по коим должны вести народ? Народ инстинктивно ищет света, но вместо ярко горящих светильников во тьме своего невежества встречает болотные огоньки – разных лжеучителей и идет за ними... А где же те, кто светить должен, кто должен показывать ему путь? Увы, часто они сами являются настолько неподготовленными к своему святому служению, что боятся встретиться с каким-нибудь баптистом или штундистом... Жалкие пастыри! Ведь если бы не так, то зачем бы нам заботиться о миссионерах? Да каждый пастырь в своем приходе и должен быть миссионером! Казалось бы, ему должно быть стыдно пред прихожанами искать помощи миссионера! Миссионеру место бы только в среде неверующих, а не в среде православных. И вот мы с заботою спрашиваем: принято ли это во внимание при составлении программ? И вообще: что будет положено во главу угла при преобразовании наших семинарий? Дождемся ли мы, архиереи, когда будем уверены, что вот, наконец-то, у нас есть школы, в строгом смысле пастырские школы, из коих будут выходить закаленные бойцы-пастыри, не боящиеся волков, готовые душу свою положить за овец стада Христова? Когда мы будем иметь утешение чувствовать, что мы не одиноки, что в наших епархиях не десяток, а сотни таких бойцов, готовых пойти всюду, куда мы их пошлем...

А ведь для этого недостаточно перекроить старый устав; для этого надо смело, решительно и громко заявить: семинарии – для Церкви, для приготовления пастырей и других целей, посторонних, – отнюдь не имеют. Годны ли будут семинаристы для университетов или не годны – до этого нам дела нет. Хочет ли духовенство пускать детей по своей дороге или не хочет – это его дело. Если не хочет, то пусть ищет себе другая школы, пусть открывает – только не на средства Церкви, ибо она бедна, у ней на то нет средств – гимназии свои... Нет средств – Церковь не виновата. Ведь на нет и суда нет. А нам думается, что если в семинариях будет веять дух любви к труду, если семинарист будет любить пастырскую науку, то полюбит и свое звание. Питомец строго выдержанной нравственной школы будет годен и на всех других поприщах жизни, если бы почему-либо не вступил он на тот путь, на какой готовила его школа. Не захочет он пойти во священники, пусть год-два поготовится и идет в университет. Но пусть же наперед знает, что ради своей мечты изменить своему званию и призванию он должен будет потерять эти два-три года. Нужды и пользы Церкви важнее интересов отдельных личностей, важнее мечтаний, хотя и духовных, но не церковного духа, отцов и их сыновей. Мы переживаем время, когда решается вопрос: быть или не быть нашему народу православным? Стоять или не стоять православию на Руси? Идти ли этой Руси своим, Богом ей указанным историческим путем, или же сбиться на пути развращенных и изменить заветам наших отцов? И решение этого вопроса главным образом зависит теперь от того, будут у нас добрые пастыри или наемники? Будут ли наши семинарии служить своей Церкви, которая их питает и греет материально, или же станут склонять колена направо и налево?

Всякое двусмыслие, всякое колебание, всякая сделка с совестью, уступка и соглашение с духом времени – для Церкви опасно, а для народа Русского – прямо скажем – губительно...

№ 22–23

Памятники-статуи святым угодникам

Московское Археологическое Общество хочет поставить памятник смиренным служителям Церкви Русской, святителю Гермогену, Патриарху Всероссийскому, и преподобному Дионисию, Радонежскому чудотворцу. Местом памятника избрана историческая Красная площадь в Москве, где уже красуется памятник Косме Минину и князю Пожарскому. Археологическое Общество желает сим памятником ознаменовать наступающее в 1912 году трехсотлетие окончания великой смуты, до основания потрясшей нашу матушку Русь в начале XVII столетия. Памятник, очевидно, должен говорить русским людям: “Любите Русь, как мы любили, целым сердцем; будьте готовы положить за нее свои души, отдать ей беззаветно все: и ум, и сердце, не говоря уже об имуществе, отдать самую жизнь свою за ее благо. Смотрите на нас и вспомните наше время, наши подвиги”.

Святейший Синод предоставил Археологическому Обществу произвести в текущем году во всех церквях Российской империи тарелочный сбор за всенощными бдениями и литургиями в праздники Апостолов Петра и Павла и Успения Богоматери. Та к откликнулась церковная власть на начинание Археологического Общества.

В последнее время сборы по церквям в великие и не в великие только праздники – обычное дело. Собирают ежегодно в известные дни разные общества: Миссионерское, Палестинское, попечения о слепых, Краснаго и других крестов, – всех таких не перечтешь; собирают и не ежегодно, а только раз или два в определенный день на то или другое доброе дело. Не могу не заметить, что святое дело христианского благотворения, всецело некогда принадлежавшее Церкви, ныне, большею частию, ушло из Церкви и является в нее только с кружкой или тарелкой для сборов, а все распоряжение сими сборами идет уже мимо Церкви... Не буду теперь останавливаться на этом вопросе: можно ли сие признать нормальным явлением в церковной жизни по самому существу, тем более что к настоящему случаю это едва ли может иметь и отношение. Церковь строила и строит храмы как памятники, но еще никогда не строила памятники в мирском смысле этого слова. Я хотел бы только отметить, что это даже едва ли не первый случай сбора на памятник во время богослужения в церквях наших. Собирали на построение храмов, на школы, на богадельни, на миссии, словом – на дела добрыя, но не на постройку мирского памятника. Не хочу восставать против такого сбора и теперь, ибо распоряжение церковной власти уже состоялось, никакой ереси в нем не усматривается, а потому и протестовать против него нет повода. Но при исполнении сего дела, при построении памятника, может произойти нечто такое, от чего хотелось бы предостеречь теперь же и Археологическое Общество, и тех, кто должен отвечать пред Богом и историей за возможный соблазн...

Прежде всего вспомним: когда Москва решила поставить памятник Царю-Освободителю, то покойный Государь, мудрый носитель народных идеалов, особенно был озабочен тем, чтобы этот памятник, поставленный в Кремле, этом, по его выражению, “алтаре” Руси православною, не нарушал своим мирским характером духовной гармонии святынь кремлевских. Он был прав: до сего времени Кремль не имел в себе ни одного памятника в западно-европейском смысле, для него ясно было, что такие памятники не вполне отвечают народному миросозерцанию. Народ знает памятники-храмы, но не памятники-статуи, и очень мудро было избрано место для памятников самому ему, великому Царю-Миротворцу, – *вне* всероссийского “алтаря” – Кремля: как-будто он смиренно вышел отсюда, чтобы в благоговении созерцать издали святыни Руси Православной с своего величественного трона, от храма-памятника великих событий 1812 года. А памятник своему великому отцу он закрыл дивною сенью, поучающею своими мозаиками русских людей любви к своим Царям... Пусть Императорское Археологическое Общество и те художники, которые будут обдумывать проект памятника патриарху

Гермогену и преподобному Дионисию, глубоко задумаются над этим... Во всяком случае в обсуждении сего вопроса необходимо участие представителя Святейшего Синода и окончательное его решение, прежде чем восходить на Высочайшее воззрение, должно быть представлено Святейшему Синоду.

Я сказал, что памятники-статуи не отвечают нашему русскому народному мирозерцанию, нашим народным идеалам. Православная Церковь не приняла ваяние в качестве церковного искусства: она только терпит его как исключение из общего правила. Ваяние слишком напоминало христианину первых времен культ языческий, языческих идолов, которых так ненавидели христиане; оно, воплощая идею, недостаточно способно было одухотворить ее, слишком, так сказать, *оплотняло ее*... Вот почему оно несродно духу чистого православия. Западная Церковь постепенно ввела в свой культ ваяние потому, что сама, хотя и безсознательно, постоянно находилась под влиянием воспринятых от язычества идей. Все римское богословие со времени разделения Церквей построено на человеческом, юридическом начале. Вся культура, искусство, наука – все имело корни в язычестве. Римская церковь не задумывалась и языческого Зевса переделывать в Апостола Петра, вручая ему ключи Царства небесного. Православие взяло из языческой культуры только то, что было чисто по природе своей, что не отвлекало мысль верующего в сторону язычества. Церковь взяла для своих храмов, например, план театра, но самый театр отвергла. Для удовлетворения потребности эстетического чувства она создала нечто, отдаленно напоминающее первобытный театр времен Софокла, Еврипида и др. великих трагиков (ибо театр того времени был для язычника почти богослужением), но и то очистила, возвысила, одухотворила до того, что всякое напоминание о театре исчезло. Я говорю об обрядах богослуженных, о пении и т. п. Ваяние же отвергла, заменив его живописью, вернее – иконописью. Наш народ всю свою культуру воспринял от Православной Церкви: понятно, что и на всякие статуи он смотрит с церковной точки зрения. Мне приходилось, например, слышать от простых поселян наименование памятника Пушкина “идолом”. И думается мне, что уже по одному этому не следует ставить памятника святым печальникам родной земли в виде статуй: зачем насильственно навязывать народу доселе чуждое ему воззрение на памятники святым людям? Зачем вводить его в искушение мыслию о том: место ли угодникам Божиим стоять среди площади? Не будет ли это профанацией, особенно при нашей русской неряшливости, когда нередкость, например, видеть голубиный помет на памятнике Пожарскому и Минину, когда слышится не редко непечатная брань извозчиков около заветных святынь наших храмов, когда подножия памятников не защищены от возмутительных надписей?.. Пусть так, пусть ставят у нас памятники великим людям, прославившим нашу родную Русь, пусть эти памятники, как памятник Минину и Пожарскому, и говорят, и даже перстом показывают русским людям на те святыни, за которые они грудью стояли: “не на нас смотрите – смотрите вот на эти святыни, любите их, умирайте за них: в почитании их – залог для вас Божия благословения”... Пусть даже красуется памятник славному нашему святому князю-просветителю Владимиру, высоко поднимающему св. крест над купелию Руси святой – старым Днепром: все это тени нашего славного прошлого, все это – поучение современных поколений “в лицах”, но все это так отзывается земным, что не следовало бы прилагать к угодникам Божиим, прославленным от Бога славою нетленною. Правда, и Владимир – Божий угодник, но он не монах, не святитель, а святителям и монахам мы еще не ставили памятников. Правда, в разных украшениях памятников, в виде деталей, как на памятнике тысячелетия Руси в Новгороде, и они есть, но ведь это – детали, а не главное, это подробности, а не целое... Во всех мирских памятниках сказывается как бы опасение: а ну – забудут люди этого человека?.. Отольем же ему возможно вечный памятник из металла: это надежнее будет... Но сердце русского человека не может и мысли допустить, чтобы оно забыло своих родных молитвенников пред Богом, угодников Божиих. Русский человек пойдет к их святым мощам, поклонится им в их нетленных останках, приобретет себе в дом их святую икону и станет с ними молитвенно бесе-

довать. А есть возможность, – и храм в честь их построит, имя сыну или дочери даст. Видеть же их статуи среди площади, хотя бы и той площади, которая видела их подвиги на пользу земли родной, едва ли он пожелает...

Скажут: тогда вы совсем не желаете памятников святым людям? Да, кстати: патриарх Гермоген еще и не прославлен...

Во-первых, не пора ли прославить нетленно и открыто почивающего в московском Успенском соборе святителя – священномученика за отечество Гермогена? Ведь в некоторых святцах XVIII века он называется уже святым. Во-вторых, я желал бы видеть памятник-храм, по меньшей мере – памятник-часовню в честь сих угодников Божиих. И представляется мне она в стиле древнерусских церквей, по внутренним стенам вся украшенная мозаиками из жизни и подвигов святителя Гермогена, преп. Дионисия Радонежского и – почему к ним не присоединить и подвиги Авраамия келаря Троицкого? Против входа – икона Гермогена и Дионисия с горящею пред нею лампадою. Наружные стены можно украсить также мозаикой, если русскому стилю претят барельефы. Все должно говорить сердцу русскому о подвигах их. Какая благодарная задача для наших родных художников, каковы В. М. Васнецов и А. Н. Померанцев! Если епархиальная власть найдет полезным в часовне поставить свечной ящик, то доход от свеч должен идти на распространение изданий строго православного и патриотического содержания, дабы самый памятник великих патриотов продолжал их святую деятельность среди народа Русского. В известные дни, в дни памяти угодников Божиих, из ближайшего Покровского собора должен быть к памятнику крестный ход для служения молебнов печальникам родной земли. Следует установить и панихиды о всех, за Веру Православную, за Царя и Отечество душу свою положивших во дни смут, как XVII, так и нашего века, за всех, подвигом добрым подвизавшихся в то время. Такой памятник будет по сердцу народу православному. К нему будут приходиться не любоваться только, не ради праздного любопытства, но и молиться, входить в общение с теми, о ком памятник сей говорит нашему сердцу. Пора нам перестать идти в хвосте за западными народами, пора быть самобытными хотя бы в том, что завещала нам родная старина. Тем, западным, позволительно ставить статуи и святым, и не святым людям: для них старый, отживший языческий греко-римский мир был не чужой; о нас, русских, сказать этого нельзя. Мы не знали греко-римской цивилизации: мы, можно сказать, как только появились на свет во всемирной истории, так и окрещены в святую нашу веру православную. Западные народы приняли христианство уже взрослыми, мы – младенцами... Взрослый уже становится неспособен так глубоко воспринимать новые идеалы духовных воззрений, как тот, кто воспринимает их с молоком матери. Я не говорю об избранниках Божиих, о тех гигантах духа, которые прославили историю Церкви от первых времен христианства: я разумею народные массы, народы Запада, как исторические личности. В отношении к памятникам именно так и было. Укажите хотя один пример во всей истории Церкви, когда бы Церковь в лице своих святых мужей благословила, одобрила, признала благоприятным постановку *мирских* памятников, кому бы то ни было из исторических деятелей? Римская Церковь, уклонившись в сторону мира, многое и усвоила заимствованное от мира.

Не лишним считаю кратко повторить здесь то, что писал я в “Душепоследнем Чтении” 14 лет тому назад.

Великий знаток нашей русской народной жизни и ее идеалов, Ф. М. Достоевский, говорит, что “наш народ живет идеей православия в полноте, хотя и не понимает ее отчетливо и научно. В сущности, в народе нашем все из нея одной, из этой идеи и исходит, по крайней мере, народ наш так хочет, всем сердцем хочет, чтобы все, что есть у него и что дают ему, из этой одной лишь идеи и исходило”... К сожалению, когда мы, в течение последних двух веков, из своего “окна” любовались на Европу и жадно учились у ней “цивилизации”, мы задом стояли к родной России и ее святому православию. Оттого и набрались оттуда привозных, часто самых дешевых понятий и воззрений без всякой их оценки, и спешили, как можно скорее,

применить их к своей жизни, чтобы похвалиться пред “ученою” Европою: вот-де мы какие умники!.. Но удивительное дело: старья, древнерусския воззрения, несмотря на все усилия их забыть, затереть, несмотря на старания наших “интеллигентов” подменить их привозными, крепко живут в нашей народной массе; при всей своей духовной красоте и возвышенности, по-видимому, для этой темной массы недоступных, они каким-то инстинктом передаются из рода в род, из поколения в поколение, и когда “интеллигент”, уверенный в высоте и истинности своих понятий, принятых им с Запада от “просвещенных” европейцев, развязно предлагает их русскому исконно православному простецу, то этот русский простец спокойно отвечает ему: “поди ты к Богу с своими затеями! Совсем не по душе оне нам русским людям”. Пусть наши “интеллигенты” говорят, что русское невежество не додумалось до таких прекрасных вещей, как художественные памятники великим людям: мы думаем совершенно напротив. Русский народ как великая историческая личность внутренним духовным своим инстинктом понимает вещи гораздо глубже, чем ученики Европы, от него отщепнувшиеся. Русский мужичок говорит: “Памятник ставят для того, чтобы не забыли, что жил на свете такой-то”. В самом деле: в слове “памятник”, как я сказал, уже не звучит ли опасение этого забвения?.. Угодникам Божиим, например, Преподобному Сергию, не ставили памятника-статуи, а попробуйте поставьте ему такой памятник, знаете ли, что скажет народ? Он скажет, что это – кошунство, профанация... Если он, по скромности своей, не говорит этого о памятнике князю Владимиру, то лишь потому, что в руках у князя крест, а поверьте: на памятник его никто не станет молиться, его удел – праздное, холодное любопытство толпы. Хорошо знал это русским православным сердцем святитель Киевский Филарет и потому в свое время протестовал против постановки памятника-статуи князю Владимиру и не постеснялся даже назвать этот памятник “идолом”.

В чем же дело? Почему Русский народ так холодно-безучастно смотрит на памятники-статуи? Ответ на это находим в книге Премудрости Соломоновой, гл. 14, ст. 14, – там сказано, что “памятники вошли в мир по человеческому тщеславию”. А это чувство – нехорошее, не христианское, нехорошо оно, когда живет в сердце человека, нехорошо, когда и другие питают его чем бы то ни было. Когда достоинства, заслуги, подвиги признаются другими как проявление в человеке даров Божиих, когда все это обращается во славу Божию, когда в человеке гениальном признается величие дара Божия, тогда тщеславию нет места, и прославляемый приемлет похвалы с глубоким смирением, относя их всецело к Божией благодати. А когда о Боге забывают, когда все приписывают человеку, по крайней мере молчат о Боге, хвалят только человека и его “гений” и этому гению, как природному свойству личности человеческой, ставят памятник, тогда уже является служение страсти человеческой, служение тщеславию, а это, по народному воззрению, да и по правде Божией, есть уже тонкое идолопоклонство... Мы, православные, в отношении к нашим ближним, как живым, так и почившим, должны неизменно руководиться златым правилом нашего Спасителя: *еже аще хотите, да творят вам человецы, и вы творите им такожде*. Примените это правило к памятникам, и ваша совесть скажет вам, что мирские памятники усопшим вовсе не нужны. Мы себе таких памятников по совести не пожелали бы, и усопшие, если бы их спросить, то же нам сказали бы. Но, может быть, памятники *нам* нужны? Да, нужны, но не памятники-статуи. И благочестие народное создает такие, в духе народном, и памятники. Это – памятники, дающие возможность входить с усопшими в непосредственное, живое общение в молитве, это – храмы Божии, часовни, обители... Понятно, почему покойный Государь-Праведник Александр III не пожелал на месте убиения своего родителя поставить простую часовню, а непременно – храм Божий: его добрая православная душа понимала все значение молитвы церковной и молитвы народной за душу Царя-Мученика в храме Божиим. Пусть будут создаемы памятники не столько лиц, сколько *событий*: это то же, что книги или повести о минувших судьбах родной земли. Волей-неволею приходится сделать уступку: пусть если уж завелись они на Руси, будут памятники и лицам

историческим, *не – святым* людям, и пусть они говорят не столько о лицах, сколько о тех великих идеях, носителями коих они были. Таков, например, и есть памятник Пожарского и Минина: как я уже сказал выше, он отводит мысль зрителя на заветные святыни Кремля, на которые и указывает нам Минин с своего пьедестала. А святым Божиим, каковы суть патриарх Гермоген и преподобный Радонежский чудотворец Дионисий, ставить статуи не подобает. И без таких памятников *память их в род и род*, потому что *в память, вечную будет праведник...*

№ 24–29

Христиане ли мы?

Вместо очередных дневников на темы по вопросам о текущих явлениях церковной, общественной и государственной жизни, хочу побеседовать с читателями “Троицкого Слова” на более тревожную тему: *христиане ли мы?* Ряд бесед на эту тему был предложен мною в доме одной почтенной ревнительницы Православной Церкви в Петербурге (слава Богу, еще есть такая и в малOVERном Петербурге); сущность их и предлагаю здесь, хотя эти размышления уже и изданы мною в виде книжки под названием: “Гд е же наше христианство?”.

I

Боюсь судить других, потому что боюсь суда для себя самого. Но не для того, чтобы судить, не для того, чтобы искать и карать виновных, а для того, чтобы все могли видеть воочию причину тех бедствий, которая обуревают нашу несчастную Русь, для того, чтобы услышали, наконец, те, кто еще имеет уши слышать, вот для чего наш пастырский долг властно повелевает нам, пастырям, беспощадно обличать зло, говорить Божию правду не только малым сим, но и сильным земли... Я уже слышу голос современных книжников и фарисеев: “Вот еще явился пророк-обличитель! Кто дал тебе на это право?” Слышу, но не смущаюсь: если мы, епископы, будем молчать, то от кого услышат истину люди Божии? Нам заповедано: настой, запрети, умоли, и мы должны это делать, как бы ни было слово наше горько, а вот те книжники и фарисеи, о коих я упомянул, те представители печати, которые самочинно, не будучи призваны, пишут обличения по адресу власть имущих – вот они-то и суть настоящие самозванцы...

Итак, смотрю я вокруг, и сердце сжимается болью. Страна наша величается православною, следовательно – в самом чистом значении слова – христианскою, а где оно – наше христианство? Куда ни помотришь – самое настоящее язычество! Какому богу не служит теперь русский человек? Один – золотому тельцу, другой – чреву, третий – своему ненасытному “я”. Простой народ пьянствует, полуобразованный – безбожничает, якобы “интеллигент” мудрит без конца... Все уклонишася, все непотребни быша! Ложь въелась до мозга костей в людей, которых хотели бы видеть “лучшими”. В нашей “Государственной Думе” с пафосом рассуждают об отмене смертной казни для тех извергов рода человеческого, которые беспощадно убивают невинных детей, издеваются, безчестят даже трупы несчастных девушек и всем этим похваляются, потеряв не только образ человеческий, но и скотский.. Вот об этих адских выходах у наших “законников” нежная забота, для них, видите ли, надо отменить смертную казнь: пусть себе сидят в теплом казенном помещении и едят народный хлеб, пока не убегут, чтобы дорезывать других. Ну а вот если один член сей человеколюбивой Думы оскорбит словом, только одним, невежливым словом другого – на казнь его, на смертную казнь!!! Ведь что такое поединок, как не смертная казнь одного из участников поединка? Что это, как не дикая расправа? Гд е же законы? Гд е человеколюбие? Где, наконец, то христианство, во имя коего эти лицемеры хотят отменить смертную казнь для злодеев? Кто решится назвать таких господ христианами? Не позор ли для Церкви считать их своими членами?

Вот – члены высшего государственного учреждения. Идет речь: когда на значить заседание? И назначают в самый канун Сретения Господня в 8 с половиной часов вечера. Духовенство протестует. “А почему же нельзя? Ах, мы забыли...” Скажите: что это – христиане? Это – православные? Они и великих праздников Господних не помнят: до того ли им, чтобы помнить средние или в честь святых Божиих?

Впрочем— помнят: Новый год, это – величайший у них праздник. Почему? Конечно, потому, что в полночь на этот день они совершают возлияние тому богу, коему служат с особым усердием всю свою жизнь. Скажите: христиане это?

II

Под праздник идет в театре кощунственная пьеса. Со страхом верующий помышляет: сохрани Бог – за такое кощунство обрушится театр и похоронит несчастных зрителей, которые привели сюда – увы! – даже деток своих... А зрители благодушествуют, участвуют в кощунстве. Опять скажите: да неужели можно назвать их христианами?

Скажут: зачем же разрешают?

Нет, скажи мне ты, именующий себя православным: зачем ты-то идешь в театр? Не столь виновен тот, кто соблазняет тебя: он делает *свое* дело – потеряв совесть, он наживает себе деньги; начальство не препятствует ему в том, ибо полагает, что ты – не дитя и тебя ведь никто не тащит в театр насильно, чего доброго, пожалуй, ты еще будешь роптать, если запретить театр, хотя и следовало бы запретить. Но я спрашиваю тебя: где твоя-то совесть, если ты христианин? Да разве христиане не могут, если только захотят, сделать все театры пустыми? Стоит им только твердо сказать: “не пойдём!”, и театры опустеют. Но театры полны: где же христианство?

То же – с печатью. Жалуемся, что задушила нас грязная, порнографическая литература, что отравляет нас иудейско-масонская печать. Кто же виноват? Иудеи и масоны, опять скажу, делают свое дело – отравляют нас, подрываются под самые основы нашего государства, нашей Церкви. Но, господи, ведь, они не могут же навязывать нам своих книжек, своих газет насильно; ведь можем же мы с негодованием отвращаться от этой отравы: кто же виноват, что мы отравляемся? Кто же мешает православным русским людям согласиться в руки не брать ни одного иудейского листка, не подписываться ни на одну вредную газету? Ведь если бы мы в самом деле дорожили святынями православия, если бы ревновали о славе имени Христова, то не посмел бы ни один враг христианства проникнуть в нашу среду, ни один листок, ни одна газета не нашла бы себе читателя среди нас. Но этого нет; безбожная литература свободно гуляет не только среди легкомысленной молодежи, но и среди людей степенных, пожилых, которым, казалось бы, если они христиане, было и грешно, и стыдно брать в руки такую дрянь. Иудейские газеты распространяются сотнями тысяч экземпляров, безбожные книжонки выдерживают по несколько изданий, их читают, создают около себя губительную атмосферу мысли, задыхаются в ней и жалуются еще: жить тяжело! Дышать нечем!.. Да и поделом: оставили источник воды живой – благодатной, учение Христа Спасителя и Его Церкви, отравляетесь мутию всяческих лжеучений, становитесь бессознательно язычниками в своем мирозерцании: кто же виноват? Где ваше христианство? Пойдем дальше.

III

Кому неизвестно, чем отличились наши учебные заведения – средние и высшие – в последние годы? Кто там учит? Много ли там оказалось педагогов-христиан, твердых, крепких в вере, готовых на все ради Христа? Увы, если и были немногие, то им пришлось перенести чуть ли не мученичество от сведенной с ума молодежи. А где ж были родители учащихся? Почему они не заступились? Да странно было и говорить о таком заступничестве: вот именно родители-то, в огромном большинстве, и оказались на стороне развратителей их детей, они-то и травили немногих наставников, не преклонивших колена пред современным Ваалом безбожия и безначалия. Что ж, ужели можно назвать таких отцов и матерей – увы! – были и *матери*

в числе сих травителей! Неужели, говорю, можно, не оскорбляя христианства, назвать их христианами?! До чего мы дошли! До какого позора пред всем миром христианским!..

Но и этого мало: мало было разращения средней и высшей школы. Оно спустилось и в низшую – народную. И сюда направились толпы ни во что не верующих, никаких авторитетов не признающих учителей и учительниц, чтоб разращать души малых сих, младенцев в вере – детей народа. С изумлением смотрел народ на то, что творится в его школах. Ко мне лично приходили простые мужички и плакали, рассказывая о том, что возмущало их душу. Наши протесты, протесты даже повыше нас стоящих иерархов Церкви Христовой, оставались без последствий. Приходилось одно: учить добрых крестьян забастовкам против таких учителей и учительниц, которые губили их детей. Это средство иногда действовало: учителей переводили, только *переводили*, а не удаляли совсем из народной школы. Зараза переносилась в другое место. А если не удаляли, то крестьяне, выведенные из терпения открытою пропагандою учителей, (бывали случаи) сами расправлялись – секли негодных учителей. Знаю два случая с учительницами и могу сказать, что это средство оказывалось действительнее забастовки, ибо учительницы те улетучились в другую губернию. Та к вот что творилось – а кто поручится, что и теперь не творится? – в нашей народной школе. Немного переменялось с того времени и теперь. Еще в январе месяце пришлось читать официальное донесение священника, законоучителя земской школы, о том, что учитель дал ему пощечину – ни за что, ни про что. Еще писал мне один уездный отец наблюдатель, как один почтенный г. становой пристав на именнинном обеде поднял земскаго учителя за густую его шевелюру во время тоста за Государя Императора и продержал в стоячем положении, пока пели “многая лета”, потому что сей земский учитель не изволил добровольно встать во время тоста, показавшагося ему “несимпатичным”... Да, еще много и теперь – о, как много таких педагогов по селам и деревням Русской земли!

Вот в Москве в конце лета нынешняго 1910 года собирается большой съезд деятелей по народному образованию. Что-то не слышно, пригласят ли на него деятелей наших *церковных* школ. А таких школ на Руси побольше 4000, с 2 миллионами учащихся: казалось бы, стоило оказать внимание нашим деятелям, следовало бы выслушать их авторитетный голос... Но церковной школы для этого съезда будто не существует вовсе...

Та к вот и судите, и решите: в христианской ли земле мы живем? А ведь если бы мы были христиане, то просто не допустили бы у себя ничего подобного. Раз учитель (где бы то ни было – в средней или низшей школе) безбожник и мы это знаем, то ни одно дитя не пойдет в такую школу! Пусть г. учитель сидит без учеников! А учебному начальству – требование, именно требование, а не просьба – сменить безбожника-анархиста! Но, увы, я уже выше сказал: такому-то учителю везде и поддержка... Та к как же смеем мы называть себя христианами?!.

IV

В нашем законодательстве тоже не все здорово, не все строится по началам христианства. Возьмем хотя бы ту же народную школу. В последнее время много говорят о решении думской комиссии по народному образованию передать все церковныя школы в ведение Министерства Народнаго Просвещения. Во имя и ради чего? Говорят: надобно объединить все школы в одном специальном ведомстве. Так, но почему же начинают не с того конца? Почему ни слова не говорят об изъятии школ из всех других ведомств, ни малейшаго прикосновения к воспитанию души народной не имеющих, – ну, хотя бы железнодорожнаго? Почему хотят отнять народныя школы именно у Церкви-матери? Почему именно эти школы хотят извести измором – не давая на их строительныя нужды ни гроша, всячески сокращая на них кредиты, а главное – клеветца на них без зазрения совести? Ведь, чего-чего не говорят, чего не печатают о них! И слабы-то оне, и “духовно-сословны”, и народ-то к ним “безучастлив”, и духовенство-то ничего не

делает, и прочие безумные глаголы... Но ведь все это – самая безсовестная ложь! Ведь этого доказать никто не может! Но нашим “законодателям” дела нет до правды: им нужно во что бы то ни стало вырвать из рук духовенства это могучее средство воздействия на народ, лишить духовенство возможности воспитывать народ в духе Церкви, в заветах родной старины, поставить их “под педагогический надзор” и zemstva, и якобы Министерства, на самом же деле – гг. Родичевых, Милюковых и кого-то еще похуже... Эти господа уже позаботятся наполнить школы родными им по духу учителями, в роде тех, о коих я только что говорил. Ведь они всею душою ненавидят Церковь Христову, они стремятся к ее разрушению, к вытравлению заветов Христовых из народной души: Министерство тут – только ширма одна, а в zemstve у них всюду есть свои люди, которые сумеют свое дело сделать незаметно, постепенно, вливая яд каплю по капле, захватывая душу народную во исполнение завета гг. Писарева, Чернышевского и комп., заповедавших еще полсотни лет тому назад: “поймать таракана...” И особенно возмутительно то, что ведь эти радетели народного образования, ставящие “конфессиональность после интенсивной грамотности, арифметики, маленькой географии и маленькой истории родной страны” – последнее, конечно, с устранением всякаго упоминания о том, что составляет душу нашей истории, ея жизненный нерв, – все эти господа ведь именуют себя христианами, да еще – поди – едва ли не самыми идеальными христианами! Один из них ухитрился недавно с кафедры Государственного Совета бросить мне обвинение в атеизме за то, что по вопросу о свободе совести я в своей записке высказался в смысле недопущения полной свободы проповеди для сектантов и раскольников и вообще для иноверцев, ибо совесть раскольника иногда требует Царя называть антихристом, а Церковь вавилонскою блудницею... Вот каковы эти гг. “христиане”! Вот каковы наши “лучшие люди”, избранники якобы народа, наши законодатели! Они смеют прикрываться именем христиан, будучи на деле толстовцами! Толстовщина так глубоко пустила корни в нашу Государственную Думу, что кажется уже получила право гражданства во многих законах. Самое главное зло – это новый принцип: быть милосердее Самого Господа Бога к нераскаянным преступникам. Разве не из этого принципа вырос законопроект, например, об “условном” осуждении? Человек сделал преступление, и не думает раскаиваться в нем, а его уже прощают. Не говорите мне, что это не прощение, а условное осуждение: останется безнаказанным лишь тогда, если-де не повторит преступления, – он проще поймет, что “первая вина прощается”. Благо, такая пословица есть. Но пословица имеет не юридический, а нравственный смысл, она подразумевает раскаяние. Но и этого мало нашим толстовцам: они поднимают вопрос об отмене смертной казни. Господа! Да примите же во внимание, что нынешние преступники нередко сами себя казнят, но не каются – кончают самоубийством, но не открывают тайных пружин своего злодеяния. Хотя бы поставили вы условием, если приносит искреннее раскаяние, смертная казнь-де заменяется гражданской смертью так или иначе. Если вы веруете в вечную правду Божию, то не идите же ей наперекор! Господь простил разбойника на кресте только одного – покаявшегося. Да и то – простил, рай обещал, а от креста не освободил. И сам покаявшийся разбойник о снятии со креста не просил, он покорно умер на кресте. Господь пошлет грешников на страшном суде Своем в муки вечныя, правда, не им, а диаволу и аггелам его уготованная, а все же внимайте, как грозен будет суд Его на грешников. Та к ужели вы хотите быть милосердее Его – воплощенного милосердия? Но с сими господами говорить бесполезно: разве они говорят искренно? Они ведь только закрываются лоскутками, вырванными из Евангелия, а в целом его не хотят читать, что им до Христова учения? Им бы только смутить совесть в простых верующих: разве это – христиане?..

V

В так называемом “большом свете” у людей, считающих себя образованными, просвещенными, теперь завелся обычай устраивать балы и вечера под праздники. В церквах идет

всенощное, а у них съезжаются гости на бал. Молодежь танцует, проще говоря – пляшет в те святые часы, в которые православные хвалят имя Господне. И идет бал до 5–6 часов утра, вот так всенощная! И спят во время литургии, проплясав всенощную... С болью сердца пишу эти строки: знаю лично таких, даже православных, даже – хотелось бы сказать – благочестивых, но вот подите же, и у этих верующих душ недостает мужества восстать против такого богохульного обычая! Знаю таких, которые стараются, для очищения совести, отстоять пред своим балом коротенькую всенощную, понуждают себя, легши в постель в 5 час. утра, встать в 9, чтобы по требованию православной совести быть и у обедни: воистину подвиг, но – разумный ли? Нужен ли он? Ведь это пусть мне простят эти добрые христиане, это – служение двум господам, а не подвиг... Это мученичество не ради Христа, а ради мира и князя его (Ин. 16, 11). И тем оно грешнее, что детки-то таких подвижников уже не в силах нести подобный подвиг: они после бала спокойно спят до полудня, и в храме Божиим их не видно, и святых впечатлений их души не переживают, и растут они, бедные, вне церковных благодатных веяний... О, хоть бы их-то пожалели!..

Но мир беспощадно суров в своих требованиях. Еще борются в своей совести люди старые, воспитанные под благотворными веяниями добраго старого времени; а помоложе, а полиберальнее – уже со спокойной совестью меняют богослужение на бал, Христа на Велиара.

Зараза идет глубже и дальше. Сатана в лице своих слуг становится все наглее; и не удивительно: ни откуда ему отпора нет, даже верующие стыдятся открыто стать на сторону Христа, отчего же ему не командовать над неверующими? Ведь это – его союзники, они сами рады идти ему на службу. И вот он командует (беру прямо факт) в прошлом году, в самый праздник Входа Господня во Иерусалим, или Вербное воскресенье, в некоторых высших учебных заведениях в Петербурге были экзамены... Не чернилами, горькими слезами писала мне одна благочестивая мать, что ея детей заставили профессора пойти в этот день на экзамен, но идти надо, иначе в другой класс не переведут... Вот к чему ведет наше равнодушие, наша теплопрохладность в вопросах веры! Я уже не говорю об открытых врагах веры, об этих безбожниках-профессорах: христиане ли они? Вероятно, они сочли бы подобный вопрос оскорблением: “отстань-де ты с своим христианством-то”, – нет, я спрашиваю вот этих родителей, которые сами идут и детей ведут на бал в вечер субботний, свитающие во едину от суббот (часы священные! часы всемирной радости!): станьте в совести своей пред лицом Божиим, воззрите в благоговении на святое Христово Евангелие, на тот крест, который орошен Его пречистою кровию за грехи наши, вы, именующие себя христианами, вы, не желающие отречься от сего святейшаго звания, скажите мне: христиане ли вы? Не бойтесь сознаться в том, в чем обличит вас совесть ваша, не оправдывайте себя, не допускайте и мысли оправдания: суд Божий – не суд человеческий, а вы стоите на суде Божиим! Верьте, что как только вы изречете над собою приговор, вы почувствуете в себе прилив мужества: вы тут же дадите себе слово никогда больше не посещать ни театра, ни бала накануне праздников; вы почувствуете в себе силы не только сдержать свое слово, но и привить себе благодатную привычку бывать в эти часы в храме Божиим, а затем (таково свойство духовной жизни) – затем вы ощутите в себе потребность и непреодолимое влечение слушаться совести, в которой будет говорить ваш Ангел-Хранитель, слушаться Христа, поручившего дело вашего спасения Церкви, а следовательно, слушаться матери-Церкви... А раз вы обратитесь к сей благодатной матери – она укажет вам путь духовного обновления, откроет пред вашими очами иной мир, мир, дотоле, может быть, вам еще неведомый, и начнется иная, не только разумная, но и достойная богоподобного существа жизнь... Так, – кто знает? – может быть, совершится Божией благодатью переворот, начавшись с отречения от мирского обычая, и из этого отречения, этого малого некоего подвига во имя Христово и силою Христовою (опытом теперь видите, что и сего малого дела без Его помощи вы не в силах сделать), произрастет велие древо – ваш внутренний человек в вас воскреснет, станет расти, над

вами откроется духовное небо, и вы ощутите в себе зачатки того царствия, которое, по слову Христову, внутри нас есть...

VI

Есть порок, о котором мы, пастыри, как-то стесняемся много говорить: думается, что у всякаго совесть есть, что она, совесть, не молчит же, обличает этот порок, что есть у людей стыд, который, естественно, побуждает людей укрывать его от посторонних глаз: не довольно ли этого? Но, может быть, именно в силу такого нашего излишне снисходительного суждения, порок этот растет, постепенно заглушает чувство стыда, а затем заставляет молчать и совесть... Порок становится обычным явлением жизни, на него привыкают смотреть как на что-то простительное, как на слабость: ведь “все”, – ну, не все, но почти все – им заражены, ведь это – личное дело каждого, за кем греха не водится?.. И мы закрываем глаза, боимся делать даже намек согрешающему брату. Даже мы, пастыри, знаем этот порок, но будто не замечаем его... Вы знаете, о чем я говорю: это – похоть плоти во всех ея проявлениях! Высшие сановники, руководители юношества, гг. ученые профессора, представители искусства и литературы, промышленности и торговли, простые ремесленники, прислуга, солдаты, извозчики – да кто не повинен, в той или иной степени, в этом грехе? Простой деревенский люд грешит естественно: блудит, прелюбодействует, грех грехом еще называет, а городской обыватель греха уже не хочет знать: чем выше стоит он на лестнице общественного положения, тем меньше тревожит его совесть: одни меняют себе жен и наложниц чуть не каждый год, другие отбивают их друг у друга, богачи не стыдятся иметь по несколько “содержанок”, даже богатые дамы “содержат” молодых людей для разврата. Спросите духовников: – они обязаны строго хранить тайну исповеди, отнюдь не называть имена кающихся, не указывать мест, где творился грех, но свои общия наблюдения за нравами могут высказать; спросите их, и вы услышите такие жалобы, такие стоны души, и именно по поводу вот этих тяжких плотских грехов, что страшно становится за человечество, и невольно приходит на память страшный приговор неумолимого суда Божия на допотопных грешников: и воззрел Господь на род человеческий, и увидел, что люди стали плотью... Все погрязли в грехе плоти, все стремятся служить плоти, только плоти... И в наше время много ли избранников благодати, не осквернивших себя похотью плоти хотя бы только в мыслях, в пожеланиях?.. Где они, эти во плоти ангелы? Один почтенный старец-духовник говорил мне, что он каждый раз после исповеди целая сутки не может себя успокоить душою, страшно страдая за исповедников... Приходится слышать о таких грехах, о таких мерзостях, каких и не могло себе представить его воображение. Человек не только уподобляется скотам несмысленным, но и превосходит их. И что особенно страшно: зараза идет с молодежи, которую мы привыкли называть нашею надеждой. Молодежь до того распустилась, что большинство ея физически истощено, заражено омерзительными болезнями, открыто ходят в дома свиданий, устраивают тайные общества “огарков”; распутство растет, печатный станок дает ему обильную пищу... Полюбуйтесь вот, какие выходят теперь книжки, – вот, например, объявленьице из большой петербургской газеты, считающейся едва ли не самую порядочною газетой и читаемой всеми высоко поставленными лицами: “!! В вихре наслаждений!!! Записки массажистки... Пикантные рассказы из интимной жизни современного Парижа. Книга рисует в ярких красках картину полового извращения во всех видах...” Вы скажете: да ведь это – учебник разврата, распутства, это – Бог знает, какая мерзость!! Да, все это правда. И все это разрешается... во имя свободы печати!! Ужас берет, когда подумаешь: если это возможно и допустимо, то что же не допустимо?.. Разве одно только: нельзя безнаказанно бранить премьер-министра? Но, кажется, и это иногда допускается... А уж богохульство-то является самым заурядным явлением. Та к скажите же ради Бога: ужели можно нашу страну назвать христианскою, а нас – христианами?

Воистину, имя Божие хулится чрез нас у каких-нибудь язычников – детей природы, и они, указывая на нас, говорят: “Где же светлый Бог вот у этих православных?”.

VII

Смотрю я на мир промышленный... Купцы, ремесленники, фабричные... Как в котле, кипит их жизнь. У каждого своя забота, своя работа. Одних гонит нужда, потребность насущного хлеба, других – корысть, жажда богатства... Но у всех – одно на уме: деньги... И те и другие в своих заботах, в своей суете не знают меры и границ. Богатому хочется быть еще богаче, и не удовлетворится он, аще и весь мир приобретает; бедному труженнику хочется, чтоб сыта была его семья, чтобы была она всем довольна, чтоб дети не нуждались так, как нуждается отец; а затем – отец мечтает отложить копеечку на черный день, а там – доставить себе удовольствие... И все, говорю, сводится к тому же знаменателю – деньгам. Многие ли помнят, зачем они живут на свете? А превратившись в духовном отношении в какая-то машины, и те и другие забыли, что они не животные, не машины, что есть вечная жизнь, для которой эта временная есть только некая школа, преддверье, один миг. Все это возвестил нам наш Спаситель и не только возвестил, но и трогательно зовет туда, в эту блаженную вечность, зовет, и руку простирает, и помощь обещает, да и все препятствия устраняет с пути. Знает Он, Всеведущий и Милосердый, что и хлеб нам насущный нужен, и говорит: просите, и дастся вам; молитесь: Отче наш, хлеб наш насущный даждь нам днесь... и будете услышаны... Но ищите прежде всего царствия Божия и правды его и сия вся – все, что вам потребно, без чего жить не можете на земле, – все будет вам дано в придачу к тому единому на потребу – царствию Божию... Казалось бы, что еще нужно христианину? Чего ему недостает? Опыт показывает, что Христос Спаситель верен слову Своему: чудо умножения хлебов совершается Им на наших глазах постоянно. Посмотрите на бедняка, трудящегося не ради прибытка, а ради исполнения заповеди Божией, трудящегося и от своих трудов праведных ради Бога с ближним делящегося: нет у него ни капиталов, ни богатств, но зато с ним всегда милость Божия, он всегда сыт и доволен, и семья его видимо Богом благословляется: дети его радуют учеьем и поведением, выходят в люди и готовят ему спокойную старость... Казалось бы, для тех, кто считает себя христианином, в ком не погас еще луч веры, такой пример – лучшее побуждение к подражанию, к ободрению унывающего духа, а для тех, кого Бог наделил излишком, – какой простор жить для Бога и ближнего! Сколько можно сделать добра! Как можно украсить, сделать поистине счастливою счастьем ближнего свою жизнь! Ведь нет легче заповеди о милосердии, и нет добродетели, которая так скоро и так могущественно могла бы преображать наше сердце, делая его милующим, как добродетель милосердия. Господь и на страшном суде Своем будет судить именно по этой добродетели, и потому-то и будет сей суд столь строг, а грешник на нем столь безответен, что добродетель милосердия так свойственна сердцу человеческому, так сродна ему, мила, любезна и доступна, как никакая другая... Вы, еще не отрeksiиесе Христа, еще именующие себя Его святым именем, вы, христиане! Оставайтесь хоть на минуту наедине с самими собою, загляните, при свете Христова учения, в свою совесть... не бойтесь, люди не увидят вас, ради Бога не лицемерьте: ведь Бога не обманешь; если верите еще в Бога, то вот и скажите себе перед Богом всю правду о самих себе: христиане ли вы? Не на словах, а по совести, на деле скажите, не обманывая самих себя... Христианин ли ты, поденный труженик, не знающий для себя отдыха в непрерывной почти работе! Подумай: отчего так унывает твой дух? Откуда эта по временам такая безысходная тоска? Отчего не спорится у тебя и работа? Не покладаешь ты, кажется, рук, а дело у тебя будто уходит из-под рук. Я не говорю о тех несчастных, которые заливают свое горе вином; я к тебе обращаюсь, честный труженик: чего недостает тебе для полного счастья? Знаю, ты скажешь: средств к жизни мало, недостаток одолел. Так, но в том-то и дело, что ты сам не видишь, почему как будто нет Божия благословения на

твоим труде. Я помогу тебе решить этот вопрос, если ты только в Бога веруешь, если в совести своей лукавить не будешь. Прежде всего, спроси самого себя: так ли ты трудишься, как Бог заповедал? Не для того ли только, чтоб побольше денег достать да семью прокормить? Ты скажешь мне: а то для чего ж? Друг мой, если хочешь, чтоб на твоём труде почивало Божие благословение, то надо трудиться во исполнение Божией заповеди, а не ради корысти: заповедано нам: в поте лица твоего снеси хлеб твой – это первое. Если ты это постоянно себе повторяешь, если говоришь себе: “Бог велел мне трудиться, потому и тружусь”, то ты – Божий послушник и в своём труде Божие дело творишь, а не житейское только, для Божия царствия трудишься, а не для хлеба только насущного. Второе: надобно помнить всегда, что без Божией помощи мы ничего не сможем сделать: *Без Мене*, говорит Христос, *не можете творити ничегоже*. А чтоб помощь сия пришла к тебе, надо и приступая к труду, и продолжая его, и кончая, Богу молиться. Скажи мне: вот стоишь ты за станком, руки твои работают, а ум твой чем занят? Кто мешает тебе, хоть от времени до времени, ум свой к Богу с молитвою обращать, краткую молитовку творить? Пусть никто не видит этой внутренней сердечной твоей молитвы, а Бог-то все видит, все слышит и невидимо благословит твой труд. И будет твой труд Богу угодным делом во славу святого имени Его, и почует на нем Божие благословение, и легко будет тебе трудиться, и во всем будет тебе добрый успех. Есть еще и третье средство привлекать себе Божие благословение: это – надо с Богом делиться от трудов своих праведных. Положи себе за правило: отлагать с каждого рубля на первое время по копейке на добрые дела: Богу на свечечку, нищему или бедняку на помощь, сироткам на хлеб, на рубашечку... Не нуждается Бог в нашем содействии Ему: силен Он и без нас голодных напитать, сироток пристроить, одеть и обуть; но Он хочет и нас делать участниками Своих благоденствий людям; Он хочет являть Свои милости – чрез нас, дабы сделать нас Своими верными слугами, Своими поверенными здесь на земле: не великое ли это счастье? Поделись же с Богом своею трудовой копейкой. Беден ты, много дать не можешь, а вот эту-то *Божью копейку* непременно Богу отдай: поверь, она вернется к тебе целым рублем! У Бога уж такой закон: Он ни у кого в долгу никогда не остается. Не велика сумма копейка, а смотришь, Ангел Божий счет подведет, и щедро Господь тебе за все оплатит. Надо же, надо, брат мой возлюбленный, понуждать себя к исполнению хотя бы вот таких не трудных заповедей, как заповедь о милосердии. Ведь без этого душа наша мертва – не живет тою жизнью, к какой призвал нас Господь. Что же в том удивительного, что мы и не знаем этой жизни, не знает наше сердце этой радости во Христе Спасителе нашем, и тоскует наша бедная, голодная душа?! Ведь она по природе своей христианка; ведь она сотворена не для этой краткой земной, суетной жизни: она создана для вечной радости у Бога; как же ей не тосковать, не стремиться к чему-то такому, чего не найдешь на земле? Начни жить по-Божьи, храни свою совесть, трудись для Бога, делись с Богом от трудов, очищай свою совесть святыми таинствами Церкви, не пропускай ни одного праздника, не посетив храма Божия, и ты ощутишь в себе новые силы, почувствуешь, что началась другая жизнь, дотоле тебе незнакомая, и ты поймешь, что ты только теперь стал христианином, а доселе только именовался им, а на деле еще не знал, что такое христианин... Счастья тебе желаю, дорогой собрат, не от себя говорю тебе, а от имени Церкви-матери нашей благодатной, от имени Самого Христа – вот от имени Кого путь к счастью тебе показую!

VIII

Теперь обращаюсь к тебе, состоятельный русский человек, – купец, фабрикант, промышленник, тебя спрашиваю: христианин ли ты? Не к тем богачам я слово мое обращаю, о коих говорит псалмопевец: *увь, утолсте, расшире, забы Бога, спасающаго его* – хотя, о, как рад я был бы, если бы кто-либо и из них преклонил ухо свое к моему смиренному пастырскому слову, – но теперь я говорю тому, кто считает себя православным христианином... Брат воз-

любленный! Проверь и ты свою совесть! Лучше самому, став пред Богом, обнажить язвы души своей, чем стать пред лицом всех ангелов, всех святых Божиих и всего рода человеческого, и быть обнажену пред грозным Судиею мира... Ради Бога – не обманывай себя – пожалей себя! Вспомни, что ничего с собою в могилу не возьмешь, вспомни, что ты, в сущности, не хозяин, а только приставник на земле Божия достояния. И должен отдать отчет о приставлении домовнем. Твой Домовладыка есть Христос, искупивший тебя кровию Своею. Он поручил тебе все, что имеешь, что Он посылает тебе. Своего у тебя ничего нет. Если ты считаешь себя христианином, то ты должен согласиться со мною в этом. Вспомни того богача, которому Бог сказал: *безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси – кому будут?!* Прислушайся в тиши уединения, не говорит ли и тебе твоя совесть: вот и ты копишь злато на злато, капитал на капитал: что же, будет ли когда-нибудь конец этому скоплению? Знаю, что душа человеческая меры не знает в своих стремлениях: но ведь вот эта-то ненасытимость и доказывает, что не тем ты ее насыщаешь, чем должно... Она жаждет вечного, а ты питаешь ее временным, она ищет нетленного, а ты подносишь ей тленное, она ищет Бога, а ты влечешь ее к твари гибнущей... Нет, ничем тебе ее не насытит из земных благ, хотя бы всем миром ты овладел! И чем больше ты будешь приобретать, тем сильнее будет эта жажда. Как соленой водой жажды не утолить, так земными благами души не насытить. Вот настанет час твоей смерти: тоскующая, неудовлетворенная душа будет искать себе отрады, утешения в прошлой жизни, но увы! ничего не увидит позади себя, кроме груды холодного металла, который будет для нея то же, что прах земной... А сколько можно бы сделать добра при помощи этого металла! Какую светлую радостью сияла бы душа, если бы вместо этого праха-металла она увидела вдов и сирот, тобою утешенных и облагодетельствованных, увидела храмы Божии, тобою украшенные, увидела все то добро, какое по внушению твоей совести сделал ты в продолжение своей жизни, употребив Богом тебе ниспосланное достояние на это добро! И возрадовались бы сему ангелы Божии и отнесли бы твою душу туда же, куда отнесли они душу бедного Лазаря – на лоно праотца Авраама! И услышал бы ты глас Небесного Домовладыки: *вниди, рабе благий и верный, в радость Господа твоего: о мяле был еси верен, в ничтожном и земном ты оказался верным – над многим тя поставлю, соделаю тебя участником Моего царства небесного!*

Брат мой возлюбленный! Оторвись хоть на минуту от суеты, тебя поработающей, войди в хранину души твоей, останься там один, сам с собою наедине, представь себе, что наступает, что вот уже наступил последний день и приближается последний час твоего земного странствования... Что бы ты сделал в этот страшный последний час? Жизнь кончена, зовут туда, откуда нет возврата, а там потребуют строгаго нелицеприятнаго отчета. Нагим ты пришел сюда на землю, почти нагим – лишь в погребальных пеленах, хочешь ли, не хочешь ли, а должен отойти туда. Ничего-ничего с собою не возьмешь. Все здесь же останется... Что бы ты сделал тогда?.. Конечно, ты готов бы был все отдать до последней копейки первому встречному бедняку, только бы не связывало тебя твое богатство здесь в совести твоей, не тянуло бы оно тебя к земле. Та к вот и подумай теперь: не лучше ли, пока еще есть время, пока ты живешь на свете, благоразумно употреблять избытки своего достояния по Божью указанию, как заповедует Господь в Евангелии и в святом Слове Своем? Понудь же себя хоть немного, начни исполнение заповеди Божией, сделай первый шаг и ты почувствуешь, что в тебе, в твоём дотоле холодном сердце как будто вспыхнула светлая искорка Божия, душа твоя увидела просвет, и ты начинаешь понимать, что такое добро, как оно животворно, как близко к тебе счастье, о коем и говорит Господь: *царствие небесное внутрь вас есть...* Ты тут только познаешь, что такое истинный православный христианин, увидишь, что ты доселе был только по имени христианин, а теперь, только теперь ты сделал для себя самого великое открытие...

IX

Есть еще великая скорбь сердцу пастырскому, есть позорный порок и у богатых и у бедных людей, порок, лишаящий и тех и других Божия благословения. Это – недостаток честности, совестливости или проще – добросовестности. Ложь, обман у нас редко считают за грех. Правда, на словах в этом сознаются, но на деле этот порок обычное явление. Спаситель сказал, что отец лжи – диавол; а вот какой-то сын диавола, может быть, один из тех, о коих говорит Господь в Евангелии от Иоанна, выдумал пословицу: “Не обманешь – не продашь”, и гуляет она по Русской земле среди людей торгового мира. Другой придумал другую пословицу: “От трудов праведных не наживешь палат каменных”, и повторяют ее те, которые трудами рук своих приобретают себе хлеб насущный. Третий кощунник взял слова пророка Давида: “ложь конь во спасение” – не надежен конь для спасения, – и переделал их по-своему: “ложь во спасение”... И вот купец торгует и обманывает, рабочий и ремесленник делают чужое дело и не думают о его прочности, чистоте, добросовестности; чиновник служит и хитрит, торгует своею совестью... И все они только и думают, как бы провести день до вечера. И до того въелась эта нечестность в нашу среду, что сложилось даже как бы присловие: “А кто ныне не подлец”? Как же после этого не спрашивать с болью в душе: да где ныне христиане у нас, в православном Русском государстве?..

Что же? Ужели так тому и впредь быть? Ужели ложь, обман, подлость, хитрость – все эти мерзости и впредь будут сквернить нашу родную землю, лишая ее Божия благословения? Так уж не честнее ли будет совсем отречься от Христа? Ведь есть же теперь где-то на Урале секта сатанистов; вот и запишитесь, русские люди, в эту секту: это вам будет более к лицу! Слышите, что глаголет Христос: “что Мя глашаете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?! Идите от Мене, не вем вас!”...

Больно писать эти строки. Но всмотритесь в жизнь. Вот ищут в городе “честнаго” дворника, прислугу, рабочего и берут татарина. Почему? Да русские “очень пьют”... Не больно ли это? Не позорно ли? Нужен мастер, артельщик, приказчик – смотришь, взяли немца, чухонца, – они, видите ли, толковее русских. Русские на руку нечисты, неисполнительны, ленивы... Да неужели все таковы? О, конечно, нет, но трудно найти, но большинство ненадежно, и рад бы русскому кусок хлеба дать, как своему родному, а возьмешь, говорят, и не рад будешь, раскаиваться придется. Рассказывал мне покойный протоиерей Иоанн Григорьевич Наумович, известный миссионер и издатель народных книжек: “Если найдется немец-рабочий – ему можно смело поручить всякое дело: честно выполнит и не нужно за ним смотреть. Если вы увидите немца-работника на хозяйском поле и спросите его о чем-нибудь, то он ответит вам на вопрос коротко, не прерывая работы; а если вздумаете отвлечь его от дела разговором, он вам скажет: “Я нанимался работать, а не разговаривать”. Та к ли поступают наши русские работники? Заговорите с таким в отсутствие хозяина, и он будет рад с вами беседовать хоть целый час. А работа будет стоять... Скажите по-совести: честно ли это? По духу ли истинного христианства?.. И это, к несчастью, повсюду: недаром же хозяева фабрик и заводов предпочитают всяких инородцев, не исключая даже иудеев, своим русским рабочим, особенно на окраинах России...

Та же нечестность, то же “несовестливое” отношение к делу, к чужому достоянию, замечается у нас и в торговле: “не обманешь – не продашь”, а если продашь, то барыша не получишь – это повсюду. Извозчик запрашивает с вас 70 копеек и везет, после переговоров, за 40 копеек; скажите – честно ли он поступает? Ведь он покушается обмануть вас, взять с вас вдвое против того, что может взять, и несколько ему не стыдно: таков обычай. Но ведь этот обычай – скажем прямо – безсовестный! Торговец запрашивает с вас рубль и отдает за полтину, а иногда и дешевле: честно ли это? По-христиански ли? Мужичок продает на базаре сено: и в

сено, для веса, подсыпает песок; а если продает сено не на вес, а возом, то делает воз пустой; баба вливает в молоко воду, подмешивает мел, в масло иногда кладет камень... да всего и не перечтешь: так многообразно проявляется бесовская наша, с которою сравнится разве только бесовская иудеев. Не позорно ли это? Не обидно ли для нас, пастырей православной Церкви? Что мы скажем, в оправдание своих чад духовных, иноверцам, сектантам, тем же иудеям, бросающим в глаза упреки: “Вот ваши православные что делают! Им-де нельзя ничего доверить: все испортят, подменят, сделают кое-как!.. Как будто Церковь православная учит такой бесовскости! Как будто она одобряет или хотя снисходит ей! Ведь воистину имя Церкви Божией хуляется за нечестность и бесовскость нашу! И вот что горько: наши же православные нередко смущаются такими упреками и, уходя в ереси, оправдывают себя тем, что там живут и честнее, и трезвее... Вот до чего мы дожили в нерадении нашем! Вот – наше христианство!

Х

Теперь посмотрим поближе на наши добрые дела: все ли их можно назвать христианскими?

Вот богатый человек строит колокольню, отликает колокол, золотит главы... Кто смеет сказать, что он делает не доброе дело?

Однако же, по долгу пастыря Церкви, я должен предостеречь такого благотворителя от искушения. Ведь может случиться что он-то будет уверен в себе, что за такое доброе дело ему уготована награда на небесах, а между тем, на суде Божиим он услышит: “восприял еси благая твоя в животе твоём”... И прежде всего я спросил бы такого доброго человека: с кем он посоветовался, когда решался на свое “доброе” дело? Не своеволие ли это было? А может быть духовный отец, если только он знал о начинании своего духовного сына, и не давал ему совета непременно делать то, что задумал он? Вот и первое сомнение в чистоте этого доброго дела. Сын православной Церкви твердо должен помнить, что всякое доброе дело может быть и медницей, и серебром, и чистым золотом в очах Божиих. Если ты делаешь доброе дело без совета и благословения, если делаешь ради расчетов земных, ради тщеславия, ради наград, орденов и медалей, ради похвалы людской, то твое дело – медница, которою не стяжешь ты себе царствия Божия. Тебя хвалят, тебя прославляют люди: и довольно с тебя этих похвал, этой славы человеческой – не жди себе славы Божией! Нельзя служить и Богу и мамоне, своему грешному “я”. И все твое славное, по суду человеческого, дело много-много стоит медницы в очах Божиих, а, может быть, равняется и круглому нулю. Не и язычницы⁹ ли также творят, говорит Господь о таких добрых делах. А если так, то он теряет уже цену и христианской добродетели, и напрасно себя будет льстить человек, указывая другим на такие добрые дела...

Вот другой любитель благолепия храмов Божиих жертвует на позолоту крашеного иконостаса, делает серебряные ризы на святых иконы, жертвует на поминание родных, и все это, согласно заповеди Спасителя, – от имени неизвестного благотворителя. Это уже поистине доброе дело, исполняемое притом во смирении, как сказано: *да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя*. Но еще единого не докончил сей благотворитель: не отсек он воли своей, не положил ее вместе с даром своим к подножию креста Господня. Сего ради и его дело – еще только серебро, но не чистое золото в очах Божиих. Хочешь ли, о христианин, да будет оно чистым золотом пред Господом? Сие сотвори: вместе с твоим добрым намерением повергни к стопам распятого Господа и твое произволение; нет дара более приятного Господу, нас ради смирившемуся и Отцу Своему послушливому бывшему, даже до смерти, смерти же крестной, как наша воля, – это дражайший дар Творца Своему богоподобному созданию, эта наилучшая

⁹ Язычники. – (Ред.).

черта богоподобия Божия в нашей душе... Отдай же ее, как чистую жертву Господу, скажи в твоём сердце: “Господи! вот я хочу сделать такое-то доброе дело, но не знаю, угодно ли оно Тебе? Не хочу я, чтоб непременно мое желание исполнилось, хочу, чтоб Твоя святая воля сказалась, а я готов отречься от своей воли и исполнить то, что повелишь Ты... Скажи мне святую волю Твою чрез моего духовного отца, моего духовного друга, руководителя, к коему расположена душа моя. Если он одобрит мое начинание – слава Тебе: я приму его слово, как ответ на запрос души моей; если же подскажет мне другое доброе дело, паки – слава Тебе: готов исполнить сие, хотя бы оно и не по сердцу было моему ветхому человеку...” Та к молись, так ищи воли Божией, и верь: никогда Господь не откажет рабу Своему, вопрошающему Его о деле, Ему благоугодном! Ты увидишь, как станут располагаться самые обстоятельства, чтоб не твоя, а Божия воля исполнилась, увидишь, как и сердце твое какая-то дивная сила повлечет к исполнению Божией воли... И будет тогда, только тогда твое дело доброе – чистым золотом в очах Божиих.

Аще же не тако – то можно еще сомневаться: действительно ли ты поступаешь, как истинный Христов ученик, как истинный христианин?

XI

Из городов пойдем в самую глушь деревенскую. Посмотрим, что там творится у православных христиан в праздники, например, или когда справляются свадьбы, похороны, крестины... Нужно ли много говорить о том пьянстве, которое разливается рекою, о том распутстве и драках, какими сопровождается это пьянство? У кого из людей, ревнующих о Церкви, о родине, о славе Божией, не сжималось сердце болью, не выступали слезы горькой обиды, стыда, унижения за родной народ при виде всех этих безобразий? Какой-то пьяница придумал складное слово: “кто празднику рад, тот до свету пьян”, а наша деревня приняла это глупое, богохульное слово как бы за заповедь, и вот храмы Божии в праздники пусты, в них только дети, старики да женщины, а мужички, домохозяева, эти “труженики”, как они себя любят называть, они, с раннего утра, минуя храм Божий, пошли верст за пять и дальше – туда, где можно водки достать, где есть винная лавка, трактир, харчевня: там они будут справлять праздник... А к вечеру вернутся домой, принесут с собою живительной влаги, будут насильно поить детишек своих, несчастных жен, отцов стариков, матерей... Ведь все это – столь знакомы картины, что говорить о них, право же, не хочется! Но как и молчать? Ведь эти несчастные полагают, что они тоже “христиане”, что они в Бога веруют и вот – праздники помнят... Помнят!.. О, если бы они знали и помнили грозное слово Господа против такого празднования, возгремевшее устами великаго пророка Божия Исаии почти три тысячи лет назад: “Слушайте слово Господне: праздничных собраний ваших не могу терпеть: беззаконие – и празднование! Праздники ваши ненавидит душа Моя... ваши руки полны крови: омойтесь, очиститесь, удалите злыя деяния ваши от очей Моих, перестаньте делать зло, научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову... Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас, ибо уста Господни сие говорят!..” (Ис. гл. I). О, если бы эти словеса Господни постоянно звучали в ушах современных христиан! Если бы пастыри повторяли их непрестанно и в храме, и в домах верующих, и на площадях при молебствиях, и в вагонах, и на пароходах, в пути! Но – увы! Редко слышится об этом голос пастырей наших: они, видно, уже отчаялись в возможности что-либо сделать для прекращения пьянства народного в праздники, не говорю уже о тех несчастных, которые сами не отказываются принимать участие в таком богопротивном праздновании... И вот, смотрите, что творится на Руси: давно видели весь ужас такого празднования народом дней святых люди умные, задумались и пришли к заключению: во всем повинны праздники, надо их уничтожить! И составили законопроект, и внесли в законосоставительное учреждение

– Государственный Совет – сократить число праздников так, чтобы, с воскресными днями, их было не больше 66 или 67 в году. Не подумали эти люди умные, что ведь праздники-то сами по себе тут не при чем, что виноваты люди, извращающие смысл праздников, искажающие порядок их празднования; что если бы православные люди праздновали святые дни свято, так как учит Церковь, то ни пьянства бы не было, ни безпутства, напротив: праздники внесли бы благодатную, оживляющую духовную струю в народную жизнь, облагораживали бы народ, умножали бы добро на родной земле, ибо в праздники делать добро Сам Бог повелевает! Праздник – день Божий, и требует Господь, чтоб он посвящался на дела Божии, на молитву, благотворения, дела милосердия. Уж если писать законы, то надо бы такие законы писать, чтоб они полагали пределы пьянству в дни праздничные, а не уничтожали бы самой идеи праздников... Но, увы! Наши законосоставители посмотрели на дело глазами сынов века сего, с точки зрения экономии, и смелою рукою хотят зачеркнуть 25 праздников из тех, которые отмечены в законе. Я спрашиваю: христиане ли это? Дерзнут ли истинные сыны Церкви вторгаться в ея порядки и законоположения? Позволят ли себе умничать в явное нарушение повелений своей матери-Церкви? И не выше ли их стоят вот эти простецы-пьяницы, которые все же не противоречат Церкви в том, что праздник – день Божий, что отдавать его на дела житейския грешно, – словом: не зачеркивают праздников, не равняют их с будними днями в идее. Да, они оскорбляют их, оскорбляют Бога недостойным их празднованием; но ведь и это – грех невежества, грех, который они все же добродетелью не назовут по совести. А эти люди умные, просвещенные, ставшие на высотах законодательных, они-то что делают? И ведь не бессознательно: вопрошали власть церковную, получили ея мнение о своей затее, значит, нельзя сказать, что не ведают, что творят. Нет, они отлично знают, что нарушают уставы и каноны церковные, нарушают “скверного ради прибытка”, а не ради духовной пользы народа, они с пренебрежением относятся к Церкви Христовой, скажите же: кто это – христиане? И кто лучше, ближе к понятию христианина: те ли пьяницы, оскорбители праздников Господних, или сии современные – пусть они простят нас за резкое слово, – оно из Евангелия, – современные фарисеи?.. Пусть судит сие совесть православная христианская! А нам, пастырям, невольно приходит скорбная мысль: ужели у людей просвещенных, считающих себя христианами, до такой степени вытравлено понимание сути христианских понятий о праздниках, что они готовы даже в некоторые двенадцатые праздники, например, в Сретение Господне и Введение во храм Матери Божией, идти с спокойной совестью в канцелярии, лишь предварительно вычеркнув из табели эти дни? Они говорят, что работа будет производиться не утром, а с 12 часов дня, следовательно, кому угодно, может и в церковь сходить... Но разве можно говорить это серьезно? Кто же не знает немощей человеческих? И – скажем откровенно: такой законопроект мог появиться только под влиянием людей, чуждых Церкви и ея благодатных веяний, по мысли или тайному подкачку врагов Церкви, масонов, коих бессознательными слугами и явились начинатели такого законопроекта... А для нас, служителей Церкви, несомненно, что масонами руководит сам князь тьмы чрез своих верных слуг – врагов Христовых...

ХП

Так, вся наша жизнь полна лицемерия; самая добродетели наши часто под большим сомнением; невольно думается: а что если бы враги Христа стали нас подвергать пыткам, устояли бы мы или нет? Увы, на этот вопрос страшно даже отвечать... Судите сами: многие из нас боятся оградить себя крестным знаменем в общественном месте: ну какие же мы христиане? Многие боятся сказать открыто, что не могут пойти на бал в субботу вечером, ибо это – святое время: какие же это христиане? Их еще не подвергают пыткам, им грозит много-много шутовское прозвище “святоши” или “ханжи” – гораздо меньшая опасность, чем та, пред которою устранился Апостол Петр, когда отроковица некая осторожно спросила его: и ты был

с Иисусом Галилеянином?.. Мы боимся иудейской газеты больше, чем суда Божия! Это ли – ученики Христа?!

А что если бы среди нас вдруг явился пророк Божий Илия, этот беспощадный обличитель зла: что сказал бы он нам? Каким громом небесным прозвучало бы его грозное слово: доколе хромать вам на оба колена?! Если Ваал – мир – есть бог, то идите за ним; если же Христос, имя Котораго вы носите еще на себе, то за Ним и следуйте! Нельзя, никак нельзя служить и Богу и своей мамоне! Не обманывайте Господа Бога, а так как Бога не обманешь, то не обманывайте самих себя. Грядет Судия вселенной, и неумолим будет суд Его на лицемеров, прикрывавшихся Его святым именем. Опомнитесь, покайтесь!

А время пришествия сего грозного пророка близится. Слово Божие непреложно говорит, что он явится пред вторым пришествием Господа нашего Иисуса Христа, а время сие приближается. Мы не знаем ни дня, ни часа сего страшного, но своими грехами приближаем сей час. Ведь если грех покрывает всю землю, как водный потоп, если благодати Божией не будет места среди людей, то чего ради Господь будет отлагать суд Свой праведный? Для чего существовать еще миру грешному, если среди него не останется людей, способных к восприятию спасающей благодати?..

Со страхом и трепетом повторим словеса Господа, Судии живых и мертвых: “так говорит Аминь, свидетель верный и истинный: знаю твои дела; ты ни холоден, не горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих”! (Откр. 3, 14–16).

№ 30

Можно ли мечтать о плодах, не заботясь о семенах?

Еще в мае в газетах промелькнуло известие, что известный патриот о. протоиерей Восторгов поехал в Сибирь, между прочим, с целью наметить там места для будущих монастырей как центров духовно-просветительного и культурного воздействия на новоселов. От времени до времени телеграммы самого о. Восторгова извещали, что там-то он наметил три монастыря, в другом месте пять и так далее...

Следовательно, газетное известие имело для себя основание. Газеты говорили далее, что предполагено основать до 14-ти монастырей, а иные это число доводили до 45-ти. Говорили и то, что поручение это идет от главы правительства – г. министра внутренних дел...

Русская история – свидетельница того, какое благотворное значение в деле народного просвещения, в распространении культуры, в деле благотворения государственного имели и имеют доселе наши монастыри. Монахи-подвижники шли впереди в глухие непроходимые леса и дебри, строили там святые обители, а за ними тянулись поселяне, искавшие новых мест, и таким образом появлялись селения, посадки, насаждались начатки культурной жизни... Поэтому нельзя не приветствовать мысль – иметь побольше монастырей в нашей отдаленной Сибири именно теперь, когда в эту доселе малонаселенную область устремились волны переселенцев русских православных людей, которые не могут жить без святых обителей, где они привыкли черпать благодатные силы для духовной жизни. Русская душа тоскует, когда не видит вблизи себя храма Божия, когда не знает, что вот там, хотя бы за 200–300 верст, есть святая обитель, где она, православная душа, может отдохнуть, сложить бремя своих забот у родных святынь, получить совет в затруднении, утешение в скорби, войти в общение с небом... Удовлетворить этой насущной духовной потребности православного русского человека – есть прямой, неотложный долг тех, кто может, а потому и обязан это сделать.

Но приветствуя эту мысль, я, да и не я один, а со мною и многие сыны Православной Церкви, и особенно монашествующие, мы не можем не высказать своих недоумений и даже опасений по поводу того, что говорят газеты о способах осуществления сей мысли. И прежде всего, как-то поражает нас эта в некотором роде таинственность, какую окружено все это дело с внешней стороны. Кто обсуждал это дело? По-видимому, один его инициатор. По крайней мере, судя по слухам, высшая церковная власть, Св. Синод, по существу сего дела не обсуждал, ограничившись, кажется, во исполнение желания министра, командировкою о. протоиерея в Сибирь. Станным кажется, что мирская власть берет на себя инициативу дела чисто церковного. Не проще ли было бы, имея в виду тысячелетний союз Церкви с государством, представителям государственной власти просить Церковь взять все это дело в свои руки, обещая ей всевозможное содействие. Ведь мирская власть смотрит на монастыри со своей, государственной, так сказать, – земной, утилитарной точки зрения, а церковная власть должна смотреть прежде всего, – с духовной, церковной, так сказать, небесной, идеальной. Церковь не отрицает и государственной точки зрения, но подчиняет ее всецело духовной – идеальной. Самая польза монастырей, с государственной точки зрения, всецело зависит от того, насколько будет достигнута монастырями их прямая, идеальная задача: воспитание монахов для царствия Божия. В-первых, – *сие*, а потом, и уже как прямое последствие сего – *оное*. Без достижения сего не будет и *онаго*. Без семени не вырастет дерево и не будет плода.

И вот нам представляется, что государственная власть, предрешая вопрос без совета и руководственных указаний Церкви, в сущности, мечтает о плодах, не заботясь о семенах... О главной задаче монастырей как будто и не думают, как будто это дело не важное, а если

и важное, то ведь это забота Церкви, забота самих будущих монахов, до которой и дела нет мирской власти, но за то эта власть учитывает в свою пользу то, что должно явиться лишь последствием выполнения первой и главной цели монастырей. А между тем, это выполнение обставлено такими условиями, о которых мирские люди часто и понятия не имеют. Надеемся, почтенный о. протоиерей Восторгов сам сознается, что он не может указать всех условий, благоприятствующих развитию строгоподвижнической жизни в той или иной местности, а потому и его предварительные разведки могут иметь лишь относительное значение и подлежат пересмотру самих иноков, коим Бог благословит подвизаться в новых обителях.

Уже из сказанного видно, что раз возникла мысль о новых монастырях в Сибири, следовало бы подробное ее обсуждение поручить инокам как людям, более сведущим в этом деле. И очень жаль, что вопрос этот возник только теперь: всего естественнее было бы обсудить его на бывшем в прошлом году в Троицкой Сергиевой Лавре монашеском съезде. В общем собрании представителей русского монашества тогда было бы можно выслушать мнения по сему вопросу и старцев, носителей монашеского духа и заветов отеческих.

Но, как видно будет дальше, не поздно сделать это и теперь.

Мы переживаем странное время. Иное лет десять назад показалось бы кошмаром, от которого хочется проснуться поскорее. А ныне нельзя поручиться, что этот кошмар не окажется самую реальную действительностью. Вот почему, несмотря на постоянное газетное лганье, иногда с тревогою прислушиваешься к нему: а что если в этом лганье есть доля правды?.. Та к газеты говорят, что будто о. Восторгов, наметив пункты, где будут строиться новые монастыри, отправится по старым русским обителям набирать иноков по своему усмотрению... Ужели возможно это? Не говорю уже о том, как мог бы о. протоиерей распознать, кто пригоден, кто негоден для новых монастырей: ведь и в монастырях не все ангелы живут, хотя и носят ангельский образ. Есть люди, способные на всякий труд, хотя бы даже и умственный, но часто бывает, что вот именно эти-то люди и не пригодны для того, чтобы строить новые монастыри... Известно, что умственные качества и житейские способности далеко не всегда сочетаются с духовными качествами, столь необходимыми для жизни монашеской. Бывает и наоборот: духовно настроенный, опытный в духовной жизни инок является младенцем в житейском отношении. Такие сочетания свойств, какия мы видим в о. Иероне, настоятеле Новаго Афона, бывают чрезвычайно редки. И распознать таких иноков при их скромности и смирении постороннему человеку крайне трудно. Настоятели же обителей если и знают их, то берегут их, как зеницу ока, для своих обителей. Но, кроме сего, какой добрый инок признает себя пригодным и способным к великому подвигу, – а таким подвигом в глазах таковых иноков, без сомнения, и будет казаться устройство новых обителей. Инок, в силу самых обетов своих, не смеет и помыслить распорядиться собою: он – чадо послушания и смирения. А слушаться он должен только Богом поставленной над ним власти. Власть же не обязана исполнять то, в духовной пользе чего она сомневается. Не станет же о. Восторгов предписывать епископам высылать намеченных им монахов в Сибирь за “послушание”. Не возьмет на себя такой миссии и сам Св. Синод. Ведь святые обители не приказами, а молитвами и подвигом создались... Как относятся добрые иноки к таким назначениям против их воли, можно видеть из следующего рассказа покойного наместника Сергиевой Лавры о. архимандрита Леонида, слышанного мною от него самого.

“Я был еще офицером, когда посетил Валаам. Там, во время литургии, запричастный стих вышел говорить проповедь молодой красавец монах. Он говорил живо, плавно, красноречиво, так что я подумал про себя: вот еще какие иноки есть здесь!.. После обедни я пошел полюбоваться красотами острова и вышел на берег. Смотрю – на высокой скале сидит, задумавшись, о. проповедник. Я пробрался к нему, подхожу и говорю: “Здравствуйте, батюшка! Красота ми природы наслаждаетесь?” Он отвечает: “Сiju и думаю: впереди – море, позади – горе, справа – ох, слева – мох... не утопиться ли?..” – “Господь с вами”, – говорю ему и, с

его позволения, сажусь около него. Разговорились. Оказалось – это ученый монах, академист, был инспектором семинарии, за слабости сослан сюда на смирение... И вот он с тоски доходит до отчаяния и бранит начальство, которое его сослало сюда. Возвращаюсь в обитель и вижу другую картину. Горько-прегорько плачет старец-иеромонах, а два брата с дружеским участием его утешают. Спрашиваю: что случилось? Отвечают: “Да вот о. Н назначили настоятелем такого-то монастыря а он прожил здесь 30 лет: как же ему не плакать, когда надо за послушание покинуть родную обитель”.

Я спрашиваю читателя: кто надежнее, кому Бог поможет устроить обитель: красноречивому ли оратору, ученому академисту, с отчаяния помышляющему броситься в море, или вот этому простецу-старцу, горько плачущему в разлуке с своею матерью-обителью? А ведь сего последнего можно было послать только за послушание. Но много ли найдется таковых в наших обителях?

Откровенно говорю: мы, монахи, боимся, как бы вместо пользы мысль г. Министра внутренних дел не принесла бы вреда, как делу культуры в Сибири, так и нашим старым монастырям, если эта мысль будет проведена в жизнь без опытного руководства лучших представителей монашества. Ведь для того, чтобы она осуществилась, нужно, чтобы и в среде нашей интеллигенции, и в самой толще православного народа было много душ, жаждущих подвига и подвига именно монашеского. Стремление к подвигу *внешнего* делания может дать нам ревностных миссионеров, самоотверженных братьев милосердия, талантливых проповедников, но еще не даст нам добрых *иноков*. А для монастырей нужны именно добрые иноки. Иноков и будет искать в монастырях наш верующий народ. Наше монашество ослабело, оно тает, приходится мужские монастыри обращать в женские от недостатка иноков. Наши интеллигенты почти не идут в монастыри. За 30 лет моего пребывания в Лавре преп. Сергия пришел в монастырь только один окончивший полный курс семинарии, если не считать трех-четырех вдовых иереев. Постригать, даже производить в сан иеромонаха приходится полуграмотных, едва умеющих читать... Иначе служить некому. Мир бранит монахов, что монастыри начинают пустеть, а того не хотят принять во внимание, что ведь монастыри поневоле довольствуются тем составом братии, какой дает им тот же мир... При таком печальном положении монашества, при стремлении еще утилизировать его для целей благотворительных и просветительных, при недостаточном понимании истинных его идеалов не только мирскими людьми, но даже и некоторыми иерархами, есть ли надежда вдруг создать 45 монастырей в далекой Сибири – таких, которые вполне оправдывали бы свое назначение?

Можно ли, разумно ли “по заказу”, искусственно создавать монастыри с такою быстротою, как это, по-видимому, предполагается в данном случае? Даже если бы для их основания и нашлось достаточное количество добрых иноков в старых монастырях; если бы и послать сих иноков за послушание высшей церковной власти, то несомненным последствием сего было бы ослабление и без того слабых в составе своих иноков старых монастырей. Но я очень сомневаюсь, чтобы и это оказалось возможным. Я боюсь, что скорее может произойти нечто худшее. В состав братии новооткрываемых монастырей войдет немало искателей приключений, которые, прожив год-два в трудных условиях новой жизни, устремятся назад или, опустившись нравственно, вместо духовной пользы, будут вносить соблазн... Надо помнить, что по закону и приказу, казенным порядком такие святые дела не делаются. И если уже признана необходимость открытия монастырей среди новоселов, то и следует обратиться по сему вопросу к монахам же как людям опыта духовного и их просить (а не приказывать распоряжениями светской власти) взять на себя это святое дело. Ожидать, чтобы можно было открыть сразу большое количество монастырей, не следует, а постепенное открытие их и возможно и – для правительства – не особенно трудно. Весь труд, все заботы возьмут на себя те святые обители, которые будут созидать в отдаленных краях свои отделения, наподобие того, как старый Афон создал на Кавказе – Новый Афон, как Соловецкий монастырь выделил из своей братии основателей

Ульянова монастыря в Вологодской епархии, как Валаам дал о. игумена Сергия с частью братии для Троицкого Никольского Уссурийского монастыря...

Пусть церковная, а отнюдь не светская власть, обратится к благоустроенным в духовном отношении обителям, начиная, пожалуй, даже со старого Афона, где имеются три особенно благоустроенных и обильных братией русских обители: Пантелеймонов монастырь, Ильинский и Андреевский скиты, – а затем и к русским общежительным (отнюдь не штатным и не к лаврам), с предложением послать лучших иноков в отдаленный край для основания там св. обителей. А светская власть пусть щедрою рукою только поддержит эти начинания в материальном отношении: пусть отведет достаточное количество земли и угодий там, где укажут сами иноки, отпустит необходимые средства для обзаведения хозяйством, длястроек и т. п. Десяток монастырей таким образом возникнет в течение пяти-шести лет, – и за то слава Богу, – скромно, без шума иноки сделают свое дело. Как пчелки, они “зашумят” разве только в своих ульях, ибо у них будут надежные “матки” – руководители. А власти, как светския, так и церковныя, пусть дадут им ту “свободу”, без которой не мыслимо духовное строение душ. (Благо, теперь в моде всякия свободы.) Пусть не ждут от них сейчас же тех плодов, которые являются только сами собою, или лучше сказать, как дело промысла Божия, незримо и неуловимо для нашего разума руководящего путями человеческой жизни и деятельности. Подождите мечтать о “культуре”, о “просветительной и благотворительной деятельности” новых обителей, тем паче не толкайте их искусственно на этот путь. Дайте им набраться духовными силами и не спешите использовать эти силы раньше того, как оне, эти силы, сами проявят себя, побуждаемая к тому промыслом Божиим. Если бы даже и вовсе не было заметно этого проявления – не смущайтесь, ибо сказал Господь: *не приидет царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17, 20). Этот закон одинаково действует как в отдельных личностях, так и в церковных учреждениях, ибо основным правилом христианской жизнедеятельности в нашем святом православии служит: помни, что ничего истинно доброго и спасительного не можешь сделать сам собою, без благодатной помощи Спасителя, рекшего: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). А посему – будь нулем в оценке своего доброделания, и тогда Тот, Кто из нуля весь мир сотворил, сделает и тебя живым членом Своего таинственнаго тела – Церкви – и органом Своей жизнедеятельности в мире...

№ 31

Подмена мирозерцания

Не воструби пред собою! (Мф. 6, 2).

Читатели, конечно, обратили внимание (в прошлом № 30 “Тр. Слова”) на голос оптинского инокса об опасности, грозящей святой Руси от того вольнодумства, какое разливается ныне по лицу родной земли широкою мутною волною и захватывает все области русской жизни, не исключая, увы, и церковной... Горькое, вдохновенное слово старца, сказанное почти шестьдесят лет назад, можно бы назвать пророчеством, если бы простой здравый смысл, при вдумчивом, безпристрастном суждении, не говорил и теперь того же. Инок Евфимий, с точки зрения того времени, времени еще крепостного права, времени безграничного своеволия помещиков, всю вину возлагает на дворянское сословие: в то время, действительно, это сословие было руководящим в общественной и государственной жизни, но за 60 лет многое изменилось к худшему. Если и теперь, к несчастью, немало среди дворян гг. Долгоруковых, Петрункевичей и им подобных, оскорбляющих свое звание, зато теперь развелось видимо-невидимо безсословных “интеллигентов”, каких 60 лет назад почти не было. Это люди без веры, а потому и без совести, без чести, это духовные кастраты, у которых все, чем человек отличается от скота, вытравлено, которые, нося образ человеческий, опаснее всякого зверя и способны на всякую мерзость, на всякое преступление, лишь бы не попасть на виселицу. Вот единственное нечто, их сдерживающее, и они знают, что делают, когда кричат о необходимости законопроекта об уничтожении смертной казни для подобных себе, а главным образом, именно – для себя самих. Да и все “свободы”, о коих они так горячо толкуют, в сущности, клонятся к свободе зла, к непротивлению злу, проповедуемому безбожником Толстым. И чем дальше мы живем, тем больше, частью якобы на законном основании, частью же просто захватным правом разливается это зло, а те, кто Богом поставлен преграждать ему путь, будто не видят этой духовной отравы: “нелиберально: противно свободе совести...” О. Евфимий жалуется на продажность тогдашних дворян: но тогда, по крайней мере, грех грехом называли, брали всякия взятки, но в совести своей все же это не оправдывали, а ныне – все вытравлено, искажено, ныне хотят жить без совести и это считают нормою жизни, “свободою от предрассудков”, ныне стыдятся упомянуть имя Божие... Вдумайтесь в это, православные русские люди! Ведь ужас сжимает сердце! А нас насильно хотят приучить не видеть в этом ничего ненормального, как будто все это – самая неважная, пожалуй, даже невинная вещь! Сложилось как-то так: нас, верующих, поражает какое либо явление, крайне, по нашему убеждению, ненормальное, прямо недопустимое; оно остается ненаказанным или же наказывается выговором, замечанием, ничтожным штрафом – словом так, что ценность самого зла при этом низводится до минимума. Само собою понятно, что такое отношение представителей закона ведет к переоценке нравственных понятий: если то, что мы привыкли с детства считать недопустимым, возмутительным, считали тяжким грехом, преступлением, теперь расценено как неважный дисциплинарный проступок, то, стало быть, нам приходится волею-неволею мириться с такою расценкою: не в наших ведь силах потребовать иной расценки... И слабые люди первые поддаются искушению считать неважным то, что прежде считали очень важным, и начинают мало-помалу позволять себе это... А за ними, точно под влиянием какого-то гипноза, мало-помалу и все мы привыкаем почти так же смотреть на дело. Та к перевоспитывается наше поколение в новых понятиях о зле. О молодых людях уж и говорить не приходится: они сразу как-то усваивают эти новыя расценки нравственных деяний: даже мы, старики, невольно чувствуем, как притупляется постепенно наше нравственное чувство, как сначала тоскует сердце, что творится что-то не так, как подобает по закону Божию и совести христианской а потом, под влиянием повторения подобных

фактов, при сознании своей беспомощности, бесполезности протеста, невозможности поправить дело, вернуть власть имущих к прежним понятиям, невольно сживаешься с новыми воззрениями и, хотя в своей совести не миришься с ними, хотя видишь, что это ведет к гибели, но по необходимости терпишь: чувство, говорю, нравственное притупляется, и ты плывешь по течению – прямо к пропасти... Нужны ли к сему иллюстрации? Жизнь и печать дают их на каждом шагу. Самые возмутительные кощунства, большею частью, остаются безнаказанными, богохульство, поругание заветных святынь – чуть не ежедневно и в газетах, и в жизни. Мало того: вы лишены возможности, например, в дороге найти порядочную патриотическую газету: непременно извольте читать жидовские листы, вы задыхаетесь от этой удушливой атмосферы лжи, кощунства, безбожия, и ныне, и завтра – все одно и то же... Но и этого мало. Для людей, которые хотели бы поучиться не из газетных простынь, а из более или менее серьезных книг, теперь издаются и толстые, якобы научные книги – отвратительно враждебного в отношении к вере и Церкви направления... Если попадет такая книга вам в руки, вся душа ваша возмутится от негодования, а те, кому ведать надлежит, спокойно рассуждают: “пусть издадут – нельзя же стеснять свободы якобы научных мнений”... Недавно вышел перевод одной такой безбожной, глубоко возмутительной книги Велльгаузена, и книга пропущена, гуляет и отравляет молодежь... Да и издал-то ее некий “профессор”, очевидно, специалист по части безбожия. И ничего: сей профессор сидит на своей кафедре и продолжает “просвещать” наше юношество, и ему все разрешается... Да что говорить о профессорах университетских? Даже духовные академии, да, *православные* духовные академии, несмотря на недавнюю их ревизию, еще не свободны от таких профессоров. И вместо того, чтобы предложить таковым оставить церковную школу, вместо того, чтобы потребовать от них, если они каются, *публично* отречения от своих либеральных бредней, им предлагают, как слышно, только “воздержаться от распространения первого издания” своих сочинений и “исправить” их для второго издания... Ну а что они проповедают и будут проповедывать с кафедр духовному юношеству, будущим пастырям и учителям пастырских православных школ? Об этом кто позаботится? Кто поручится за чистоту их учения? Пусть простят нам те, от кого сие зависит: душа болит, сердце наше исстрадалось от такого слишком снисходительного отношения к ересям, если не сказать больше!.. Если уж государство не хочет противиться этому злу, если оно закрывает глаза на пропаганду всякаго безбожия и антихристовых учений, то может ли терпеть это Церковь в своих недрах? Не должна ли она всею силою своего – увы, ныне столько уже поколебленного – авторитета возстать против зла, пускающего корни у самых источников ея православного вероучения? Если мирская власть, под гипнозом либеральных масонских веяний, “играет с огнем”, то позволительно ли это для самой Церкви? Знаю, что горькое слово пишу я, знаю, что это не по духу нашего излукавившагося времени, но сил нет молчать, когда чувствуешь, как и тебя начинает затягивать это болото, когда сознаешь, что и ты начинаешь *привыкать* к безразличию, когда видишь пред собою пропасть, куда влечет Россию этот поток, и несть удерживающего от нея...

Утверждение на Тя надеющихся! Утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною Твоею кровию!..

№ 32

Соблазн идет от интеллигенции

Как тяжело будут отвечать Богу люди, соблазняющие ближняго! Вспомните грозное слово Спасителя: *аще кто соблазнит единого от малых сих, верующих в Мя, уне (лучше) есть, ему, да обесится жернов осельский на вы его, и потонет в пучине морстей...*

Для неверующего эти слова – пустой звук, а для верующего – гром небесный. Кто – малые сии? Кто – соблазнитель их?

Малые – это не дети только. Это все меньшие братья наши, это – все те, кто около нас, кто меньше нас развит умственно, менее чуток нравственно, кто слабее нас и физически, и духовно, а следовательно, легко может быть увлечен нашим словом, нашим примером. И вот наша интеллигенция, именуемая себя передовыми людьми, то есть, мнящая о себе, будто она идет впереди народа (куда? – увы! – *назад*, к духовному одичанию!), страшно ответит Богу за тот соблазн, какой она вносит в народ, – как в массы народные, так и в каждую отдельную душу. Если вы не соблюдаете постов, то вы не вправе требовать и от своей прислуги, чтобы она исполняла устав церковный. Вы не считаете нужным в праздники неопустительно ходить в церковь? Вы не можете посылать туда и свою прислугу. Вы не хотите, вы как будто стыдитесь перекреститься, садясь за стол? Знайте, что прислуга видит это, сначала осуждает вас за это (а ведь и это – уже соблазн), а потом сама перестанет молиться пред обедом и ужином. Но соблазн идет дальше. Недаром народ, то есть, простых людей, сравнивают с детьми. Простецы зорко присматриваются к интеллигентам, как дети – к взрослым. Простецы так же прямолинейны в своих суждениях, как и дети. О детской наивности, прямолинейности, существует не мало рассказов. Но и простые люди нередко бывают так же прямолинейны и откровенны, как дети.

“Я нанял прислугу, простую крестьянскую девушку, – рассказывал недавно один почтенный сановник. – Раз, по какому-то поводу, говорю ей: Побойся Бога, Анна – так грешно делать. – Э, барин, – отвечает она – кто же из ученых людей ныне в Бога-то верует?”

Прошло несколько времени. Приходит ко мне приятель. К слову, в присутствии прислуги, я говорю ему: “Вон и моя Анна не верит в Бога”.

Но что же слышу от Анны? “Неправда, барин, я в Бога верую. Вот вы *“интеллигентный тип”* (ея выражение), а я вижу, что и утром, и вечером вы Богу молитесь. Значит, Бог есть...”

Не то же ли мы видим и в массах рабочего люда, который чаще, чем деревенские обыватели, соприкасается с интеллигенцией? Где простые люди заражаются неверием и всяким вольнодумством? В городах, особенно на фабриках и заводах. Два года тому назад, осенью, из Архангельска вернулись молодые парни в родную Сольвычегодскую глушь. Накануне местного праздника Покрова Пресвятой Богородицы они учинили пляску с гармониками вокруг храма, а когда, в самый праздник, священник обличил их кощунственный поступок, они собрались вокруг его дома, выбили все стекла, грозили убить и зажгли самый дом... Мне пришлось перевести священника в другое село. И около года не находилось кандидата на его место. Да, таких случаев, и даже более возмутительных – не перечесть: история последних пяти – несчастных для России – лет переполнена ими. И везде зараза, соблазн идет от тех, кто считает себя интеллигентом. А считают себя таковыми и сельские учителя и учительницы, и фабричная администрация, и фельдшера, и волостные писари... Даже обидно за достоинство человека, когда представишь себе всю нищету мирозерцания этих “интеллигентов”. Весь запас их “знаний” ограничивается газетной и брошюрной трухой, да много-много каким-нибудь справочником из множества уличных изданий... А каковы бывают эти справочники – я скажу в другое время. И вот эти-то убогенькие, у которых сердце совершенно опустошено даже от тех крох религиозного знания, какия запали, может быть, в детстве, эти-то уродцы духовные и мнят себя быть руководителями жизни умственной, жизни народной, величают себя “передовыми” людьми,

судят и рядят обо всем, будто нет тайны, которой они не знали бы, нет мировой загадки, которую не могли бы они решить... Жаль наш бедный, несчастный народ! Сколько зла и соблазна сеется этими непрошенными его руководителями! А число их все растет и растет: если статистика нам показала, что только за время пресловутаго “освободительного” движения сослано в Сибирь до 25 000 народных учителей – только одних учителей из таковых, уже отмеченных, так сказать, с поличным пойманных, сколько же их остается на местах и продолжает отравлять народ своими бреднями! Недаром же враги Церкви и отечества так рассчитывают на народную школу в деле совращения и развращения народа; недаром так усиленно добиваются вырвать из рук Церкви народную школу: расчет очевидный – не пройдет десятка лет, как все молодое поколение будет отравлено ими, забудет Бога, и тогда настанет их темное царство... Куда захотят, туда и направят они эту озлобленную, обезумевшую, голодную (ибо все будет пропито) толпу... Ужас берет, как подумаешь об этом! А наши “верхи” так спокойно беседуют о “передаче церковных школ в министерство”... не в министерство, господа, а в руки этих пропагандистов неверия и разрушения. В руки вот этих соблазнительей и губителей несчастного народа. Не обманывайте себя, грешно притворяться слепым, когда дело столь очевидно... Кто любит родину, кто любит родной народ, кто не хочет ему гибели, тот должен просить, умолять правительство – стать на страже народной души, не подпускать соблазнительей близко к святому делу народного воспитания, ограничить свободу развратителей – прелюбодеев печатного слова, всяких пропагандистов-лжеучителей: самому народу не справиться с ними... Иначе мы – на краю гибели!

№ 33

Язычествующая благотворительность

Со скорбию помышляю я о современной общественной благотворительности. В государстве христианском, в обществе, еще не отрехшемся от Христа, вся она, по самой сущности христианское, должна бы быть сосредоточена в недрах самой Церкви: ведь только то добро есть настоящее христианское доброделание, которое совершается во имя Христа, из любви ко Христу, во исполнение его святой заповеди. Всякое другое добро, во имя гуманизма – не говорю уже – во имя тщеславия – не есть настоящее христианское благотворение: ведь, и язычники тоже творят, как говорит Господь. Христианин ни на минуту не должен забывать, что сам он, личными своими силами, никакого истинно доброго и спасительного дела не может сделать без помощи небесной, по реченному Господом: *без Мене не можете творити нечесоже*. А Господь совершает наше спасение только в Церкви и чрез Церковь. Чрез нее же Он и благодатную помощь Свою подает. Есть чудная книга, в которую миряне никогда не заглядывают, но которую следовало бы им знать: это Требник, в коем собраны молитвы и чинопоследования на всякую потребу для христианина, начиная с совершения Св. Таинств и кончая молитвами на сеяние, благословение плодов, копание кладезя, основание дому и т. п. Все житейския занятия благословляет для христианина его любящая мать-Церковь молитвою и словом Божиим. Есть даже сборник трогательных бесед знаменитаго в свое время проповедника, профессора Киевской духовной академии Я. К. Амфитеатрова: “Об отношении Церкви к христианам”, в коих превосходно раскрыта любовь Церкви-матери и ея попечение о всех наших не только духовных, но и земных нуждах. Увы, о таких книгах нынешние образованные христиане и не слыхивали. Знают такие книги скорее простецы, учившиеся еще по Часослову и Псалтири. Та к улетает дух церковности из среды нашего “интеллигентного” общества. О самом христианстве оно сочиняет – именно *сочиняет* свои понятия или же заимствует готовые у инославных... Оно и не подозревает о том духовном сокровище, какое содержит родная православная Церковь. Церковь в их понятии это – архиереи и “попы”. О том, что и сами они должны быть живыми членами этой Церкви, что в состав этой *живой* Церкви входят и все спасаемые и все от века Богу угодившие – они и не подозревают. Сами того не сознавая, они обрывают последния нити, соединяющия их с Церковью, и оказываются вне ея, воображая, что они – добрые христиане. По своему смышлению они строят и свою жизнь – не только в обычных делах житейских, но и в добрых делах своих, в так называемой “благотворительности”. Особенно это наглядно проявляется в благотворительности общественной. Спектакли, балы, танцы, лотереи, гулянья в пользу раненых, в пользу пострадавших от пожара или землетрясения, в пользу вдов и сирот, – кто осмелится назвать все это “христианскою” благотворительностью? Это было бы страшным кощунством... А между тем, это устраивается у нас даже в пользу таких учреждений, которые прикрыты знаменем креста Христова в самом своем названии. Затем: кто является распорядителем жертв, поступающих на подобныя учреждения? Есть ли, по крайней мере, в составе сих распорядителей служитель Церкви, который мог бы указать добрым христианам то направление в их деятельности, какого требует дух Евангелия Христова? Обо всем этом было бы странно и заговаривать в наше время: закричат: “Клерикализм, подчинение Церкви, вмешательство попов!..” Да, господа, если не хотите себя обманывать, называя себя христианами, то это “вмешательство” необходимо; без него вот вы и дошли до плясок во имя христианской добродетели... Впрочем, сии господа, кажется, и не нуждаются в том, чтобы их благотворительность была освящена именем Христовым. Разве вот одно: без Церкви, без ея помощи грошей не соберешь. Ведь сами-то они не охотники много жертвовать, а народ православный не особенно доверяет им... Что же тут делать?.. В последние годы отчасти и найден исход; ходатайствовать о разрешении церковного сбора по всей России в какой-нибудь праздник. Церковная власть,

обременяемая множеством подобных ходатайств от разных обществ, поставила условием: разрешать сборы только тем обществам, которые не прибегают к увеселениям для успеха сбора. Но и при этом условии почти все праздники в году оказались занятыми. В разрешении таких сборов следовало бы быть как можно осторожнее. Ведь тут весь расчет основан не столько на сознательности жертвующих, сколько на массе жертвователей. Сбор образуется по пословице: “С миру по нитке – голому рубаха”. Большинство богомольцев опускает свою лепту в кружку, не обращая внимания на то, куда идет его копейка. “Все – Богу”, – говорит простой человек. А между тем, этот же простой человек редко может израсходовать лишнюю копейку: взял он, положим, 5 к. с собою в церковь, эти 5 к. он и делит по всем кружкам и тарелкам, какия мимо него проносят. Если несут две кружки – он делит на 2 и 3 к., если же 5 кружек – поневоле меняет по копейке, чтобы на все кружки или тарелки достало. Совершенно естественно, что от этих сборов церковные доходы падают, и старосты, обложенные на епархиальных съездах разными налогами, ропщут, что на содержание и ремонт храма не остается ничего. Ведь храмы Божии имеют свои нужды. Но пусть так: раз церковная власть разрешает тот или другой сбор, пусть он и производится в указанный день. Но сим общества не довольствуются: они хотят, чтоб сбор производился не тем лицом, кого укажет настоятель храма, а непременно тем, кого пришлет само общество или его уполномоченный... Почему? Очевидно, потому, что ни старосте, ни священнику доверия нет: они, видите ли или не все покажут, что соберут, или иным образом повредят сбору... Скажут: им же труд облегчается, не все ли им равно, кто с кружкой пойдет? Но в таком случае предложите им свои услуги, а не предписывайте им бумагами допустить то или другое вами избранное лицо. Но и это не все. Некто М. Х. в “Русском Знамени” возмущается, что “вместо церковного старосты, вместо лица, известного своим усердием к храму, избранного приходом и утвержденного архиереем, шествует за божественной службой с тарелкою в руках лицо, известное своему начальству разве лишь усердною продажей водки, не имеющее особенного уважения от прихожан, не уполномоченное архиереем и... по неотразимой логической ассоциации в представлении прихожан пробуждается кабак и его соблазнительная торговля: “Господи! – думают они, – и здесь, в Твоем храме не дадут оторваться мыслями от кабака! Экое навождение!” – Но и этого мало. Нередко для сбора присылают женщину или девицу; нередко эта девица, нарядившись так, чтоб обращать на себя внимание молящихся, идет по церкви, как по бальному залу: получается впечатление вовсе уж не церковное... Ведь храм Божий – не базар, хотя бы и благотворительный; играть в нем на низменных чувствах пришедших сюда помолиться Богу – значит тяжко оскорблять святыню дома Божия, и если Господь вервием изгнал отсюда продающих и купующих (покупающих. – *Ред.*), то какому же осуждению подвергают себя эти барыни и барышни сборщицы, улыбающиеся богомольцам и иногда видимо стремящиеся обратить на себя особенное внимание?... Простите мне, люди добрые, но не могу же я не сказать, что так творити не добре есть...

Та к вот до чего дошла наша общественная благотворительность. Можно ли назвать ее христианскою? Не пора ли Церкви разобраться построже: кого пускать в Божий храм с кружкою, а пред кем следует двери закрыть? Благотворительность ушла из Церкви и является теперь сюда только с кружкою для сбора. По своему духу она все дальше и дальше уходит от духа Христова. Не пора ли Церкви самой в своих недрах усилить истинно христианскую благотворительность в духе Апостольском и закрывать свои двери для всех этих сборов, о коих Церковь даже не знает: куда и как они расходуются? Уж слишком стали далеки от Церкви инья общества, чтобы давать им права, принадлежащие по самому существу своему исключительно церковным организациям.

№ 34

Восстановление идолопоклонства в нашей столице

О, свобода, свобода! Свобода для всех иноверцев и инородцев на каждом шагу оскорблять заветные святыни нашего православного русского сердца, издеваться над нашею святою верою, бить нас по самым нежным струнам нашего измученного сердца!.. Пусть простят нам власть имущие, сию свободу дающие: мы не понимаем их веротерпимости, не можем постигнуть: как они успокоивают свою совесть, когда допускают эту свободу? Ведь вот уже пять лет длится эта пытка для верующего сердца русского, и конца ей не видно! И думается иногда: лучше открытое гонение, чем такое попустительство!

Не буду повторять того, что так прекрасно, так горячо сказал “Свет” и другие патристические газеты по поводу того безсовестного обмана, который обнаружился в постройке буддийского капища в нашем граде святого Апостола Петра; не буду разбирать, кто кого тут обманул; предположу, что буддийцы и главное – наши изменники вере обманули нашего премьер-министра, ибо не могу же и мысли допустить, чтобы сей министр, верный слуга Помазанника Божия и Его избранник, сознательно обманывал тех, кому говорил, что капище идольское ничем не будет отличаться от простаго дома с внешней стороны и потому-де не будет оскорблять православного религиозного чувства... Хотелось бы думать и верить, что этот – повторяю – безсовестный обман высшего сановника либеральными прислужниками современного язычества достойным образом получит свое возмездие. Хотелось бы мечтать, что здание, обманом построенное, будет обращено... ну, хотя бы, в какой-нибудь азиатский музей, что ли, или просто в пассаж для торговли китайскими чаями и даже ласточкиными гнездами для наших вероотступников новой формации... Поделюсь теми откликами, какие несутся ко мне из глубин наболевших русских сердец. Вот что пишет мне одна русская православная душа:

“Владыко святой! Что же это такое? Восстановление на Руси идолопоклонства? Поворот в обратную сторону всей Русской истории – от времен Владимира снова к язычеству?..

“Новое Время” называет дворец, стоивший, как слышно, до трех миллионов рублей, “скромным” зданием, а официозная “Россия” описывает его как некое чудо искусства в азиатском стиле. Но ведь в этом “скромном” здании, конечно будут собираться не одни язычники-буддисты, которых едва ли может быть много в Петербурге, а главным образом наши сумасшедшие великосветские барыни, готовые бегать за всякой новинкой и исповедывать какую угодно веру. И это безбожное дело совершается на глазах у властей светских и при равнодушном молчании властей духовных! Кто же прогремит в обличение этого нечестия? Ужели нет у нас святителей, которые не пойдут на компромисс с духом века сего лукаваго и прелюбодейнаго?! Ужели никто не возвысит настойчиваго голоса от имени самой Церкви о недопустимости такого поругания имени Божия на святой Руси? Ведь уж везут проклятаго идола из далекой Азии, чтобы опоганить нашу столицу. Ведь если это будет допущено, то наша матушка-Русь потеряет право именоваться православною... Как овцы стада Христова, умоляем вас, защитите стадо от вторгающихся в него волков...”

Вот выписка из другаго подобнаго письма:

“Мне, как слепому старику, не видевшему многих изобретений и нововведений последних лет, и построение капища в Петербурге кажется какою-то сказкою, да и почему, собственно, Будда в Петербурге, а не знакомый нам Перун в Киеве? Не все ли равно: уж если “свобода совести”, так, по крайней мере, во всю... Ведь Перун мог бы олицетворить собою негодующую народную душу, требующую выхода из-под опеки Церкви, Царя и т. д., мало ли можно наговорить! Право, дело доходит до пределов бессмыслицы и, действительно, получаются явления маловероятные. Вы правы, удивляясь тому, что маловерный Меньшиков начинает говорить так, как бы следовало говорить и всем, пламенно верующим сынам Церкви. Ведь

это уже камни вопиют!.. Чувствуется, ох, как чувствуется напряжение всех душевных струн, достигающее высшей степени и обещающее разразиться в скором будущем чем-нибудь неслыханным, небывалым. Быть может, оно и лучше. Жить так, предавая Христа Пилатовым способом, невыносимо. Сколько ни умывайте рук, они чище от этого не будут, и впереди неизбежно стоит собор, который казался еще преждевременным год тому назад, но представляется неизбежным и необходимым сегодня. Надо, наконец, установить нормы принадлежности к Церкви, обязательные для современного человека. Ведь нельзя же в одной ограде, прикрывая всех единым именем христиан, держать верующих, и полуверующих, и неверующих...”

Да, пора Церкви очистить себя от открытых изменников. Пора сказать им: вы – не наши. Идите прочь – анафема! Левые газеты, не стесняясь, напротив, с каким-то злорадством по адресу Церкви и с ободрительными кивками называют имена этих изменников, в числе коих выдаются имена представителей высшей науки, академики (конечно, не духовных академий: слава Богу, до этого еще не дошло), профессора, художники, писатели, князья... Есть даже имя одного избранника дворянства... Что ж? Ужели и после этого Церковь будет считать их своими чадами? Ужели церковная власть будет безразлично относиться к этому богоотступничеству?..

И подобных писем получаю немало. Душа болит, когда читаешь их, и в то же время сознаешь полное бессилие что-либо сделать против этого поругания нашей веры, чем-либо утешить плачущих православных людей...

Да, плачущих. Сейчас у моего крыльца подвели ко мне слепую старицу на благословение. Заливаясь слезами, она сказала мне: “Владыко святой! Да что же это такое! В Питер идола везут, ему там капище построено. Как это можно?! Ведь Господь за это накажет нас! Молиться надо, чтобы Господь не попустил такого поругания нашей вере святой”.

Что мог сказать я в утешение этой простой верующей душе? Напротив, она сама меня утешила, сама подсказала, где искать нам исхода в этой тоске, в этой удушающей нас атмосфере всяких непротивлений злу, всяких лжесвобод, которые гнетут наше верующее сердце хуже всякого рабства татарского или японского. Да, конечно, молиться надо. Царь небесный все видит, все слышит, все ведает. Ведает Он и томление нашего болящего сердца, ведает скорби верующей русской души. Слышит Он стоны и воздыхания тех, кто не может спокойно и равнодушно видеть поругание наших заветных святынь, кто хочет, чтоб Русь навеки оставалась православною и хранила сокровище православия с тою святою ревностью, с какою оберегала она его в продолжении почти тысячи лет своего исторического бытия. Молиться надо, православные русские люди, чтоб Господь не наказал всю землю нашу за грехи тех, кто попускает поругание наших святынь, чтоб Он вразумил власть имущих положить конец этим поруганиям... Молиться надо, чтоб поганый идол нашел себе место в волнах Невы так же, как древний Перун в волнах Днепра, и не нашлось бы во граде святого Петра ни одного его почитателя, который крикнул бы ему на прощанье: “выдыбай, боже!” Молиться надо, чтобы его почитатели, коих и немного в Петербурге, просветились светом Христовым и своими руками проводили своего божка в волны прославленной именами святых русских князей – Александра, Бориса и Глеба – реки. Молиться, крепко молиться надобно, что бы скорее рассеял Господь тот ядовитый туман, которым окутаны умы наших законосочинителей вот уже пять лет, чтоб возобладал в них здравый исторический русский разум, чтоб поняли они, наконец, куда ведут Россию все эти либеральные затеи, все эти лживые свободы, все эти попустительства, благодаря которым наша Русь стала притчею во языцех, так что турчата и татарчата в старом Иерусалиме ругаются именем *руссаго* как позорным прозвищем.

Вот до чего довела нас эта политика либерализма, а если не образумимся, то доведет и до конечной гибели.

Да, паки и паки реку: молиться надо. Хоть раз в день по поклончику надо полагать за Русскую страдалицу-землю. Но этого еще мало. Бог услышит нас только тогда, когда и мы будем слушаться Его. О, как мы все повинны в преслушании Его святым велениям! Мы забы-

ваем Его заповеди в нашей ежедневной практической жизни, и Он отступает от нас Своею всемогущею благодатью. Мы живем больше языческой жизнью, чем христианской, и вот приходят язычники в достояние наше, в царственный град наш, и ставят свое капище, и привозят своего пузатаго идола, и будут кадить ему на наших глазах... Что ж? А мы разве не кадим своим идолам – нашим страстям и страстишкам? Разве не служим им целым сердцем? Пусть каждый прислушается к голосу своей совести, пусть каждый взглянет на себя самого пред светлым зеркалом святого Евангелия: похож ли он на христианина? И тогда, может быть, совесть скажет ему: “Язычник, кланяясь своему идолу, мнится службу приносить Богу, а ты, исполняя похоти своего сердца грешного, – кому думаешь служить? Того ли требует от тебя святая вера твоя?” Тогда услышит его сердце и обличающий его голос Самого Христа из святого Евангелия: *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех. Мнози рекут Мне во он день – в последний день мира – Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им, даже сим чудотворцам, – яко николиже знах вас: отыдите от Мене делающии беззакония* (Мф. 7, 21–23).

Слышите слово Господне, православные русские люди! Слышите, пастыри и архипастыри, пасомые и правители Русской земли! Испытайте же совесть свою: творите ли вы волю Отца небеснаго? Если бы вы были даже чудотворцы, но не жили по заповедям Его, и тогда грозит вам страшный приговор Судии нелицеприятнаго: не знаю вас – отыдите от Мене!..

Тако глаголет Господь, и непреложно святое слово Его!

№ 35

Светильники угасают!

Светильницы наши угасают! (Мф. 25, 8). Та к жалуются в Христовой притче неразумные девы, не взяв с собою елей в сосуды. Невольно припоминаются эти слова при размышлении о том, что и у нас – гаснут светильники у алтаря Господня! Гаснет дух христианского благочестия в народе, гаснет дух ревности о спасении в монашестве, гаснет благодатный огонек пастырства в пастырях Церкви, гаснет, наконец, дух деятельной любви к родной Церкви и в духовной нашей школе, приготовляющей пастырей! Горько говорить это, хотелось бы слышать решительное опровержение этих скорбных дум, но не опровержение, а подтверждение и видишь, и слышишь, и читаешь каждый день!

Говорить ли о народе? В последние годы у него будто голова пошла кругом: не о труде у него мечта, не о благочестии дума; даже лучшие, трезвые мужички мечтают о прибавке земли, хотя и земли у них достаточно, мечтают о городе, о добыче легкой, а у большинства – праздность, пьянство, разгул и др. грубые пороки становятся стихию их жизни... Скажите: много ли мужичков приходит теперь в храм Божий в день Божий? Не большинство ли богомольцев – женщины и дети? Но и детей становится все меньше и меньше: мирские учителя и учительницы сами не ходят и детей не приучают к храму Божию. Число школ растет, а народ нравственно дичает. И за последние пятьдесят лет это одичание ушло очень и очень далеко. Знаете ли, что в двух-трех волостях одного Грязовецкого уезда существует обычай, в силу коего молодежь считает чем-то для себя обязательным в каждый годовой праздник вступать в драку, которая почти всегда кончается убийством? Да иначе и не может кончиться: ведь все парни выходят драться не просто с кулаками, а с финскими ножами, с револьверами, с кинжалами. В трех волостях этого буйного уезда насчитываются в год не меньше ста таких убийств. Говорят, что отца родного не пощадят в этой страшной драке. А дело кончается обыкновенно так, как рассказано в книге Родионова *“Наше преступление”* – тюрьмою от 4 до 6 месяцев, ибо это же убийство “нечаянно”, в драке. Парни даже смеются над таким названием говорят. “Важное дело – посидеть в теплом углу, поесть казенных щей с мясом; да это – не житье, а масленица! Ведь мы не видим мяса-то по целому году, от Пасхи до Пасхи”... Да, дичает народ. Все реже и реже встречаются старики, старушки, Богу преданные, и любишь на них, как на уцелевшие остатки родной прекрасной старины среди безобразных развалин. Вглядитесь в лица: много ли найдете теперь тех прекрасных типов, с коих наш гениальный Васнецов мог бы писать своих богатырей? Народ начинает вырождаться не только духовно, но и физически...

Говорить ли о нашей интеллигенции?.. Много ли осталось среди нея истинно верующих, с истинно православными взглядами и убеждениями? “Интеллигенция”! Люди якобы живущие умственной жизнью, “понимающие”! Но много ли среди них знающих свою веру побольше того, что знает гимназист 4–5 класса? Да и то улетучилось из головы, а послушайте, как свысока они рассуждают о Православии, о Церкви, о духовной жизни! Подумаешь – всю мудрость богословскую исчерпали до дна... Между тем – о жизни христианской в собственном смысле у них и не спрашивай. Они столько же понимают в ней, сколько слепой в красоте цветов, сколько глухонемой в гармонии звуков. О всем у них свои понятия, и когда говоришь им, что если они хотят быть православными, то должны руководиться понятиями Церкви, то они удивляются, будто слышат нечто неудоборазумеваемое. Что ж: ужели их можно считать истинными христианами? Ужели это тоже православные? Увы, давно погас в них светильник веры истинной – во тьме ходят они!

А иночество наше, этот цвет христианства! Много, слишком много у нас монастырей, а иноков-то, настоящих иноков – много ли в них? О, если бы в каждом монастыре найти хотя по два, по три таких, на которых можно бы было указать с любовью: се – иноки! Се – носи-

тели заветов святоотеческих! Правда, есть они, но их надо искать с фонарем Диогена! Монастырей много, а постригать некого, рукополагать в саны священнослужителей некого, ставить в настоятели некого... У меня 18 монастырей, а настоятелей приходится просить в других епархиях. Жизнь монастырская едва теплится, о духовной жизни в собственном смысле мало имеют понятия. Идут в обители не ради Иисуса, а ради хлеба куска. Даже те, которые, по-видимому, искренно ищут спасения, полагают его найти в самочинных внешних подвигах и уродуют себя так, что с ними не сладишь, не сговоришь: ими овладевает погибельная гордыня. Вериги носят, а слова обличения не терпят – это ли смиренные рабы Божии – иноки, это ли спасаемые во Христе? Но и таких немного, ибо и такой подвиг не под силу нынешним насельникам обителей (скажу: и слава Богу, хоть немощь-то свою видеть еще могут, а то совсем духовно ослепли бы), а большинство едва ползут по пути иноческому, а бывают и такие, которые только позорят иночество. Много об этом говорено было на нашем монашеском съезде, много писано и печатано, да толку не выходит из сего: огонек гаснет, светильники угасают в нас... Горько сознавать это, но что же делать? Мир гасит в душах искорку благодатную прежде, чем она возгорится: в интеллигентных семьях дети уже занимаются политикой, читают газеты, тогда как не знают, что такое Минея Четья; современная школа питает их с азбуки побасенками и прячет от них то, что может питать в душе “божественное желание”. Чему же удивляться, что в монастыри не идут не только из интеллигентов, но и из простого народа? Знаю, есть тихия пристани духовной жизни, но – ах, как их мало – все на перечет! И сияют они тихим светом, будто звездочки одинокия во мраке ночном... Отцы и братия, иноки честные! Зажигайте свои огоньки от этих, пока еще не погасших источников света, спешите, пока не погасли они... Несите эти огоньки в свои кельи, согревайте ими свои души! Мрак сгущается над Русью: ах, как нужны ей, нашей многоскорбной матери эти огоньки! Их ждет и далекая Сибирь, их просит и языческая Япония. Ведь вся сущность-то христианства, насколько оно проявляет себя в его жизнедеятельности, именно в этом горении духа любовью ко Христу и во Христе к ближним нашим, а возгораются сии огоньки благодатию Божией только при условии делания заповедей Божиих. И все благоприятныя условия к тому есть в наших обителях, да ревности о спасении нет, осустились мы, как и миряне: вот и гаснут, гаснут наши светильники!..

Моя скорбная мысль обращается к пастырям Церкви. Тяжело их положение в наше время. Мир, в лице иудействующей интеллигенции, поставил себе задачею мешать их с грязью. Ненавистна ему Церковь Божия: может ли он иначе относиться к ея служителям верным? Говорю: верным, ибо – увы! – и в среде ея служителей изредка встречаются Иуды-предатели, вроде Гапонов, Григориев и Михайлов... Не идет и никогда не пойдет наше духовенство, разве исключая немногих вот таких Гапонов, за врагами Христа: простят ли ему это враги Христа? Давно сказал Господь всеведущий, и доселе звучит слово Его жизненною правдою: *аще Мене изгнаша, и вас изженут. Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще бы от мира бысте были, мир убо свое любил бы; яко же от мира несте, но аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Несть раб болии Господа своего* (Ин. 15, 18–20). Итак, скорби духовенства, его тяжелое положение, это начинающееся на него гонение – все это с христианской точки зрения, так сказать, естественно; всего этого мы, пастыри, должны ожидать; ко всему этому должны быть готовы. Жизнь становится год от году дороже, а так называемых доходов все меньше и меньше. Покинув Церковь, большинство интеллигенции не дает уже ни копейки на содержание духовенства, а простой народ, изленившись, больше думает о кабаке, чем о Церкви и ея служителях. Гаснет и в нем искра Божия! Две тысячи лет почти служащие алтарю и питались от алтаря. Теперь верующие не приходят или редко приходят к алтарю и оскудевают их доброхотныя лепты на пропитание служителей алтаря. Все это правда и нельзя не поблагодарить Святейший Синод, что наконец-то он учредил комиссию под председательством Киевскаго первосвященника для обсуждения вопроса об обезпечении духовенства. Едва ли можно ожидать, чтоб эта комиссия скоро закончила свою задачу: слишком трудна она и без

государственных учреждений ее не решить. А каковы эти учреждения, какова у нас Государственная Дума – духовенство уже знает. От нея скорее можно ожидать жалованья татарским муллам и буддийским ламам, чем нашим пастырям. На жалованье, например, законоучителям церковных школ у нея нет ни гроша, ну а вот татарскому “законоучителю” в русской учительской семинарии в Уфе е нашлось 600 р. Но об этом к слову. Слава Богу и за то, что вопрос поднят, поставлен, и будем надеяться, что когда-нибудь и решен будет. А вот, что должно сказать по совести, вот что должно страшить нас, пастырей: положим, что жалованье духовенству дадут; положим, что его обеспечат в достаточной степени, а кто поручится, что наше пастырство будет ревностнее исполнять свой долг, чем как оно исполняет его теперь? Не о всем духовенстве говорю, а вот о тех батюшках, которые так жалуются на свое необеспечение. Будут ли они усерднее проповедывать и в храме Божиим, и по домам своих пасомых, будут ли лучше готовиться к урокам в народной школе, будут ли они духом гореть в работе Господу? Боюсь, страшно боюсь, что они останутся теми же, какими были и без жалованья. Да не стали бы еще хуже. Знаю я многих батюшек, вполне обеспеченных, но потому-то и нерадящих о пастырском долге своем. Хотите примеры? Не далеко за ними ходить. Спросите монахов, живущих на подворьях в наших обеих столицах; они расскажут вам такие примеры: приходит человек, просит причастить больного. “Идите к своему батюшке приходскому”, говорит монах. – “Да я был у него, но он спрашивает: на каком этаже живем? Говорю ему: на пятом. – А подъемная машина, говорит, есть? – Говорю: нет. – Идите, говорит, к монахам”. Та к говорит “обеспеченный” священник в столице (понятно, не каждый, но есть такие, и их немало!). Но и в деревне немало таких. И именно там, где батюшки получают хорошее жалованье. “Нашего батюшку не допросишься приехать зимою окрестить младенца; требует, чтобы везли его непременно в церковь. А младенец слаб”... “Обеспеченные” батюшки имеют в некоторых местностях и тройку лошадок, у них матушка и на рояли, на пианино играет, бывают нередко и гости, грешным делом и в картишки перекидываются... Не в осуждение говорю это: пусть бы все это имели, да дело пастырское не опускали, а то ведь именно это-то дело и страдает у них. Проповеди их пасомые почти никогда не слышат, батюшки держат себя “барами” и с барами только знают, мужичка держат на кухне по целым часам. Та к вот я и боюсь, чтоб казенное жалованье не привлекло на пастырское служение вот таких кандидатов – без огонька, а с холодной душой, пастырей-ремесленников, ищущих только именно вот этого “обеспечения”. Я вполне убежден, что в наше время жалованье нужно, давно необходимо положить духовенству, что от семейных людей не мыслимо требовать монашеского самоотвержения; но еще более убежден, что жалованьем не зажжешь светильника, если не горит он в душе кандидата пастырства, если этот кандидат ищет только теплого местечка, если он заранее, может быть, решил быть наемником, а не пастырем... А как много таких! Как мало теперь ищущих священства, в собственном смысле – по призванию! Молодой человек, прямо со скамьи, сам-друг с женою: почему бы не пойти в приходец небольшой, небогатый, почему бы там не испробовать свои силы, пока молод, пока семья – сам-друг, пока юношеские идеалы, – если только они были в душе – не потускнели? Та к нет! Предложишь такому юноше, а он повесит голову, откажется, и невольно вспоминается тот юноша, который отыде от Христа скорбя... Дайте ему место получше, – он с радостью пойдет. Где же хотя бы только начатки того самоотвержения, какого требует, как непременно условия, пастырское служение? Чего ждать от такого батюшки и впереди? Да, понятно чего: чрез года два-три он снова предстанет пред очи архиерея, чтоб просить себе место получше. И нередко бывает, что, получив таковое и обманувшись в расчетах, он не стыдится снова просить архиерея вернуть его на прежнее место. Это ли пастырство? Это ли служение пастырскому идеалу? С утра до вечера архиерею приходится принимать вот таких “идеалистов”; бедные места по целому году пустуют, а на порядочные, особенно на городские, десятки просителей, и все основания одни и те же: жить тяжело, нет средств детей воспитывать, а нередко и просто: жена больна... Редкоредко – и такой день считаешь для себя праздником, – когда услы-

пишишь от священника, что пришел он не о житейских делах говорить, не места лучшего просить не жаловаться на свои нужды, а посоветоваться о том, как с пьянством или расколом бороться, как лучше дело школьное вести при трех-четырех школах в его приходе, как лучше устроить собеседования с народом по деревням... Но, ах, как редки такие желанные посетители!.. Просматриваешь послужные списки или так называемые “клировые ведомости”; там отцы благочинные – верно или не верно – дело их совести – отмечают, кто из священников сколько произнес своего сочинения проповедей: увы! Все больше отметка: своих две-три, а прочитано готовых, печатных 20–30. Вот вам и живое слово пастыря к пасомым! Да и то еще под вопросом: правда ли, что пастырь две-три проповедки в год “своего сочинения” сказал? И горько становится на душе: где же исполнение заповеди: проповедай, настой, запрети, умоли – благовременно и безвременно? Да не мы ли, пастыри, виновны более всех в том, что всюду распространяются секты и расколы? Не наша ли обязанность и в школе, и в храме, и на дому знакомить своих пасомых с теми истинами веры, которые наипаче пререкаются сектантами и раскольниками? Не наше ли дело – прямое, неотменное, готовить их к встрече этих хищных волков? Да сами-то мы достаточно ли готовы к сему? Невольно припоминается один случай (слава Богу – знаю пока один), когда пастыря вызывал на беседу сектант, а пастырь сказался, что уехал с требой, сам же спрятался в сарай. С болью сердца приходится говорить о таких печальных явлениях. Ведь все это свидетельствует лишь о том, что в нашем пастырстве гаснет огонек ревности к своему святому, высокому служению, выше коего нет на земле, тому служению, которое Апостол называет сотрудничеством Христу, о коем в чувстве благоговения взывает: *к сим кто доволен?* Кто может считать себя сего достойным? Горько видеть воочию, как постепенно понижается понятие о пастырстве в самих пастырях, как улетает от них, от их сознания, от их сердца идеал, как они закапываются в землю, с головою погружаются в суету сует, как никнет их душа и гаснет их светильник. Простите мне, отцы и братия, в безвестности труждающиеся, – хочется верить, что таковые еще есть на Руси, – простите мне эти горькие строки о собратиях ваших: ныне времена настали грозные, ныне от нас, пастырей, требуется произволение мученическое: *Буди верен до смерти, и дам ти венец живота*, глаголет Господь. Велико, высоко, досточестно служение пастырское, но если и всегда оно было подвигом, тем паче ныне. Покажите пример малодушным, поддержите их опытным советом, дайте им понять и сердцем восчувствовать, как близко Господь всем призывающим Его, как отрадно сердцу предать себя всецело в Его святую волю, Ему поручить свое дело и себя самого. Ведь, это Его слово: *ищите прежде всего царствия Божия и правды его*, делайте Мое дело, и Я Сам позабочусь о вас: *сия вся, все, что потребно вам, приложатся вам!* Это уж Мое дело, Моя забота: *достойн есть делатель мзды своя*. Небесный Домовладыка не забудет напитать Своих соработников. Слышите: не просто работников, но – *соработников!* Та к пастырей Церкви называет великий Христов соработник – Апостол Павел. Если мы веруем слову своего Господа, то должны верить и Его обетованиям, должны воспитывать свою веру все-усердным исполнением Его заповедей. Дивную силу имеют эти заповеди! Не напрасно же св. отцы называют их *животворящими*. Что таинства Церкви со стороны Божией благодати, то исполнение заповедей Господних, при помощи той же всемогущей благодати, – со стороны нашего произволения. В сем взаимодействии благодати и произволения нашего совершается наше спасение. Бог сотворил нас без нас но спасти нас без нас Он – всемогущий – не хочет! Таков закон Его промышления о нас. И этот закон мы, пастыри, должны опытом изведать на самих себе: только тогда мы сможем деятельно и других научить сей истине, только тогда и других, изнемогающих в вере, можем поддержать, *яко сильнии, немощи немощных носить* обязанные. Христианство есть жизнь, а не теория: только опытом жизни можно научиться сей великой истине, сей великой науке из наук, искусству из искусств. И вот, чтобы мы имели сей опыт, Господь и попускает нам и скорби, и недостатки, а мы малодушествуем, мы бежим от скорбей и недостатков!.. Всегда ли это дозволительно? Впрошайте свою совесть более внимательно, прежде

чем идти к архиерею с миром и без роптания. Вспомните, что есть много людей беднее вас, но терпят, несут свой крест, яко от Бога на них возложенный, с покорностью воле Божией. Как отрадно бывает, когда проситель, уходя, говорит: “Не смею настаивать на своей просьбе: в воле вашей хочу видеть волю Божию”. По крайней мере, хоть не пытается воздействовать на архиерея своею просьбою, не прибегает к ходатайствам, к посредству сильных и славных мира сего, которые любят во все вмешиваться, просить даже о тех, кого вовсе не знают, чтоб только прослыть людьми добрыми. Я уже не говорю о ходатайствах прихожан, которым, увы, меньше всего в наше лукавое время приходится верить. И все – ради выгод, ради того, что Апостол называет “скверным прибытком”! Невольно скажешь: гаснет светильник, гаснет идеализм в душах пастырей... Вы скажете, что я требую подвига? Великий подвиг жить на одном месте, сроднившись духом с прихожанами: живут же некоторые почтенные старцы лет по 50 и больше на одном и том же самом скромном приходе, и ничем их не заманишь на другое, ибо они духом срослись с своим местом, одною душою живут с своею паствою, и Бог видимо благословляет их, – пожалуй, – назову и “подвиг”, но подвиг, ими самими невидимый и неоценимый. А это – то и драгоценно в очах кроткого и смиренного сердцем Господа Иисуса. А во вторых: ну, – да, подвиг... Ибо, повторяю: пастырское служение есть, воистину, подвиг, но такой, который несет в себе великое, ничем незаменимое утешение подвижнику в сознании исполненного долга. И ни на что не променяет подвижник-пастырь сего утешения, ни на какие блага мира сего. Кто верует в Господа, тот с любовью отдает Ему свое сердце, свою жизнь, всего себя самого. И Господь держит его за руку, ведет неисповедимыми путями Своими, утешает дух его и благословляет все его начинания добрым успехом. И исполняется над таковым обетование Господне: *и сия вся приложатся вам. Тако глаголет Аминь, Свидетель верный и истинный!* (Откр. 3, 14).

Гаснут светильники, стужается мрак в душе родного нашего народа! Кто возжет угасающая лампады? Гд е источник света, просвещающего всякаго человека? О, конечно, – в Церкви, в Православной Церкви! Только в ней единой еще не погас свет истинный, только в ней единой благодать Божия не престаёт согревать сердца верных чад ея благодатию таинств и возжигать в них тот благодатный огонь, о коем некогда в божественном восторге сказал Спаситель мира: *огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!* (Лк. 12, 49). И ниспослал Он сей благодатный огонь в виде огненных языков на Своих учеников и Апостолов в день Пятидесятницы; и не престаёт сей огонь гореть и тихим светом светить во святой Церкви Православной, несмотря на то, что мы, хранители и раздатели сего огня, не радим о нем, гасим его, недостойны стоять у святого жертвенника, на котором горит он...

Господь зажигает светильник, а поддерживать его, вливать в него елей поручил нам. Господь возрождает верующих в новую благодатную жизнь в таинствах, подает им силы для борьбы с живущим в нас грехом, но и сам человек должен идти навстречу Божией благодати, должен беречь в себе дар Божий, не допуская в свою душу ничего, что оскорбляет Духа Божия, что удаляет из души благодать Божию. В Церкви Божией есть два учреждения, которые наипаче должны пещись о поддержании духовной жизни в среде верующих: это – монастыри и духовные школы, приготавливающие пастырей Церкви. В монастырях все основано на свободном произволении тех, которые идут туда, но которые, раз предавшись воле Божией, уже не должны уклоняться от тех правил, какия богомудрыми наставниками иночества выработаны для руководства ко спасению. Иначе в иноке погаснет тот светильник, который так ярко возжигается в его сердце благодатию Божией в день его пострижения. Оттого и гаснет дух иночества в наших обителях, что иноки, предаваясь суе земной, забывают самое главное – то, зачем они пришли в монастырь. В духовных школах стоит дело несколько иначе: поступающий туда мальчик еще не может сознательно избирать себе путь жизни, как это делает человек, поступающий в монастырь; этот путь намечают ему родители, или те, кто ведет его в школу. Уже школа должна воспитывать в нем то, что называется призванием, довести до его сознания и до его сердца тот великий и святой идеал, какой светится, как путеводная звезда, в жизнен-

ном подвиге пастыря. Питомец духовной школы с первых дней своего в ней пребывания должен помнить, что его готовят к служению родной Церкви, что уклоняться от сего служения значит грешить против матери-Церкви, которая дает и материальные, и духовные средства к его воспитанию, которая именно для этой цели имеет и свои школы. Общее образование, как и всякое другое – специальное для земной жизни, можно получить в мирской школе, а церковная школа имеет строго определенную задачу – готовить пастырей и учителей Церкви. Я не говорю, что общего образования и не нужно пастырю Церкви: оно и ему необходимо, этого требует современность. Я говорю лишь, что вся постановка образования умственного должна содействовать главной задаче духовной школы – воспитанию ревностных служителей Церкви. Я учился в семинарии как раз после ее реформы графом Толстым с 1868 по 1874 гг. Это было время расцвета материалистических теорий в светской школе, которые проникали и за стены семинарские, а все же у нас были наставники – Царство им небесное – которые умели именно воспитывать в нас христианское настроение. С глубокой сердечной благодарностью и любовью вспоминаем мы о ректора, впоследствии протопресвитера И. В. Благоразумова. Бывало, заслушаешься его лекции и станет досадно, когда прервет ее звонок. А он читал догматику, отдел о таинствах: кажется – не из поэтических предметов. Никогда не забуду я дорогого нашего наставника по Священному Писанию, в первом еще классе, протоиерея С. С. Владимирского: его изъяснения с кафедры напоминали вдохновенную проповедь. Таков же был покойный Д. П. Боголепов, читавший нам Евангелие в богословских классах. Бывало, слушаешь его и проникаешься сам тем благоговением, с каким он относился к священному тексту словес Господних. Казалось, что *он сам учится у Христа*: таково было впечатление от его толкований. Не забудем, что мы не имели права брать русского текста Евангелия с собою; читался греческий подлинник. Умел заставить нас полюбить и греческий язык незабвенный наш преподаватель, священник Н. Г. Малиновский: мы любили наставника, полюбили и его предмет так, что еще в 1 классе, без всяких приказаний, мы, лучшие ученики, выучили наизусть половину первой песни “Илиады” к экзамену; каждый год в день ангела подносили своему любимцу какой-либо подарок, а в 6-ом классе, при расставании, поднесли ему фотографическую группу и украсили кафедру цветами... И это был учитель греческого языка, столь нелюбимаго обыкновенно учениками! Из членов инспекции мы с особенной любовью вспоминаем помощника инспектора С. А. Скворцова; около сорока лет он исполнял свою скромную должность, ко всем нам относился с отеческой любовью, всем говорил родное “ты”, вместо официального холодного “вы”, и заслужил среди учащихся такое уважение, что, бывало, в его дежурство, в спальнях, стоило кому-нибудь напомнить: “Господа, ныне дежурный Степан Алексеевич”, – как все приходило в порядок, шум смолкал, шалости прекращались: мы не хотели огорчать своего любимого воспитателя. Приходил он к нам и на наши литературные вечера, на которых мы читали свои сочинения, давали товарищам концерты из своих же стихотворений, положенных своими же композиторами на ноты. Посидит, бывало, наш добрый Степан Алексеевич, похвалит нас, скажет шутивное словечко, и мы довольны и провожаем его из класса, как почетного своего гостя. Вспоминая таких наставников и воспитателей, невольно скажешь: дайте нам вот таких, и не нужно будет преобразовывать семинарии, по крайней мере, не будет нужды делать опытов, которые, разрушив старое, не дадут лучшего нового. Мне кажется, весь центр тяжести вопроса о реформе именно в том и заключается, но на это слышу возражение: а где таких найдешь? Ищите и обрящете. Преобразовывайте академии не для вида, не напоказ: туда ищите искренно преданных Церкви профессоров, туда назначайте самоотверженных и убежденных ректоров. Во всех академиях еще уцелели, слава Богу, старые профессора, искренно преданные науке, только науке, без всякой политики, без всякого зуда к оригинальности, к разрушению старых понятий: берегите этих мужей истинной науки, как сокровище; к ним подбирайте и молодых труженников, а тех, кто готов продать Церковь Божию за чечевичную похлебку похвал иудействующих интеллигентов, тех, кто смущает юный ум модными теориями

отрицательного направления, тех гоните из духовных академий без всякой пощады. Довольно полумер, довольно лжегуманного снисхождения к личностям: пора позаботиться о св. Церкви Божией, толико бедствующей от всяких веяний духа лукаваго, от всяких лжемудрствований ея врагов. Настали для Церкви времена боевые: надо и пастырей готовить для такого времени, не холодных формалистов, не чиновников, не требоисправителей, а крепких бойцов, готовых душу свою положить за паству свою.

Нам говорят, что древние отцы и учителя Церкви, краса ея, великие святители, изучали науки даже в школах языческих, “хвалились (неудачное выражение) не простотою своею, но многоученостью”. Не спорим против “многоучености”, но как бы за нею не потерять из виду того “единого на потребу”, что составляет душу служения пастырского и что так ревниво сохранили в себе древние ученые пастыри. Давно сказано, что нельзя “объять необъятное”, а потому и должно поставить дело так, чтобы, гоняясь за “необъятным”, не упустить неотложно необходимого, не допустить духовного юношу увлечься тем, что для пастыря должно стоять *на втором плане*, что питомца духовной школы увлечет на иной путь и он будет потерян для служения Церкви. Примет ли во внимание грядущая реформа семинарий насущныя потребности Церкви? Богослужение у нас совершается на славянском языке: и прежде наша интеллигенция да и народ плохо его понимали, но все же в гимназиях еще обучали юношей этому священному языку. Теперь же его выбросили из курсов гимназий; народ прежде учился еще по Часослову и Псалтири, теперь и этого не стало. Старые семинаристы, также учившиеся по славянскому букварю и читавшие в детстве Четьи-Минеи и др. церковнославянския книги, лучше знали священный язык Церкви и больше понимали богослуженныя песнопения и каноны, чем нынешние. Ныне далеко не всякий студент семинарии переведет вам на русский язык *Любите убо нам или Странствия Владычня*, немногие могут перевести даже пасхальный канон: это ли не насущная нужда современного пастырства? Ведь, и сектанты соблазняют православных, чаще всего указывая на неудобовразумительность богослужения. Церковь нуждается в том, чтобы каждый пастырь был *миссионером*, чтобы он не нуждался в особом епархиальном или ином каком миссионере при встрече с еретиком, чтобы с достоинством мог отвечать каждому вопрошающему об уповании. Нынешние семинаристы далеко не все отвечают такому идеалу: лучше ли будут выходить из преобразованных семинарий пастыри? Нам говорят, что вот именно с сею-то целью и вводится в семинариях обязательное преподавание одного из новых языков, “питомцам духовных школ, говорят, нужно изучать и вавилонскую, и персидскую, и индийскую премудрость, а для этого читать немецкия, английския и французския книги; точно так же и для многих других апологетических и богословских исследований, вообще, в широком смысле слова, требуется знание новых языков”. Нас уверяют, что “часто местному священнику даже захолустнаго прихода в борьбе с сектантством положительно необходимо непосредственное знакомство с немецкою сектантскою литературой”. Мы понимаем, когда речь идет о высшей духовной школе, об академиях, но, простите, решительно недоумеваем: как батюшка, живущий в захолустном приходе, будет углубляться в немецкия книги и оттуда почерпать то, что ему нужно для борьбы с сектантством? Не спорим, было бы хорошо, если бы все наши батюшки сельские обладали даром ведения всех языков мира и оттуда, даже с санскрита, черпали мудрость. Да мыслимо ли это? До того ли сельскому батюшке, да еще “захолустному”, чтобы читать немецкия книги, когда ему нужно и служить, и требы справлять, и проповеди готовить, и писать разныя таблицы для консистории, для земскаго статистическаго комитета, и каждый день работать в школе, да еще не в одной. Не говорю уже о домашнем хозяйстве: ведь при 300 руб. годоваго содержания не лишне и землю-матушку обработать, чтобы хоть свой кусок-то хлеба иметь... А тут ему говорят: изучайте ереси по первоисточникам, читайте немецкую литературу! Да он, живя в селе, разучивается читать по-гречески и по-латыни, несмотря на то, что в училище и семинарии изучал эти языки чуть ли не в продолжении десятка лет. Он едва ли будет в состоянии, не говорю уже обстоятельно, истолковать, а хотя бы только передать

в связном толковом изложении порядок мыслей в посланиях Апостола Павла. Он не читал святых отцов Церкви, необходимых ему руководителей в деле учительства и пастырства. Он даже не слышал в семинарии о писаниях святых подвижников, вроде аввы Дорофея, Нила Сорского, Иоанна Лествичника, а между тем, если он хочет учить своих пасомых, да и самого себя, духовной жизни, то без них ему трудно обойтись. Он мало знает или вовсе не знаком с писаниями даже епископа Феофана Затворника, не вчитывался в творения родных отцов – Тихона Задонского, Димитрия Ростовского... Ведь если он хочет быть добрым пастырем, то он должен все это изучить: да, изучить, чтобы там черпать опыт духовной жизни, чтобы учение Церкви о спасении с его положительной стороны выяснять не на основании полузабытых семинарских учебников, а по первоисточникам, хотя бы в переводе на русский. Ведь если он не будет основательно знать положительное учение, то как он будет его защищать против еретиков? Уж не при помощи ли немецких сочинений на немецком языке? Ведь додуматься до этого можно только в петербургском кабинете... Я не спорю против пользы знания новых языков для сельского священника. Я утверждаю только, что из тысячи таких священников едва ли найдется один, живущий где-нибудь по соседству с немецкими колонистами, который использовал бы это знание. Знаю, что нужны языки для поступающих в духовную академию, но ведь таких в каждом курсе один-два много три; и вот ради этих двух-трех счастливых должны учиться *обязательно* новым языкам все их товарищи. Не лучше ли, не полезнее ли использовать часы уроков новых языков на апологетику, на практические занятия проповедничеством, на изучение души человеческой не по “произведениям светской литературы”, а по учению св. отцов Церкви, этих великих знатоков души, всю свою жизнь отдавших именно на ее изучение... Как жаль, что наша церковная власть в свое время не поручила святителю Феофану Затворнику составить учебник психологии по творениям святых отцов и учителей Церкви! Никто не мог бы выполнить этой задачи лучше этого святителя-подвижника. А то ведь – что грех таить? – в наших духовных семинариях вместо психологии преподается в сущности *патология* души человеческой. Учебники психологии составлены на основании западных писателей, коих мирозерцание далеко от учения святоотеческого. И за что такое, можно сказать, пренебрежительное отношение наших ученых профессоров к святым отцам? Наши философы, наши психологи в их писания не заглядывают. Недаром еще в половине прошлого столетия известный ученый И. В. Киреевский говорил, что пора нам обратиться к святоотеческой литературе и там искать новых, лучше сказать – старых забытых путей для православной философствующей мысли, которая, совершив круг, стоит ныне на том же месте, где была в V веке. Ужели и в области богословской и философской мысли мы обречены идти в хвосте западных ученых, рабски воспроизводя все – и доброе и худое – в их научных работах? Но об этом я сказал лишь к слову и кстати. Известно ведь, что лучшие руководители в духовной жизни обретаются в монастырях, а там они воспитываются на святоотеческих писаниях. Ясно, что в этих писаниях следует искать и лучшего руководства при изучении души для пастырей душ верующих. Та м – лучший источник и для нравственного, и для пастырского богословия, и для гомилетики, и для психологии, и для герменевтики, и для всех прочих богословских наук. К сожалению, в последнее время изучение греческого языка, как языка Нового Завета, значительно ослабело даже против того времени, когда учились мы, семинаристы 70-х годов. И в этом повинно само духовно учебное ведомство. В объяснительной записке к программе по Св. Писанию прямо указывается, что к греческому тексту следует обращаться только в более затруднительных местах. А ведь не так было прежде! Я боюсь, что за множеством предметов мысль учащихся не будет иметь возможности углубляться в более важные для будущего пастыря предметы: образование будет поверхностное, неглубокое, “всего понемножку”: тут и медицина, и химия, и гигиена, и новые языки, не говорю уже о предметах, входивших в круг семинарского курса и прежде. Я, например, решительно не понимаю: на что пастырю Церкви тригонометрия? Я учился этой науке, имею по ней балл “5”, но откровенно говорю, что в памяти моей остались синусы и

косинусы без всякого применения. Больше имело бы применения художественное образование: рисование, например, или познания в иконописи мне и теперь оказывают услугу. В наше время хорошо бы семинариста заставить полюбить родную старину: сколько дорогих древностей в сельских церквях продается скупщикам за безценнок или в обмен на рыночные паникадила, подсвечники и подобное, и уходит даже за границу! А батюшки наши даже и не подозревают их ценности. Недавно мне один священник рассказывал, что староста хотел обменять древнее облачение на два новых, а облачение это, по местному преданию, дар царя Алексея Михайловича... Сам же старьевщик оценил его в 1500 руб. Что же получил бы он за границей?! А одно такое облачение пошло в могилу: в него облачили старичка-священника, и новых риз пожалели, а вот старое на него надели...

Пора, наконец, поставить дело так, чтобы духовные семинарии давали нам добрых и ревностных пастырей и учителей, а не кандидатов в ветеринары или адвокаты и врачи. Нельзя злоупотреблять Божьей свечечкой. Половина ея горит пред ликом Божиим, а другую подобает употреблять на возжение света духовного, на приготовление пастырей Церкви. И довольно сего назначения. А то ведь дело дошло до того, что епархиальные церкви содержат несколько духовных училищ, да семинарию в 500 человек, а посвящать во иереи приходится едва окончивших духовное училище... Церкви остаются без священников иногда по целому году. Допустимо ли это? Ведь и народ начинает говорить: “Что же это? С церковью берут на семинарию, а попов нам не дают...” Следует помнить, что и времена для Церкви настали тяжелые. Со всех сторон ей грозят враги. Ограда закона гражданского снята. Церковь представлена самой себе. И чем дальше, тем больше опасностей для Церкви. Можно ли думать, следует ли заботиться о том, чтобы семинаристам открыта была возможность идти в светские учебные заведения? Следует, наоборот, твердо сказать и им, и отцам их: “Можете идти куда угодно из любого класса, но готовить вас для светских школ семинария не будет. Сами, как знаете, готовьтесь. Семинария – для Церкви и только для Церкви. Не хотите служить Церкви – идите с Богом на все четыре стороны”. Этим достигнуто было бы увеличение кандидатов священства и, в то же время, семинарии освободились бы от массы учеников, ищущих только прав на среднее образование, а чрез это сократились бы непосильные обложения церковью на духовно-учебные заведения. Вопреки газетным сообщениям по поводу предстоящей семинарской реформы, с надеждою на лучшее будущее в наших семинариях мы можем отметить, что Св. Синод указал Учебному Комитету при реформе семинарий распределить предметы семинарского курса так, чтобы воспитанник в каждом классе чувствовал себя питомцем именно духовной школы, чтобы главное внимание деятелей реформы было устремлено на достижение основной цели приготовления к пастырскому служению, чтобы программы по общеобразовательным предметам никаким образом не подрывали и не сменяли значения богословско-церковных дисциплин, преподавание которых должно быть распространено и расширено существенно... Дай Бог, чтоб эти руководящая начала и легли в основу реформы. Дай Бог, чтобы разные, враждебные Церкви влияния, тонко-иезуитски в наше время всюду проникающие, не исказили намерений нашей высшей церковной власти и не воспрепятствовали ей выполнить святое желание Царственного Защитника и Покровителя Церкви, Самодержца Всероссийского: “зародить в духовных семинариях на вечные времена источник вдохновения будущих служителей и предстоятелей алтаря Христова на святые подвиги многотрудного пастырского (а не инаго какого) делания”. А это и значит зажечь в сердцах будущих пастырей святую ревность к святому служению, сделать их светильниками, от которых и свет, и тепло преизобильно разливалось бы не только в недрах самой Церкви, но и вне ея – среди блуждающих во тьме ересей и лжеучений, и даже среди не ведущих истинного Бога идолопоклонников... Помогите, Боже!

№ 39

Скорбное письмо

Скорбныя думы, скорбныя письма... Русь, да неужели ты перестала быть православною? Ужели все, что так дорого было сердцу русских людей, за что они душу свою полагали, теперь дозволено попирать, осмеивать, топтать в грязь всякому безбожнику, считающему себя “интеллигентом”? Не диво, что озверелый рабочий издевается над святыней: он ведь следует примеру того, кого считает человеком “образованным”; не диво, что эти, якобы “образованные”, хотят “образовать” по образу и подобию своему массы народные: раз сами потеряли Бога в душе, они того же желают и для всех; то достойно удивления, то возбуждает страх за самое бытие государственное, что как будто никому до этого дела нет, как будто все это дозволено, как будто на наших глазах сбывается страшное пророчество апостола Павла об *удерживающем* (2 Сол. 2, 7)... По поводу моих дневников я получаю много откликов, и вот послушайте, что пишет, например, один священник – не из центра какого-нибудь, не из города, а из самой глуши, и притом – не из окраинной губернии, где много инородцев, а из одной из самых центральных губерний... И то, что пишет он, теперь творится почти повсюду...

“Тяжело положение сельского священника среди деревенской “интеллигенции”, да еще вышедшей из недр самого же духовного сословия. В селе, где я уже 24 года священствую, “интеллигенцию” составляют врач, у которого вместо св. икон портрет безбожника Толстаго, фельдшера, учителя, акушерки и др., а летом местные и наезжие “студенты”, которые и “работают” по уезду статистиками, оспопрививателями, агрономами. Для всех этих господ сельский священник есть представитель “реакции”, “гаильник просвещения” и т. д., а дело пастыря – уже “служение отжившим предрассудкам”... “Вы бы лучше свою обедню-то поубавили”, сказал мне врач *публично*, когда я в пяток первой седмицы Великого Поста попросил его отложить медицинский осмотр детей в школе, потому что они устали, да и опять скоро пойдут на исповедь. В воскресный день у него нарочито прием в 9 часов, не исключая даже Пасхи, и все служащие обязаны быть во время обедни в больнице; а в пятницу день неприемный “для отдыха врача и медицинского персонала”. Можно подумать, что у нас большинство поклонников Магомета, тогда как сих последних нет ни единого...”

Не удивляйтесь, почтенный батюшка: в столице и не то делается, и делается на глазах самого правительства: там иудеи-профессора назначают экзамены в двенадцатые праздники для юношей-христиан, и если эти юноши не пойдут на экзамен в святые дни, то их считают не выдержавшими экзамена... Плачут матери-христианки о таком поругании над нашею верою святой, о таком развращении их детей, но что поделаешь? Ведь теперь в государственных якобы “законодательных” учреждениях хлопчут о совершенной отмене праздников Господних (сначала некоторых, ну а потом доберутся и до остальных). Та к чему же удивляться, что в глухой провинции нахал-иудей издевается над нашими святыми днями?..

“За таким интеллигентом-врачом, продолжает священник, тянутся и низшие служащие. Ранее до врача у нас и после литургии успевали принять больных, фельдшер успевал и в церкви помолиться, и к приему поспеть. Теперь же, в воскресенье, именно во время обедни – прием, а в пятницу – праздник. Накануне Нового года в церкви всенощная, а в чайной комитета трезвости – в полночь танцы со встречей Нового года. А простецы-крестьяне говорят: “Мы помолились Богу, а *они* и беса не забыли”. Закладывают здание больницы, крестьяне просят Богу помолиться, а врач изрекает: “У вас и двор закладывают – так четверть пьют, – вот когда выстроят больницу – освятят”. Выстроили и постарались сделать освящение так, что никто из народа и не знал. – Летом, когда наезжают “студенты”, священнику, не сочувствующему их прогрессивным начинаниям, даже на улице показаться рискованно. О посещении “студентами” храма Божия и говорить не приходится. Мать-вдова собирает по приходу именем Христовым сыр и

яйца, а детки, во главе с студентом, бывшим семинаристом, публично, напоказ, едят в Успенский пост мясо. Имел я неосторожность посоветовать мальчику оборониться палкой от собаки, принадлежащей студенту, а сей студент уже кричит на меня: “Отец, вы – пастырь Церкви, а проповедуете кровопролитие, вам бы нагайку, а не меч духовный, в физиономию вам плевать!” И это говорит юноша священнику, который его же учил грамоте! Но и этого мало: пишет жалобы и земскому начальнику, и архиерею, аттестует меня, как “презираемого всеми”, как “угнетателя всех лучших сил и лиц в приходе”, грязнит всю жизнь священника. И этого мало: собирает всю компанию товарищей, и объявляют они священнику, “оскорбившему студенчество” (читай: студенческую собаку) бойкот. Не забудьте, что все это – дети духовенства же, питомцы наших духовных семинарий... Ведайте, что по жалобам сего студента мне пришлось перенести и “дознание”... Горько все это, но еще более горько, еще более страшно, что простые мужички все это видят и говорят: “Учите вы в своих семинариях на церковные деньги своих детей, а они не только в пастыри, но и в пастухи не годятся (ну, это, пожалуй, неправда: видите, как они заступаются за своих собак, годились бы и в пастухи!). Лба не перекрестят”.

Ясно, что народ начинает терять доверие к нашим семинариям, а следовательно, и к молодым священникам. А отсюда – один шаг до сектантства”.

Читаешь вот такое письмо, – а их немало получается – и думаешь: да где мы живем? Ужели на святой Руси? Где ты, мать наша Русь православная?.. Ведь в языческой Японии того не приходится видеть, что творится у нас. И там не станут издеваться над своим бонзою, там, сколько мы знаем, умеют уважать даже чужия святыни. Идолопоклонники знают правила приличий, а наши мнимые христиане, нередко питомцы – увы! – наших *духовных* семинарий, поступив в число каких-то “студентов”, становятся фанатиками неверия, заклятыми врагами родной Церкви и ее служителей, не щадят ничего священного, не хотят просто пожалеть старика-священника, у которого когда-то учились грамоте... Ужели нет способов защитить сельских батюшек от этих хулиганов интеллигенции? Ужели священник должен идти в наши суды, где нередко, ах, как нередко, сидят друзья-приятели вот этих же хулиганов, которые уж постараются выручить их из беды, а бедному священнику еще подлить горечи в его и без того горькую чашу? Нет, не подобает преемнику апостольского служения идти в мирской суд, когда его лично оскорбляют, поносят, издеваются над ним. Если всякий христианин должен помнить заповедь Господню: *блажени есте, егда поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжущи имене Моего ради*, – тем паче сию заповедь должен носить в своем сердце тот, кому Господь поручил и других учить ей. Как он научит других, если сам не исполняет ее? Сказано ведь: *иже сотворит и научит, сей велий наречется в царствии небеснем*. В деле проповеди только то слово и сильно, которое идет от опыта духовного. Св. Исаак Сирий говорит, что слово опыта есть живая вода, утоляющая жажду души, а слово без опыта – что вода, писанная на стенах.

Отцы и братия! Архипастыри и сопастыри словеснаго стада Христова! Настают для нас времена исповедничества, а может быть, и мученичества. Язычество грязною волною врывается в среду христианства. Кажется, будто сатана вышел из бездны, чтобы обольщать народы на четырех концах земли... Вера гаснет в сердцах тех, которые считали себя верующими, а на место ее входит сатана в эти опустошенные от всего доброго сердца и властвует над ними. Ужас объемлет сердце, когда читаешь, что творится в Португалии, что еще так недавно творилось в Испании, что грозит нашим единоверным братьям-христианам в Турции... С какою беспощадною злобою враги Христа издеваются над теми, кто не вотще носит имя Христова! И особенно эта злоба услаждается в издевательствах и истязаниях над теми, кто стоит ближе к Церкви: над служителями алтаря и иночествующими. Их прямо истребляют, как вредных животных. Да сохранит Господь нашу бедную Русь от такого несчастья! Ведайте, отцы и братия, что то, о чем пишет мне священник, что мы все видим воочию, о чем пишут ежедневно патриотические газеты – все это только начало болезням или, по народному присловию – лишь цветочки. Будут

и ягодки, если попустит Господь по грехам нашим. Тайна беззакония уже назревает на земле. Заклятые враги христианства ведут свое дело искусно и неутомимо. Готовьтесь к исповедничеству, готовьтесь к мученичеству. И тем горше будет чаша наших испытаний, что нам поднесут ее не язычники, не римские воины, а изменники Христу. О, они злее всех язычников, ибо они суть “сборище сатаны”, о котором говорит Тайновидец. Что все нынешние поношения, кои нам приходится терпеть, пред теми, какия ждут нас впереди, если попустит Господь! Грозы Божьи ходят вокруг нас. Господь зовет всех нас к покаянию. Не у гражданского закона ныне искать нам защиты: не тот дух веет ныне в тех сферах, откуда мы могли бы ждать этой защиты – не внесут ныне законопроекта, который защитил бы нас без наших жалоб от поруганий, из уважения только к нашему сану и званию... Нет! Возьмем свой крест и бодро пойдем за Тем, Кто Сам впереди нас вошел чрез крест на небо, крестом отверз врата небесныя, Кто и нам заповедь дал о крестоношении, Кто силен и нас укрепить в сем подвиге благодатию Своею! Будем себе постоянно напоминать слово великаго труженика и страдальца за проповедь Христова Евангелия Апостола Павла: *кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, а на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно* (2 Кор. 4, 17). Это знал еще Царь Давид: *при умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою* (Пс. 93, 19). А Господь – слышите, что обещает? *Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех!* (Мф. 5,12).

№ 40

Монастырские «миллионы»

Во дни оны недавние, во дни всероссийской смуты и нашествия иудейского, враждебные Церкви органы печати самым беззастенчивым образом гнали о несметных якобы богатствах наших монастырей и огромных якобы доходах, получаемых нашими архиереями. Помню, как я, бывший казначей Троицкой Сергиевой Лавры и, следовательно, знающий все ее “богатства”, от души смеялся, когда в одной иудействующей газете прочитал провокаторскую заметку, будто в Лавре преп. Сергия имеется капиталов на 75 миллиардов! Судите сами, какое впечатление должны были от такого известия получить люди, завистливым оком вззирающие на монастыри! И это было в то время, когда Лавра, потратив сполна свои капиталы на постройку больницы-богадельни, призняла еще несколько десятков тысяч у Гефсиманского скита.

Но иудейская ложь не осталась без последствий. Государственная Дума, вероятно, полагая, что в сих сообщениях иудеев есть хоть малая частица правды, высказала Святейшему Синоду пожелание об “уровнении” получаемого архиереями содержания. И вот собраны точные сведения, какой архиерей сколько получает. Увы, оказалось, что есть епископы епархиальные, получающие не более 3 000 руб. и для “уровнения” им содержания, примерно до 6 000 р., потребовалось “изыскать” до 33 000 р. из каких-нибудь источников, а от архиереев затребовано мнение по сему вопросу. Скажу откровенно: нам, монахам, преемникам апостольского служения, официально назначать себе ту или другую норму “содержания” воспрещает совесть... Архиерей, в силу данной им присяги и уже по сущности своего служения, нравственно обязан строго следовать примеру святых Апостолов, насколько видит к тому возможность. А св. Апостолы в сем отношении строго держались правила, которое один из них выразил так: имуще пищу и одеяние, то есть все необходимое, сими довольни будем. Возглавляя поместную Церковь, как светильник на свещнике, епископ должен во всем быть образцом для своей паствы: самым делом, самым отношением к своему материальному обеспечению он должен всем как бы говорить: смотрите на меня, будьте якоже аз: вем и алкати, вем и избыточествовати вем и лишатися... Как епископ, уже на основании Священного Писания и в силу Апостольских Правил, он имеет право пользоваться от своей епархии всем, лично ему потребным: епархия должна ему дать приличное его сану жилище, с храмом Божиим, потребное число священнослужителей при сем храме, певцов и чтецов и всех их также обеспечить в необходимом; затем дать ему возможность совершать поездки по епархии, дать стол, отопление, освещение, прислугу, канцелярию, лошадей и пр. Все это он и может получить, и в большинстве случаев получает, хотя и не всегда от епархии, так сказать – натурою. А на одежду и обувь, равно на так называемые карманные расходы, было бы довольно для него и ста рублей в месяц. Но совсем иначе стоит дело, если принять во внимание необходимость для каждого епископа стоять во главе всякого рода благотворительности во имя Христово. Еще св. Златоуст сказал: “широка заповедь сия”, и, следовательно, как бы ни велики были суммы, отпускаемые в распоряжение епископа на сие дело, они все и всегда будут израсходованы им без остатка. Самым естественным источником для таких расходов, в силу Апостольского Правила 41-го, должны бы быть для епископа доходы всех церквей его епархии, но, к глубокому сожалению, епископ, будучи по канонам полным распорядителем церковного достояния своей поместной Церкви, на деле в настоящее время лишен возможности быть таковым. Церкви несут часто непосильные налоги на содержание духовно-учебных заведений и на другие епархиальные и общецерковные нужды, причем сии налоги и распределяются, в силу необходимости, самими иереями на их съездах. И архиерею представляется только право утверждать или не утверждать таковую раскладку, облагать же церкви новыми налогами нет возможности. Таким образом, сей первый и законнейший источник для дел благотворения по личному усмотрению епископа для него

закрыт. Между тем, сим исчерпываются общие источники средств для благотворения, если не считать доходов собственно архиерейского дома, каковых во многих епархиях вовсе не имеется, и архиерейский дом содержится, как например, в Вологде, при пособии епархиального свечного завода. Правда, есть еще источник для благотворительных расходов по усмотрению епископа, но этот источник может быть и не быть, может быть очень значителен и сокращаться до минимума и даже вовсе прекращаться. Рассчитывать на него никто не смеет. Я разумею частные жертвы православных мирян на дела благотворения, приносимые в личное распоряжение епископа благочестивыми людьми, желающими исполнить в совершенстве заповедь Спасителя: да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя. Слава Богу еще есть такая добрая души. Они в своем смирении рассуждают: “Епископ есть Богом поставленный пастырь и архипастырь, ему виднее нужды как Церкви Божией, так и бедных сиротствующих; к нему вся эта беднота стремится за помощью; он имеет возможность чрез священников узнать и степень нужды, и положение нуждающихся; да и Богу приятнее, когда я делаю добро не по своему смышлению, а отсекая свою волю так, чтобы мне и не знать: куда пойдет моя копейка, да не увести о том моя шуйца! Та к делали и древние христиане. Итак, вручу мою лепту Богу чрез руки архиерея Божия”. Повторяю: такая души еще есть в Церкви православной; расположить их к такому доброделанию может только благодать Божия. Но много значит в сем деле и личность самого архиерея. Если он подвигом личной своей жизни, благоговейным совершением богослужения, отеческим обращением со всеми, особенно с детьми властным, сильным словом духовного опыта в проповедании слова Божия как в Церкви, так и в частных беседах с пасомыми всех званий и состояний, неусыпными заботами о сирых и вдовицах, о больных и несчастных, – словом: исполнением завета апостольского: *всем бых вся, да всяко некия спасу*, – привлечет к себе сердца пасомых: то можно сказать с уверенностью, что пасомые с любовью понесут ему свои лепты на дела благотворения во имя Христово, как христиане времен апостольских слагали к ногам Апостолов целыя состояния. Но если епископ не входит в близкое общение с паствою, если его слово не доходит до сердца пасомых, если он безучастно относится к беспомощной бедноте, то никто не принесет ему и жертвы на благотворительность. Мы, епископы, должны с чувством самоукорения взирать на светлый образ доброго пастыря, еще так недавно прошедший пред нашими очами в лице незабвенного отца протоиерея Иоанна Кронштадтского. Если он, иерей, облеченный силою свыше, имел возможность творить так много добра, то не показывает ли сие, что и в наше скудное верою, погруженное в эгоизм, житейский материализм, время упадка нравов есть еще немало живых душ, ищущих света Божия, жаждущих благодати, готовых нести к стопам доброго пастыря нескудныя лепты, лишь бы найти такового пастыря, лишь бы удовлетворил он их духовную жажду, утешил скорбящее сердце, примирил с Богом смущенную совесть... Ищите, пастыри и архипастыри, прежде всего царствия Божия и правды его, водворяйте хотя начатки сего царствия Божия прежде всего – в сердцах собственных, а затем и в сердцах пасомых ваших, и вы с благоговением, в умилении сердца, сами воочию увидите, как верно обетование, что и материальныя средства для доброделания вашего приложатся вам, ибо ведь еще в Ветхом Завете сказано, что рука дающего не оскудеет. Силен Пастыреначальник наш, Господь Иисус Христос, и в нашей немощи проявлять силу Свою, лишь бы мы признали и Ему постоянно показывали эту немощь нашу, лишь бы в глубине сердца взывали к Нему: Господи, помози нашему маловерию! Грядет час, и восстанут на суд Христов с нами пастыри, подобные отцу Иоанну, и осудят нас, если мы, в пределах наших епархий и приходоу, не будем по мере сил наших следовать стопами их.

Позволю себе сказать два слова по поводу предположений особой Комиссии при Святейшем Синоде об установлении равномерности в получаемых Преосвященными по епархиям доходов привлечь, для покрытия расходов по увеличению содержания некоторым епископам, архиерейские дома и монастыри. Таковое привлечение архиерейских домов наиболее обеспеченных кафедр я признаю совершенно справедливым, ибо полагаю, что никто из святителей,

более обеспеченных, не откажется поделиться, по долгу братской любви, с своими собратьями, менее обеспеченными, да будет, по выражению св. Апостола Павла, равенство. Что же касается Лавр и поименованных в указе монастырей, то, не входя в суждение о том, тяжел или не тяжел будет сей новый налог на монастыри, я полагал бы более справедливым обложить сим налогом все церкви и монастыри империи в самом малом размере, например, хотя бы 0,1 %, дабы каждая церковь, каждый приход принимали участие, хотя в размере нескольких копеек, в расходах на содержание епископов. Это представляется тем более справедливым, что подобный налог по 1 руб. с каждой церкви и монастыря, уже установлен в виде увеличения платы за “Церковные Ведомости”, для повышения содержания чиновников центрального управления.

Епископы обслуживают нужды церковныя несравненно более, чем сии чиновники, и их попечения и труды для приходских церквей несравненно сложнее, чем для монастырей. В сем случае важно было бы установить самый принцип такого налога, ибо белое духовенство облагает церкви в размерах до 35 и более процентов на свои сословныя нужды, (особенно если считать прибыли от свечных операций), а епископ, будучи по канонам полным распорядителем всего церковнаго достояния в пределах своей епархии, не пользуется и малым процентом на дела благотворения по своему личному усмотрению. Справедливо ли это?..

№ 41

Церковный школы и церкви

Церкви Божией дано великое обетование, что врата адовы не одолеют ея. Князь (диавол. – *Ред.*) да хорошо знает это обетование, знает, что все его козни, все усилия будут бесплодны: Церковь пребудет до скончания века непоколебимою. И, однако же, в безумной злобе своей пылая ненавистью к Главе Церкви Господу Иисусу, сокрушившему его главу, он вымещает свое поражение на вечной вражде к верным чадам Церкви и, не имея силы и возможности стереть с лица земли всю Церковь Божию, строит козни против тех народов, где наиболее хранятся заветы Христа. Таков милостию Божией наш Русский православный народ. Вот уже около тысячи лет, как наша Русь просветилась святым крещением и освятилась верою православною. Но за то, что она восприняла святое учение Христово в самом чистом его виде, как оно вышло от святых Апостолов, как изложено святыми отцами на Вселенских Соборах, как выражено в творениях духоносных мужей – светильников Церкви вселенской, – за это враг ненавидит Русский народ всею ненавистию и сею ненавистию по отношению к нам отравил всех западных христиан. Не зная, не понимая, да и будучи не в состоянии понять, по гордости своей, глубину смиренного Православия, западные народы считают нас “отсталыми”, непросвещенными, суеверными, чуть не варварами. Чужды мы им по духу, чужды и они нам по всему их мирозерцанию. И вот чрез них-то, чрез их последователей – наших интеллигентов, оторвавшихся от родного народа, враг и пытается с корнем вырвать святое Православие из русской души. И никогда еще в истории Русского народа не было для него столь благоприятного времени, как переживаемое нами. Никогда так мы, русские люди, не были призываемы долгом совести и – скажу – чувством самосохранения стоять на страже заветной святыни Православия, как ныне, – стойте же бодро, православные русские люди: враг у дверей! Он захватил в свои цепкие руки нашу печать: среди гула и гама преданных ему, якобы, “либеральных” газет едва слышится слабый голос патриотической печати. В среду самой этой патриотической печати он вносит раздор и кружковщину: вместо братского взаимного вразумления наши патриоты позволяют себе против своих собратий, патриотов же, речи немирные; а известно, что где немирство, там и вражда, там и самолюбие, там и сам поджигатель всякой вражды – князь тьмы. Нашел он, враг Божий, и в высших сферах, в среде наших законосоставительных учреждений усердных и верных себе слуг, которые не зная Православия, не умея ценить этого сокровища, будучи ослеплены ненавистию ко всякой вере, восстают наипаче против святой веры православною и воображают, несчастные, будто стоят за прогресс, за просвещение, за благо человечества! Один Бог может вразумить этих слепцов. Но их усилия не проходят без вреда для Церкви Божией, сушей в пределах Русской земли. Кто из русских людей не знает, какой чудовищный, разрушительный для Церкви законопроект выработали эти слепцы в Государственной Думе касательно вероисповеданий неправославных? Теперь подбираются к народной школе. Та к как открыто идти против церковных школ еще неудобно, а школы эти являются у наших лжелибералов бельмом на глазу, ибо имеют своею задачею главным образом воспитание народа в духе Церкви, то придумали предлог: надо-де объединить все школы в одном ведомстве. Несмотря на всю очевидную ложь самага принципа такого объединения, несмотря на то, что он и не может, и не будет проведен в жизнь, да и сами проповедники его в него не верят, – несмотря на все это он выдвинут, и в настоящее время вопрос о судьбе церковной школы уже обсуждается в Государственной Думе. А пока что подготавливается почва к его решению в желательном для врагов Церкви смысле. Церковную школу всячески поносят, клеветуют на нее и в печати, и в разных собраниях, лишают ее средств к существованию, хотят ее измором довести до закрытия. Министерская, земская и всякия другия школы – родная детка нашей Государственной Думы, а церковная – пасынки или падчерицы. Для тех просят 10, дают 12 миллионов, а для

церковных жаль и одного. Но и этого всего мало. Дан знак, и началась агитация против церковных школ на местах. Казалось бы: раз составлены “сети” школ, разграничены пределы земских и церковных, как это ни странно, но пусть так: пусть каждая школа и живет, и действует в своих, ей указанных, пределах. Та к нет же, пускаются в ход даже такие меры, как явный обман духовенства... У меня, в епархии, был такой случай: существовала школа церковная лет 12; помещалась в доме одного “благодетеля”, торгующаго в Петербурге чем-то; этот благодетель решил перестроить здание школы, дал средства, поручил дело заведующему – священнику. Тот и трудился, уверенный, что трудится для церковной школы, но когда здание было окончено, в нем поселилась земская школа... Ни указание на сеть, ни право давности существования тут школы – ничто не помогло. Один богатч от себя внес 500 руб. на содержание этой, можно сказать – украденной у Церкви школы, пока земство ассигнует на ея содержание средства. Тоже благодетель! А земства наши, известно, не всегда так расположены к церковным школам, как наше Сольвычегодское, ассигновавшее на церковныя школы ежегодное пособие по 10 500 руб., и Яренское, в прошлом году ассигновавшее 13 000 руб., а ныне 22 015 руб. Большею частию земства не брезгают не только тем, что плохо лежит, но и прямо краденым. Как иначе назвать в самом деле хотя бы вышеупомянутую школу, как не украденною у Церкви? Строителю-благодетелю надо было иметь на месте священника в качестве наблюдателя за постройкой: он и повел дело так, что недогадливый батюшка воображал, что трудится для церковной школы. Но и этого мало. Врагам Церкви надобно создать иллюзию, будто сам народ не хочет церковной школы. И вот являются приговоры крестьян о передаче церковной школы в земство. Составить такой приговор нетрудно: стоит только внушить крестьянам, что на церковную школу они-де обязаны давать и сторожа, и отопление, обязаны ремонтировать, а земская школа – самое милое дело: ничего не надо, ни о чем не заботьтесь, все будет дано от земства. Крестьянин не рассуждает, что земство-то с него же берет на школы. И пишут приговоры... А чтобы приговор имел больше силы, чтобы производил там, где им, врагам Церкви, нужно, большее впечатление, делают так, что агитация ведется тайно от священника. Агитаторы действуют прежде других на церковнаго старосту, прельщают его разными обещаниями. И вот батюшка и во сне не видел, а дело уже совершилось наяву: приговор составлен... Пока еще немного таких приговоров, но в таких делах важно начало. Важно то, как отнесутся к таким, несомненно подстроенным, приговорам власти церковныя и гражданския. Простой народ не всегда может по достоинству оценить церковную школу и легко поддается влиянию агитаторов, обещающих великия и богатыя милости от светскаго ведомства. Ведь ему дорог каждый грош, хотя он и рублей не жалеет на водку. Но церковные старосты суть лучшие люди прихода, по крайней мере, это – избранники прихода. Вот почему я счел благопотребным обратиться к ним с своим архипастырским словом, объясняя им преимущества церковных школ и призывая к помощи священнику в заботах о школе. Напечатав свое обращение в “Епископ. Вед.”, я распорядился, чтобы каждому церковному старосте был вручен и отдельный оттиск моего послания.

**Церковным старостам Вологодской епархии
От Никона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго**

Призываю, братие, на всех вас, труждающихся для Церкви Божией, благословение Божие.

Святейшему Синоду благоугодно было в последнее время обратить особенное внимание на благоустройство церковноприходских школ. Указом от 31 июля сего года он предписал: установить ежегодные обязательные взносы со всех церквей и монастырей Империи на эти школы и каждый год производить тарелочный сбор также во всех церквях и монастырях в продолжении святков: с 25 декабря по 6 января. Церковныя школы имеют свое начало в глубокой древности. 900 с лишком лет тому назад наш равноапостольный князь Владимир, просветитель Руси, крестив киевлян, повелел обучать детей в школах под руководством свя-

ценников; в древней Руси, до Императора Петра Великого, все школьное учение находилось под руководством Церкви. Вот почему вечно блаженной памяти в Бозе почивший Самодержавный Миротворец Император Александр III, в Своих царственных заботах о просвещении народа воскресил замиравшую церковную школу и, по Его державному мановению, в течение последних 26 лет стали быстро возникать по лицу родной земли церковноприходские школы, и число их теперь достигает до 46 000. И ныне благополучно царствующий Самодержец Всероссийский, верный заветам Своего Отца, благочестивейший Император Николай Александрович много раз высказывал Свое Царское благоволение к церковноприходским школам. Кто же должен более всех заботиться о сих школах, как не духовенство и те православные русские люди, которые ближе всех стоят к духовенству – вы, церковные старосты? И мы, архиереи, с благодарным чувством свидетельствуем, что церковные старосты почти везде являются самыми усердными помощниками священникам в их заботах о церковных школах. Спасибо им, добрым ктиторами святых Божиих церквей, что они своим русским сердцем понимают, как эти школы дороги и полезны народу нашему, потому что ведут детей народа под благодатную сень храма Божия и воспитывают их в страхе Божием. К глубокому прискорбию, находятся среди старост, правда, очень немногие, такие, которые не только не сочувствуют церковным школам, но и восстают против них, говорят, что их надо передать земству или министерству, указывают на то, что они тягостны для церквей по расходам на них. Забывают они, эти старосты, что они должны защищать все, что носит на себе имя Церкви, что принадлежит Церкви, забывают, что их обязанность всеми мерами помогать пастырям Церкви в их святых заботах о просвещении народа, помогать и мне как архипастырю Церкви Вологодской в благоустройении церковных школ. Не хотят такие старосты подумать, что, восставая против церковной школы, они восстают против власти церковной, против меня недостойного, но Богом поставленного их архипастыря. Признаюсь: я этого не ожидал от старост церковных в нашей, всегда мирной, послушной своим архипастырям епархии. Сам я вырос в селе, с детства привык уважать церковных старост, как лучших православных людей в приходе, как избранников всего прихода, и всегда видел, с какою любовью, с каким сыновним доверием относятся они не только к распоряжениям церковной власти, но и к распоряжению своего приходского священника. Мы живем, братья, в скорбные для Церкви Божией времена. Ныне не редкость встретить даже среди именующих себя православными людьми, критикующих церковную власть, не желающих ей подчиняться. Скорбно все это видеть. Не так заповедал нам Христос Спаситель наш. Он сказал св. Апостолам: слушающий вас, Меня слушает, и отметающий вас, Меня отметается. Слова эти относятся и ко всем нам, пастырям Церкви, яко преемникам апостольского служения в Церкви, облеченным благодатию священства и архиерейства. И терпим мы, пастыри, всякия поношения и непослушание от своих же словесных овец. И вот что особенно скорбно. Христос сказал: овцы слушают гласа своего пастыря, а наши овцы нередко требуют, чтобы мы их слушали. Терпим мы от неразумных мирян такое непослушание, молимся, чтобы вразумил их Господь; но вы-то, ктиторы храмов Божиих, вы – избранники приходов! Возможно ли допустить, чтобы среди вас находились противники воли своего архипастыря? Если о мирской, гражданской власти, сказано: проявляющийся власти противится Божью повелению, то судите сами: как же можно противиться власти Богом поставленных пастырей и архипастырей? Повторяю: в моей епархии немного таких противников среди церковных старост, и я отечески призываю таковых к послушанию, я прошу их помогать мне в благоустройении церковных школ, я объявляю им, что Святейший Синод разрешил каждый год расходовать из церковных сумм на церковноприходские школы даже без всякаго разрешения от архиерея до 50 рублей, а теперь призывает всех нас и еще больше уделять на это святое дело народного просвещения в духе матери нашей св. Церкви православной. Я вынуждаюсь с болью сердца объявить и то, что те старосты, которые будут отказывать церковным школам в посильной помощи, которые будут

вредить им, подговаривать прихожан к передаче сих школ в ведение земств или министерства, такие старосты будут мною увольняемы от должностей как ослушники воли епископа, как не радеющие о благе детей своего прихода. Ведь всякая копейка, всякая охапка дров, все то, что даст храм Божий на родную ему церковную школу, все это – Богу приятная жертва на просвещение светом Христовым детей приходских. Пусть от трудовой свечечки, которая горит в храме Божиим пред ликом Божиим, загорится огонек и в детской душе, тот огонек света Христова, который согреет душу ребенка познанием заповедей Господних. Знаю, что и храмы Божии имеют свои нужды, но ведь и священник, и архиерей знают эти нужды не хуже, чем старосты: они, конечно, рассудят, сколько какой храм может дать на школу, не обременяя себя. Хорошее дело украшать храмы золочеными иконостасами, но еще лучшее дело украшать душу детскую Христовым учением. Хорошее дело повесить большой колокол, но еще лучше и Богу приятнее научить деток хвалить Бога в храме святом своими нежными детскими голосками. Не худо строить высокую колокольню, но несравненно лучше возвышать детские сердца к Богу научением их молитвам и песнопениям церковным. А всему этому учит наша церковная школа, всего этого требуйте от нея вы, церковные старосты, и вы будете вправе этого требовать, если не будете скупиться уделять, конечно, с согласия священника, некоторыя лепты из церковных сумм на церковныя школы.

Братия! Я еще раз повторяю: враг Церкви Божией, враг Самого Христа незаметно подкрадывается к нам. Берегите детей прихода от его козней! Этот враг – тот, кто учит детей, будто в Церковь Божию незачем ходить, будто Царя не следует почитать, будто и Бога нет... Если, помилуй Боже, есть где такие учителя или учительницы, то ни гроша не давайте на них, пишите о них мне: я не потерплю таких учителей и учительниц...

Милость Божия буди с вами.

№ 42

Два русских князя – защитники идолопоклонства

В одном из моих дневников я отметил, как постепенно подменяются наши понятия, как хочется кому-то подменить все наше православное мирозерцание, перевоспитать народную православную душу на новый лад... Для этой цели не жалеют никаких средств, все пущено в ход, особенно печать и школа. И дело идет быстрым темпом: даже старики, даже люди, когда-то отстаивавшие наши заветные идеалы, как будто под влиянием какой-то духовной эпидемии, постепенно заражаются новыми понятиями и притом хотят выдавать их за заветы Христа... Не хотелось бы думать, что это – подслуживанье кому-то из власть имущих; ведь и самые благонамеренные “власть имущие” не безгрешны, могут ошибаться, а следовательно, уже в силу самой благонамеренности своей и честного отношения к долгу своему, охотно признают свои ошибки. Не нуждаются они в льстецах, готовых защищать их ошибки: напротив, таких льстецов они гонят от себя прочь... Да тут, повторяю, даже и не лезть: тут просто признаки духовной заразы новыми понятиями, в основе коих лежит толстовское непротивление, самый расплывчатый либерализм, коим хочется кому-то подменить Христово учение о любви.

На эти мысли наводят меня многие явления в нашей журналистике. Вот, например, в своем “Гражданине” известный когда-то патриот князь Мещерский, отвечая “Колоколу”, печатает “Открытое письмо храброму борцу за православие, спрятавшемуся под буквами П. К.”. Князь не стыдится открыто стать на защиту постройки в Петербурге идольского капища, причем слова “языческие капища” ставит в знаки вносные и подчеркивает, очевидно, находя такое название несоответствующим в отношении буддийской молельни. Очевидно, также, что для него, как и для другого князя-редактора (Ухтомского), собиравшего, как писали, пожертвования на это капище, буддийская вера не есть языческая. У сих господ, кажется, понятия о язычестве совершенно своеобразны, и спорить с ними бесполезно. Для нас же, православных, языческие идолы такая же скверна, как и древний оный Перун. Мы помним сказанное в слове Божиим, что “идолы язык – бесовы суть”. А где бесы, там и мерзость, там и великое оскорбление нашего православно верующего сердца. Князь придут в ужас, что я, православный архиерей, говорю это? Не взыщите, ваши сиятельства: в сделку с совестью входить не умею и как учит меня святая Церковь, тако верую и исповедую. Называйте меня, как угодно – верую, что вся православная Русь будет не на вашей, а на моей стороне; ибо она еще не отреклась от учения церковного. И уж, конечно, не вам учить Церковь Божию, и ваша брань не страшна нам, верным ей чадам и служителям.

А крепко бранится князь Мещерский. Он величает всех нас, православных русских людей, начиная с высокопреосвященного Томского Макария, этого глубокочтимого всю Русью святителя-миссионера, меня и г. Трубникова, горячо протестовавших против капища языческого в столице, и кончая союзниками, величает “лицемерами-фанатиками”, “узкомозглыми лжесынами Православной Церкви”, “круглыми невеждами”, “донкихотами”, даже “преступниками”, обвиняет нас “в безумной, гнусной по притворству трусости” за нашу мать-Церковь, в “бешеном фанатизме”, в “жажде избиения людей и потоков крови во славу Церкви”, говорит, что мы “требуем небывалого акта насилия у Государя”... Он дерзает обращать к П. К., а следовательно, и ко всем нам, держащимся строго церковного воззрения, грозные слова Господа нашего Иисуса Христа, обращенные Им некогда к книжникам и фарисеям: “горе вам, книжники и фарисеи лицемеры, яко внеуду являетесь человеком праведни, внутрюду же есте полни лицемерия и беззакония!” И эти слова в своем дневнике он повторяет трижды... Мы не будем отвечать ему бранью на брань, мы только напомним ему, что Христос Спаситель был сердцеведец, а он, князь, еще не имеет сего дара. Христос видел и читал в сердцах книжников и фарисеев их лицемерие и беззаконие, а князю еще не дано этого. Почему он думает и на всю

Россию кричит, что мы лицемерим и фарисействуем, когда протестуем против осквернения идольским капищем нашего царствующаго града, носящаго имя апостола Петра и стоящаго на местах, некогда освященных стопами благовернаго князя, святаго Александра Невскаго, коего и мощи здесь почивают? Кто дал ему право говорить о нас, будто мы “полны беззакония и лицемерия”? Вы были, князь, в нашем болящем, измученном сердце? Вы видели там наши беззакония? Стыдитесь, ваше сиятельство! Правда, и мы, как и вы, не без греха, но не вам обличать нас в грехах наших. Мы плачем от душевной боли за все то, что творится на несчастной Руси, а вы изволите говорить, будто мы лицемерим, будто мы находимся “в припадке бешенаго фанатизма”... Вы даже клевете на нас, будто мы “требуем насилия и даже пролития крови над группою буддистов и над строящеюся их молельнею” – да ведь это уж совершенная клевета, клевета непростительная в устах – не иудея какого-нибудь, а благороднаго “потомка великаго Карамзина”, как вы часто любите себя величать! Вы даже не хотите нас признать христианами, вы так и говорите: “вы даже не христиане”, и ссылаетесь на слова Христа Спасителя, не имеющия ни малейшаго отношения к религии: “воздадите кесарево кесареви”... Будда – не кесарь, и мы – не покоренные кесарем иудеи.

Что касается невежества, то позвольте, князь, вернуть это обвинение с большим правом по вашему адресу. Вы изволите уверять нас, что “буддисты не язычники, а чтущие столетиями единаго Бога”, а того и не подозреваете, что сии буддисты никакого единаго личнаго Бога и не признают. Вы уверяете нас, будто они “от своего Будды воспринимают для жизни заветы веры, нравственности и любви к ближнему, совершенно одинаковые с теми, какие проповедует Христова Церковь”. Ах, князь, позвольте вам доложить, что просто стыдно за вас: вы-то и есть “круглый невежда”, не умеющий отличить божественнаго откровения Христова от бредней индийскаго царевича, вы-то и не подозреваете, что чрез это становитесь рядом с неким лжецом Нотовичем, измыслившим целую книгу с целию доказать, что Христос Спаситель все позаимствовал у буддистов в Своей молодости, но ведь это уж – простите – даже и не невежество, а хула на Духа Святаго... Ведь если учение Будды “совершенно одинаково” с учением Христа, то зачем и приходил на землю Христос? Зачем и умер, и воскрес? Ведь вот до чего можно договориться, князь, – до полнаго отречения от Христа... Советуем вам почитать о том, что такое буддизм в сочинениях покойнаго Никанора, архиепископа Одесскаго, архиепископа Нила Ярославскаго, архиепископа Вениамина Иркутскаго, протопресвитера Аквилонова и профессора Ал. Ив. Введенскаго в его докторской диссертации. Если же эти сочинения покажутся вам слишком тенденциозными, как писанные служителями Церкви, то загляните хоть в книгу И. А. Подгурскаго о буддизме и проф. Рис Девиса... Очевидно, ничего вы из сей литературы не изволили читать, а судите о буддизме с видом знатока предмета и учите нас, что учение Будды “одинаково” да еще “совершенно одинаково” с учением Христа... Ах, князь! Как жаль вас, как стыдно за ваше поистине “круглое” невежество в сем деле!..

Вы становитесь настоящим адвокатом буддистов: вы называете их “безвредными и кроткими”, вы ссылаетесь на их якобы “уважение” к православной Церкви, как на отличительную будто бы черту буддизма, вы уверяете, что никакой опасности от пропаганды буддизма не может быть. Но и мы не говорим о такой опасности: мы говорим лишь о соблазне. Нет сомнения, что найдутся в среде нашей интеллигенции и такие, которые пойдут в идольское капище, правда, из празднаго любопытства, но если бонзы какие там будут жрецы, предложат им, особенно дамам, кинуть на горящие уголья горстку благоуханных трав, то не задумаются исполнить такой обряд: “что ж-де тут преступнаго? Надо уважать и чужую религию, хотя бы она была и заблуждением”... А того не вспомнят сии новые идолопоклонники, что во времена оны древняя именно вот этого приличия и требовали от христиан но крепкие духом святые мученики отдавали свои руки на сожжение, а желаня язычников не исполняли. Таков был св. Варлаам, котораго прославил в своем слове св. Василий Великий за то, что тот не сбросил со своей руки фиимиам, когда язычники держали его руку над горящими углями, пока все персты

руки не отпали... А мы знаем примеры из нашего времени, что такое “уважение” чужой вере оказывалось нашими православными... Бог им судия!

Но, повторяю: дело не в опасности “пропаганды”. Дело в глубоком оскорблении религиозного чувства православно верующих. Видеть идолов в родной столице, идолов, коих отцы наши низвергали и влачили по земле, видеть идольское капище, за разорение каковых Церковь прославляет многих святителей, видеть всю эту мерзость на стогнах царственного града, – вот что обидно для нас. Мы не препятствуем идолопоклонникам кланяться своим идолам в их жилищах, но публичное оказательство такой, по нашим убеждениям, нечестивой веры, такого служения, идолам или бесам – для нас это одно и то же, – видеть капище, возвышающееся выше наших храмов православных, – вот что невыносимо для нас! И ужели протест, простой протест против сей, повторяю, мерзости языческой, ужели заслуживает того, чтоб нас обозвали “фарисеями, полными беззакония и лицемерия”?.. Пожалейте, князь, русских православных людей! Ужели вам какие-то идолопоклонники дороже нас, миллионов православных?

Вы обвиняете нас, князь, в “ненависти к безвредным и кротким буддистам” и в том, что мы “не предпринимаем подвигов отстаивания православия в народе проповедью”.

Вы говорите: “Ужели между вами, уверяющими, что вы стоите за православие, и истерически плачущими над буддийской молельней, не найдется даже одного, чтобы проповедывать любовь к православной Церкви в той народной среде, откуда уходят тысячи в штунду и баптизм? На это вы нейдете: это – подвиг, это – самопожертвование, это нарушает комфорт шталмейстеров Трубниковых и К^о, а идете на то, что легко и ничего не требует, кроме бешеной слюны – на донкихотизм...” Благодарим, князь, за наставление, хотя “бешеной слюне” место бы в жидовской газете, а не в дневниках вашего сиятельства. Но в том-то и горе, что живете вы где-то на луне и не видите, не знаете, как мы глубоко болеем душою не только по поводу осквернения царственного града капищем, но и о всем том, что творится в недрах самой Церкви, благодаря тому, что в последние годы как будто кто-то отдал ее, мать нашу, на поругание и расхищение... Церковь Божия – вечное учреждение: она пребудет до скончания века, но измена ей гибельная для изменников, и ужели наши люди, мнящиеся быть государственниками, перестали быть христианами, ужели их христианская совесть молчит, когда они требуют не полагать преград всякаго рода соблазнам в виде лжеучений, имже числа несть, вторгающимся в недра Церкви? Ужели они не ответят Богу, когда видят, что мы, пастыри Церкви, изнемогаем в борьбе с сими соблазнами, что недостаточно “проповеди”, чтоб оградить от них народные массы, ибо соблазнитель пускают в дело и ложь, и обман, а нередко и насилие? Ужели не боятся они суда Божия и страшной ответственности пред историей? Ужели и вы, князь, не боитесь всего этого, приравнивая учение Христово к учению Будды и соблазняя своих читателей? Надо пожалеть терзаемую Россию...

Не пророки мы, но мы крепко уверены, что с той минуты, как народ Русский отречется от Православной Веры – он исторически перестанет существовать. Вот почему и тщатся все враги наши отравлять наш народ всякими лжеучениями, вот почему стремятся оскорблять наше религиозное чувство всякими поблажками врагам нашей святой веры... Ужели и вы туда же?..

Говорят, что таможенное ведомство, в котором идут хлопоты о снятии пошлин с идолов, запросило министерство финансов: смотреть ли на идолов, как на товар, или же признать их священными предметами (предметами религиозного почитания)? И оттуда пришел якобы ответ: министерство финансов считает идолов простым товаром... А, впрочем-де, спросите мин. внутрен. дел... Любопытно, как ответит на сей вопрос последнее министерство. Ужели оно уступит, согласится принципиально признать сих идолов “святынею”, с которой брать пошлину есть кошунство?..

Впрочем, мы живем в такое время, когда ничему не приходится удивляться. Ведь можно подумать, что государство, в лице авторов вероисповедных законопроектов и их единомыш-

ленников, давно решило, что для него все веры равны, ибо все они – одно заблуждение, пережиток давно минувших дней, и нужны лишь для обуздания некультурных масс... Ведь кто близко вчитывался в разные вероисповедные законопроекты, тот не может не заметить этого духа, веющего во всех их... Еще слава Богу, что и в среде тех, кому Государь вверил рассмотрение сих законопроектов, есть люди верующие, есть люди, понимающие всю гибельность их для родной земли. Вот почему мы не теряем надежды, что сии русские люди не допустят в законах о вероисповеданиях таких оскорблений православного религиозного чувства, каким является постройка языческого капища в столице, в недалеком расстоянии от православного храма. Если закон воспрещает строить театры близ храмов, тем паче он должен воспретить постройку капищ в столице православного русского царства.

Этот дневник был напечатан в “Колоколе” 22 октября. А 24 октября два князя-редактора ответили мне, каждый в своей газете. Ответы очень характерные не только для их авторов, но и для того общества, коего они являются представителями: настоящие римляне времен кесаря Августа или Тиверия! Не достает разве только римского патриотизма, а пантеон уже имеется...

Князь Мещерский в своем “Гражданине” уделил мне ровно 12 строк, из коих в 6-ти поучает меня “пещись об удовлетворении жгучих нужд Вологодской епархии и о врачевании многих ея ран и недугов, а не писать в уличных газетах (поздравляю почтенную редакцию “Колокола” с новым чином, пожалованным ей князем Мещерским!) и не давать места в сердце, чтоб ненавидеть и ругаться”, в остальных 6-ми строках уверяет читателей своего “Гражданина”, – благо они не читают “уличной газетки” “Колокол”, – будто мое обращение к нему “преисполнено злостью, ненавистью и ругательствами, вряд ли устам епископа приличествующими”. Таков мне княжеский ответ. На первое скажу, как ни трудно мне управлять моей обширной епархией, но моя же архиерейская совесть настойчиво требует ограждать моих пасомых, читающих издание князя – защитника капищ идольских, от соблазна, а потому я должен находить и на это время. На вторую выходку следовало бы почтительнейше просить его сиятельство перепечатать мою “отповедь” в “Гражданине”, чтобы его читатели могли воочию видеть: есть ли там “злость, ненависть и ругательства, устам епископа неприличествующия”? Но ведь это бесполезно: для князя выгоднее скрыть от своих читателей то, что я писал в обличение ему, пусть-де они останутся в уверенности, что епископ Никон носит “в своем сердце злость, ненависть и ругательства”, что он “не уважает свой сан и его, князя, старость”... Мне остается просить моих читателей еще раз перечитать мою ему “отповедь” и помочь мне найти в ней “злость, ненависть и ругательства”. Я думал, что имею дело с мужем мудрым, а оказывается – нарушил правило премудраго Соломона (Притч. 9, 8).

Другой князь, редактор “С.-Петербургских Ведомостей”, уделает мне 120 строк, на которых позволю себе ответить также открытым письмом.

Ваше Сиятельство, милостивый государь!

Вам угодно было причислить меня к последователям Торквемады за то, что я горячо протестую от лица миллионов православных русских людей против постройки в царственном граде св. Петра идольского капища. Но ведь Торквемада проповедывал костры для инакомыслящих, а я еще не присуждал вас на костер: за что же такой строгий суд надо мною? Читая ваше открытое письмо, я сначала порадовался и хотел уже печатно просить у вас извинения в том, что с голоса многих газет обвинял вас в сборе пожертвований на капище: оказывается, вы считаете роль такого сборщика “дикую и невероятную”. Но то, в чем вы изволите сознаваться, что вы приглашены и, конечно, не отреклись быть членом комиссии по постройке идольского капища, с нашей православной точки зрения, еще более дико, невероятно – грешно. Ведь это с вашей стороны вклад в дело идолослужения, жертва уж и не деньгами, а своим трудом, своими, Богом вам данными способностями и силами... Простите, как архиерей, вопрошаю вас: какой же вы “верный сын нашей матери-Церкви”? Мне больно писать эти строки, ибо не вы

один находите возможным в наше время совмещать служение Христу с служением идолопоклонству!.. Нет, князь, лучше бы, если бы ваши руки не касались этого нечистаго дела!

Прошу извинения, что я не назвал по имени того царевича, о коем упомянул в своей статье, полагая, что вам хорошо известно это имя, как изучавшему буддизм. Я разумел Будду, а не угодника Божия царевича Иоасафа, который жил спустя тысячу лет после Будды. Вероятно, вам пришла на память известная легенда из “отреченной”, непринятой Церковию литературы, в коей, действительно, представлена попытка переделать буддийския бредни на христианский лад. Но ведь преподобный Иоасаф ни малейшаго отношения к той легенде не имеет. Знаю, что у немцев существует стремление все жития святых Божиих обращать в легенды и сблизать с языческими мифами, чтобы подорвать наше к ним уважение, но ведь мы – православные христиане и понимаем, но каким побуждением это делается. Судите сами: ведь если Будда и царевич Иоасаф, угодник Божий, одно и то же лицо, то выходит, что наша Церковь празднует память Будды 19 ноября... Да не будет такой хулы на Церковь, Христову невесту непорочную!

Вот, князь, что хотелось мне сказать по поводу вашего открытаго ко мне письма. Уж слишком наболела на душе эта переоценка ценностей, эта постепенная подмена нашего искони православнаго миросозерцания разными суррогатами религиозных и нравственных понятий в духе религиознаго безразличия! И грешно нам, архипастырям, молчать в такое время, относиться ко всему этому безразлично, равнодушно. Может быть, по немощи нашей, иногда сорвется с пера и горькое, слишком горькое слово, но простите: в нашей совести грозно звучит слово Свидетеля вернаго и истиннаго, имеющаго очи, как пламень огненный, и в устах Своих обоюдоострый меч: “о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то низвергну тебя из уст Моих!” (Откр. 3, 15–16)...

Желаю вам милости Божией, ваш искренний доброхот,

Никон, епископ Вологодский и Тотемский.

25 октября 1910 г.

Примите, князь, мою благодарность за вашу деликатность: вы прислали мне № своей газеты, где напечатали мне ответ, чего, к сожалению, князь Мещерский не счел нужным сделать...

№ 43

Горе от пьянства и – о тщеславии

Недавно я писал в своем дневнике о великих скорбях пастырского служения в наше грешное время, говорил о том, что ныне добрый пастырь есть истинный крестоносец, не потому только, что носит крест на персях своих, но главным образом потому, что, подобаясь великому Крестоносцу всемирному Господу Иисусу, состраждет Ему скорбями своего служения, сораспинается с Ним на своем кресте, терпя поношение от врагов Его Церкви святой. Не падайте духом, добрые пастыри! Мужайтесь! С вами Христос! Он не покинет верных Ему соратников Своих. Он и силы подаст, и дух укрепит, и сердце в скорбях ваших утешит тою несказанною радостью, которой не ведает мир, которою радуются небожители, которой никто-никто не отнимет у вас!

Но что сказать тем пастырям, которые забывают свой долг, которые блазнят верующих своих же пасомых, которые предаются тем же порокам, коими заражены их пасомые? А немало и таких пастырей, и какую же великую скорбь причиняют они своим архипастырям! Думаю ли они об этом? Знают ли?..

Освещал я недавно храм в такой местности, где пьяное буйство доходит до тех ужасных проявлений – даже больше, – чем какие описаны в книге Родионова “Наше Преступление”. У г. Родионова пьяные парни мстят своему односельчанину за то, что он богаче их живет, что не разделяет с ними компаний, за то, что он лучше их... А здесь убивают людей ни за что, ни про что, так себе, из молодечества, из-за какого-то безумного рыцарства, из желания показать, что “любуйтесь-де на меня: вот я каков – ничего не боюсь, на все-де готов!.. Отца родного не пожалею, коли встретится!” И не жалеют: побьется пьяный парень “о заклад” с буйными товарищами, что перваго встречнаго убьет, и выходит с финским ножом, и если встретит отца родного, то и его не щадит: “смотрите-де, я не трус!”... Бывали случаи.

Понятно, что в таких местностях и пастырям нужно быть постоянно на страже: редкий праздник проходит без убийств. Исправник говорил мне, что за полгода в этом краю, в трех-четырех волостях, было до 56 убийств! В том селе, где я служил на сей раз, лет 30 назад убит был даже священник за то, что боролся с пьянством. И надо сказать правду: духовенство в этих местах старается быть на высоте своего положения. Но, к сожалению, не все священники таковы. И вот эти-то исключения и служат великим соблазном для народа.

Накануне освящения храма я хотел посетить местную больницу. Но мне сказали, что там больных нет, а только раненые. – Какие же раненые? – спросил я. Отвечают: недавно был праздник, была обычная здесь поножовщина, и в больницу привезли несколько молодых израненных. Больно мне стало, и я решил за всюнощной сказать слово сильного обличения этому дикому обычаю. Говорил я горячо, обращался к совести христианской, грозил судом Божиим, стыдил, указывал на вред пьянства, на безчеловечие буйнаго обычая, просил, умолял бороться с этим злом всеми мерами, советовал образовать общество трезвости и виновным грозил строгими епитимиями. Женщины плакали, мужчины стояли, повесив головы, а иные вздыхали. Видно было, что народ сознает свою вину. Я указывал им на благодать Божию, которая всегда готова на помощь грешникам, когда они каются, указывал средства укрепить свою слабую волю в борьбе с пьянством и буйством. Когда я кончил, послышались слова благодарности: “Спасибо тебе, владыко, спасибо, родной!” В праздник, имея в виду, что не все были за всюнощной, не все меня слышали, я в своем слове снова повторил главные мысли вчерашней беседы, а потом просил почтеннаго волостнаго старшину посодействовать духовенству в борьбе со злом. Надо было действовать быстро, чтобы не прошло доброе впечатление моих увещаний. Народ, слава Богу, еще чтит своих архипастырей, и наше слово, хотя оно и не всегда жжет сердце, ложится на душу простаго человека добрым семенем. И я имел утешение потом получить от одного из

священников извещение, что как в дни освящения храма, так и следующий за ними храмовой праздник не было прежних буйств, не было ни одного убийства, а скоро затем узнал, что и возникло и общество трезвости. Оставалось радоваться и благодарить Бога. Но, видно, и сатана не дремлет в таких случаях. И он причинил мне тяжкую скорбь, какой я не ожидал. Прошел месяц после моего посещения, и я получаю от общества трезвости донос, что один из священников, дав обет воздержания, успел уже трижды нарушить его в приходе и притом публично... Даже у постели больного, при напутствовании его, не воздержался... Глубоко огорчило меня это известие: соблазнителя и нарушителя своего обета я тотчас же запретил в священнослужении и назначил следствие, дабы дать пример строгого отношения к таким слабым иереям. А трезвенникам послал нижеследующее архипастырское наставление:

“Членам Исидоровскаго общества трезвости – Божие благословение!

Порадовало меня доброе послушание ваше, когда я узнал, что по моему совету, нимало не отлагая, вы открыли у себя в приходе общество трезвости, дав обет воздержания, но глубоко огорчен я был, когда из вашего сообщения узнал, что один из вас уже трижды нарушил этот обет, и кто же? Пастырь, священник Бога Вышняго! Я запретил ему, яко соблазнителю, священнослужение, и он будет держать ответ за свое невоздержание яко священник пред судом архиерейским, но к вам я долгом почитаю обратиться с словом пастырскаго наставления. Верю, что любовь ваша приклонит сердце ваше к слову моему.

Пишите вы, что теперь, после нарушения обета воздержания самим священником, каждый мужичок подсмеивается над вами и называет общество ваше пустой затеей. Ведайте, братья, что ваше доброе начинание ненавистно для врага рода человеческого – диавола: вот он, устами неразумных людей, и издевается над вами. Очевидно, он злорадствует над пастырем, нарушившим свой обет. Вы пишете: Бог поругаем не бывает. Сей пастырь, говорите вы, не человекам солгал, но Богу. Правда. Но бойтесь строго судить его. Силен Господь падшаго восстановить, слабого укрепить так, что он может стать во главе многих борцов против пьянства и не раз победит врага, вырывая у него из пасти несчастных пьяниц. Не порицаю вас за то, что вы сообщили мне о соблазне, какой произошел от слабого священника. Но предостерегаю вас от греха осуждения ближняго. Не судите, глаголет Господь, да не судимы будете... Вы должны побратски, по-родному вразумлять падающих, должны молиться за них такую молитвою: “Господи! Помози несчастному (такому-то) победить искусителя врага; Господи! Покрой всех нас от сего искушения. Ведаем, Господи, что диавол, яко лев рыкая, ходит, ища кого поглотить. Сегодня он искусил брата нашего, а завтра, может быть, станет нас искушать. Прогони его и от искушеннаго, и от нас в час искушения!” Молитесь и о тех неразумных, которые смеются над вами. Не осуждайте их: и их искушает все тот же сатана. Знайте, братие мои, что в деле борьбы с искушениями потребнее всего смирение. Не та трезвость Богу приятна, которая хвалится, как фарисей: вот я не такой, как тот пьяница, а та Богу приятна, которая и в пьянице видит, правда, помраченный грехом, а все же образ Божий, которая жалеет пьяниц и молится за них и всячески тщится вывести их на путь трезвости. Только раскольники да сектанты хвалятся своею трезвостью, за то враг им и помогает в самой трезвости. Для него ведь гордость приятнее пьянства. Пьяница может ведь увидеть свои немощи, покаяться, к Богу обратиться, а гордаго только Бог может вразумить. Вот почему и предостерегаю вас: не хвалитесь, не гордитесь своею трезвостью. Только смиренным дается от Бога благодать. Вместо того, каждый из вас старайся словом любви увещавать пьющих – не пить и присоединиться к вашему обществу трезвости. Господь увидит ваше тщание, вашу любовь и поможет вам в этом. Помните только, что всякое доброе дело трудом, терпением да молитвою совершается. И силен Бог обратить сердце к вам даже тех, которые ныне смеются над вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.